

**Товарищество писателей в Петербурге
Секция критики и литературоведения
Союз писателей России**

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики,
прозы и поэзии

«... из пламя и света рожденное слово!»

М. Ю. Лермонтов

№ 12

**Март - Апрель
2019**

Санкт-Петербург
2019

ББК XX.YY

Редакционный Совет

Главный редактор
В. И. Чернышев

ISSN xxxx-xxxx

©Чернышев В. И., 2019
©Редакционный Совет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ НРЖ №12

I. СИМФОНΙΑ ПОЭЗИИ, ПРОЗЫ, КРИТИКИ и политики

В. И. Чернышев. Странички из дневника	6
СТИХИ НОВОГО ГОДА	7
В. А. Овсянников. Адмирал Макаров	451
Особняк Брусицыных	457
День язычников	452
Владимир Меньшиков. Русские обломы	456
Новая русофобия	457
Собрание трактористов (стихи)	456
Превратности и превращения	459
Александр Медведев. Нити судьбы. Миниатюры	75
Заметки по поводу творчества В. Овсянникова	76
О книге В. Овсянникова «В тени Водолея»	85
Мария Амфилохиева. Стихи	89
Мария Амфилохиева. Анкета на 8 марта и ответы на Анкету	93
Маргарита Токажевская. Анкета и Ответы на Анкету	95
Редактор. Письмо подругам о превосходстве женщин над мужчинами	96

II. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. Лишние русские люди

Замогильные Записки. Обложка	97
Вл. Серг. Печерин. Замогильные Записки. Текст.	98

III. ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

М. П. Чернышева. О феномене жизни	103
Приложение. Трагическая судьба ученых в СССР (Н. А. Козырев)	109
А. В. Осипов. Философия и Революция	111

IV. ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБ

К СТОЛЕТИЮ со дня рождения А. И. Солженицына	
Геннадий Муриков. Как же мы якобы обустроили Россию?	140
Вместе или «рядом»?	153

V. ЛИЧИНЫ, ЛИЦА, ЛИКИ

Геннадий Муриков. Рукописи не горят... а книги??	159
Т. М. Лестева. Стихи	164
В. А. Овсянников. Прощание с Глебом Горбовским	457

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ (статьи, обзоры, рецензии и ПИСЬМА)

М. П. Чернышева. Опера Верди на сцене Мариинского театра	169
В. И. Чернышев. Верди. Впечатления и размышления после спектакля	172
М. П. Чернышева. «Бешеные деньги» А.Н. Островского в театре комедии	185
В. И. Чернышев. Ален Вуд. Комедия «по-американски» в театре Акимова	188
Танк Т-34	191

VII. НАД ЖИЗНЬЮ. Философия отчаяния

Н. И. Калягин. Отрывки из «Чтений...»	196
В. И. Чернышев. Призывание интеллигенции к диалогу	206

ЗА СТОЛОМ У РЕДАКТОРА

Ольга Мальцева. Стихи	228
Осенняя женщина. Стихи	230

**I. СИМФОНИИ ПОЭЗИИ, ПРОЗЫ, КРИТИКИ
и Политики как искусства невозможного**

*I. СИМФОНИЯ №1
ДЛЯ БАРАБАНА БЕЗ ОРКЕСТРА
и одинокой слушательницы*

*II. СИМФОНИЯ №2
ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО, СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ
и оркестра русских народных инструментов*

ИСПОЛНИТЕЛИ

1. Критик в облике Поэта
2. Поэт в облике Критика
3. Критик как художник
и оркестр Секции критики

*III. СИМФОНИЯ №3
ДЛЯ КЛАВЕШИНОВ И ФЛЕЙТ
и восхищенных слушателей*

В. И. Чернышев

(странички из дневника)

**СТИХИ ...
Нового года**

СТРАНИЧКИ из ДНЕВНИКА. 21 января 19 - 2 марта 19г

Володя Меньшиков советовал мне объявить себя Мессией и присвоить и *Истину и Путь* (как Христос), ...но не все так просто. Вся моя жизнь прошла словно бы в мечте об Истине, в стремлении к ней, в поисках ее, но одновременно я страдал от **духовного подавления**, жаждал **духовной свободы** – и, наконец, понял, что или Истина или Свобода. Целая вереница пророков, объявивших себя истиной, от Христа до Маркса и Ленина, и каждый успешнее всего сумел запретить всякую истину кроме той, которую возвестил он сам. На кострах сжигали еретиков и инакомыслящих, слуг дьявола, у траншей расстреливали тоже инакомыслящих и врагов народа. Наконец я понял, что Истины нет и не должно быть, ибо если бы она утвердилась так надолго, как христианство, то скоро бы стало невозможно дышать. Мы все учились в одной школе, которая хотя отучала мыслить, вбивая в наши головы дурные и пошлые истины марксизма, но одновременно открывала сочинения Радищева, Герцена, Вольтера, Пушкина, Добролюбова, Толстого, ... мы все плакали, читая «Овод» Войнич, «Красне и черное» Стендала, «Девяносто третий год» Гюго... мы все мечтали о светлом будущем для человечества, а не о личном воскресении и житии в виде листка на Древе Господнем, воодушевлялись подвигами Спартака, Спартакцев, Степана Разина и Емельяна Пугачева, сочувствовали купцу Калашникову и Князю Серебряному, а не злобному безумцу Ивашке Грозному и его верной собаке Малюте – мы доверяли великим русским писателям и поэтам, и повторяли как молитву *«Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!»* Писатели-поэты и литература нас учили жить, верить, любить, отличать правду от неправды. *Где вы нашли более великих поэтов*, которые вам смогли объяснить, что правда, оказывается, не в сердцах Радищева, Кюхельбекера, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Достоевского, Толстого, Герцена, а в сердцах и воле тиранов и жандармов: преступника и параноика Грозного, Николая Палкина (так прозвали его домочадцы, которые были поклонниками Пушкина), Аракчеева, Филарета, Победоносцева (Александр Блок весьма уступал ему в силе таланта!), Столыпина, придурка Николая «Кровавого», ввергшего Россию в Мировую войну, с которой и началось ее падение!/? Целая вереница гениальных поэтов в двадцатом столетии: Александр Блок, Николай Гумилев, Велемир Хлебников, Сергей Есенин, Клюев, Цветаева, Георгий Иванов... писателей и критиков: Розанов, Иванов-Разумник, Набоков, Булгаков... великие художники, композиторы (Скрябин и Рахманинов), певцы и актеры (Шаляпин и Комиссаржевская), великие ученые, философы, физики, астрономы (Н. А. Козырев), генетики (Н. И. Вавилов)... и каждое из имен – целый мир. Как же сумел всех превзойти бездарный поэт и удачливый разбойник Джугашвили? Надо вам его прочитать, как и других великих мыслителей советской эпохи, имена которых все еще вплетены в имя России – и Кирова, и Брежнева, и Коллонтай и Ларисы Рейснер. Невежество – вот мать пороков, узость мышления – их отец!

СТИХИ НОВОГО года

* * *

И в книгах не найти ответа:
Так что я делаю не так,
Что так темно, так мало света?!
Быть может, сдаться, отступить,
Расстаться с непосильной ношей?
Уже почти не смею пить,
Почти не ем, почти хороший...
Всё в бденьи: Запад – и – Восток.
Тревожен ум, изнемогая.
Народ молчит. Устал Пророк.
Замерзла Истина... нагая....
И все, сгрудясь вокруг толпой,
В притворном ужасе трепещут,
Умом заимствованным блещут...
Я, глупый, пригласил домой.
С тех пор живу как русский князь.
То афоризмы изрекаю,
То в рифму глупость облакаю...
То учит жизнь: все мордой в грязь!

И все же мир плох не совсем до конца,
И жизнь не всегда от меня убегает,
И пули поют, но скользят вдоль лица.
И свечи сгорают... но прежде мигают.
29 января, четверг

* * *

Мне плохо, я соткан из слез,
Из слов, междометий, метафор,
Я дольняя лоза среди трепетных лоз,
И жизнь моя вовсе не сахар.

Мне плохо, ночные часы –
Одно наказание без права.
Я брошен на жгущие ада весы,
Нет ветра, восхода, небесной росы,
Нет лёгкого ангела справа.

И что же мне снится? Ни суд, ни совет,
Нет серого утра, рассвета.
Мой бог не родился, кумир не воспет,
Не слышима музыка, чаянья нет...
Моя ли то песенка спета?

Дождусь ли? Вдруг звякнет засов,
Дверь стукнет, и ветер подует.
Я соткан, как все, из затасканных слов,
Из детства, деревни, отчаянья, снов –
И скажут и мне – Ну, пошли! Ты готов? –
Но чаша меня вдруг минует?

8 февраля

Реминисценции из Золотого века Поэзии.

Устал я. Жизнь меня томит...
Быть может, я во сне глубокою,
Уже разгромлен Злом и Роком –
И вдохновенье также спит,
Лишь беспокойство душу гложет
Своей бессмысленной тоской,
Но пробудить меня не может?
Что призываю я? Покой?
Гром посреди нелепой ночи?
Зов божества? Иль червь источит
Мне сердце, в немощи проснусь,
Но ни к чему не пригожусь?
"Восстань, Пророк!" – какую силой
Восстать смогу?! Кто призовет?
Кто душу мне наполнит страстью?
Что оживит, какую властью?
Музыка? Гимны прошлых лет?
Уже истоптанной дорогой
Пойти за всеми в божий рай?
Вскричать: оставь меня, не трогай!
– Тогда лежи и умирай!
Нет, посреди пустыни дикой
Я обращаю взор к Тебе,
Народ, по-прежнему великой! –
в надежде, в ярости, в мольбе...
Ты ждешь меня? мы будем вместе,
Когда пришлет мне небо вести
И повеление пойти
На новый бой во имя чести?
Да, я с тобой! Уже в пути!

10 февраля

В. А. Овсянников

1. Адмирал Макаров

**2. СОБНЯК
БРУСНИЦЫНЫХ**

3. ДЕНЬ ЯЗЫЧНИКОВ

Вячеслав Овсянников

Адмирал Макаров

Жизнь адмирала Макарова цельна, как его характер. Препятствия и обстоятельства не отклонили его от прямого, раз и навсегда выбранного пути. А препон было предостаточно. Его упорство и твердость, громадная энергия и убежденность в своей правоте преодолевали их. Макарова нельзя было свернуть с его дороги, согнуть, сломать. Он был создан из того же крепкого материала, что и другие гениальные русские люди, полководцы, ученые, художники. Недаром он был дружен с Менделеевым и Верещагиным. Его дух был выкован в том же горниле, что и дух Ломоносова, Суворова, Ушакова, Нахимова.

В городе Николаеве на бывшей Католической улице (в 1986 году переименована в улицу адмирала Макарова) сохранился беленый домик и мемориальная доска на нем. Здесь 27 декабря 1848 года родился Степан Осипович Макаров. Отец, Осип Федорович, начав службу простым матросом, в 25 лет получил офицерский чин. Мать умерла, когда Макарову было девять лет. Позднее Макаров писал в письме: «Я с девяти лет был совершенно заброшен и почти никогда не имел случая пользоваться чьими-нибудь советами. Все, что во мне сложилось, все это составилось путем собственной работы». Затем Дальний Восток, Николаевск-на-Амуре, куда отправили служить отца. Окончил там мореходное училище. Назначение на пароход «Америка». Первые плавания. Четыре года служил гардемаринном на различных военных кораблях. Корвет «Варяг», корвет «Аскольд». В 1867 году переведен в Петербург. Учеба в Морском корпусе. В 18 лет написал первую статью, опубликована в научно-военном журнале «Морской сборник». В 1869 году – мичман. Зачислен на броненосную лодку «Русалка». В одном из походов «Русалка» получила пробоину от удара о скалу. Авария едва не привела к гибели корабля. Макаров занялся проблемой непотопляемости. Изучил причины аварий, произвел расчеты. Результаты исследования опубликовал в журнале «Морской вестник». Изобрел специальный пластырь для заделки пробоин. «Пластырь Макарова». Стал применяться по всему русскому флоту.

В 1871 году – лейтенант. Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Макаров – командир парохода «Великий князь Константин». На Черном море у Турции сильный флот. У России морские силы малочисленны. Макаров предлагает использовать пароход «Великий князь Константин» – поставить на него минные катера, которые можно быстро опускать на воду. После обнаружения турок катера в темноте самостоятельно атакуют их корабли шестовыми или буксирными минами. После атаки отходят к пароходу, их поднимают на палубу, и пароход быстро уходит. Действие Макарова успешны. Несколько турецких кораблей утоплены или повреждены. Турки напуганы и уже не рискуют оставаться у русских берегов на ночь. Макаров в этой войне ввел новые приемы морского боя, впервые в мире применил мины для атаки, а не для обороны. Его идея возить на быстроходном пароходе минные катера осуществлена затем на русском флоте – плавучие базы

торпедных катеров и малых подводных лодок. Минные катера Макарова – прародители современных торпедных катеров и эскадренных миноносцев. Призыв Макарова: «Если вы встретите слабейшее судно, нападайте; если равное себе, нападайте; и если сильнее себя – тоже нападайте!».

1880 год. Направлен на Каспий. Война с текинами (туркменское племя). 1881 год – послан в распоряжение русского посла в Константинополе, командир корабля «Тамань», капитан второго ранга. Еще одна научная работа: исследование о течениях в Босфоре: «Об обмене вод Черного и Средиземного морей». Удостоен премии Академии наук. Награжден Малой золотой медалью Русского географического общества. 1885 год. Командир фрегата «Князь Пожарский». В 1888 – 1889 годах Макаров совершил кругосветное плавание, командуя корветом «Витязь». В плавании почти три года, 993 дня. Океанографические исследования обобщил в капитальном труде «Витязь» и Тихий океан». Более тысячи страниц. Впервые в мире дал описание гидрологии северо-западной части Тихого океана. В Монако существует океанографический музей, один из крупнейших в мире. На стенах музея начертаны названия судов, с которыми связаны крупнейшие открытия в области океанографии. Там есть латинскими буквами и слово «Vitiaz».

1890 год. Контр-адмирал, самый молодой адмирал на русском флоте. 1891 год. Главный инспектор морской артиллерии. Изобрел особые наконечники к бронебойным снарядам. «Макаровские колпачки». Снаряд с таким, насаженным на него колпачком, пробивал самую прочную броню.

1897 год. Издал книгу «Рассуждения по вопросам морской тактики». Широкий успех, переведена на многие языки мира. В этой книге Макаров написал: «Каждый военный или причастный к военному делу человек, чтобы не забывать, для чего он существует, поступил бы правильно, если бы держал на видном месте надпись: «Помни войну». Макаров вывесил плакат с этими словами над письменным столом своего кабинета. Даже заказал золотые запонки с этой надписью. Книга Макарова о морской тактике стала принадлежностью всех практиков и теоретиков флота. Макаров написал очень много. Им создано почти 100 печатных работ. Гигантское эпистолярное наследие, дневники, записные книжки, путевые заметки. Дневник вел всю жизнь. Многие тетради хранятся в Центральном архиве Военно-Морского флота в Санкт-Петербурге. Макаров пишет в дневнике: «Работа – это моя лучшая и всегда неизменная подруга, я всегда находил в ней утешение». Другая запись Макарова о любви к кораблям, о боли и скорби моряка при их гибели: «Тот, кто видел потопление судов своими глазами, хорошо знает, что гибель корабля не есть простая гибель имущества; ее нельзя сравнить ни с пожаром большого города, ни с какою другою материальною потерю. Корабль есть живое существо и, видя его гибель, вы неизбежно чувствуете, как уходит в вечность этот одушевленный исполин, послушный воле своего командира. Корабль безропотно переносит все удары неприятеля, он честно исполняет свой долг и с честью гибнет, но не к чести моряков и строителей служат эти потопления, за которые они ответственные перед своей совестью». Любил повторять слова одного известного английского адмирала: «Дайте мне корабль из дерева, а железо вложите в людей».

1896 год. Вице-адмирал, в 48 лет. Предложил план освоения Северного морского пути с помощью ледоколов. В Географическом обществе обсуждение его доклада «Об использовании Ледовитого океана». Добился заказа на строительство первого в России ледокола. Ледокол «Ермак». Строился по его проекту. 1899 год. Первое плавание Макарова на ледоколе «Ермак» в Ледовитом океане. Спас на ледоколе севший на мель у острова Готланд броненосец «Апраксин». Всего совершил три полярных плавания. Написал книгу ««Ермак во льдах»; более 500 страниц, рисунки, карты, таблицы. Издана за свой счет. Ледокол «Ермак» надолго пережил своего создателя. Провел через льды Балтики около тысячи судов. В 1918 году во время знаменитого Ледового перехода вывел корабли из Гельсингфорса в Кронштадт, предотвратив захват эскадры немцами. В 1938 году «Ермак» снимал со льдины экипаж первой в мире станции «Северный полюс». Во время Великой Отечественной водил корабли на Севере в Заполярье.

1899 год. Макаров назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта. Издал приказ «Об улучшенном способе варки щей». Любил говорить: «Под Полтавой мы победили своими щами, а Наполеона одолели гречневой кашей». Матросы Макарова уважали и любили, называли: «Борода» и «Наш старик».

Война с Японией. 1 февраля 1904 года назначен командующим флотом в Тихом океане. За короткий срок своего командования в 36 дней Макаров усиливает боеспособность русского флота и поднимает боевой дух моряков и гарнизона Порт-Артура.

31 марта 1904 года адмирал Макаров вышел с эскадрой в море. Находился на флагманском корабле броненосец «Петропавловск». При возвращении эскадры обратно в Порт-Артур в 9 часов 39 минут утра, в двух милях от маяка на Тигровом полуострове, броненосец «Петропавловск» подорвался на японской мине. Макаров находился на мостике. С ним художник Верещагин и Великий князь Кирилл. У правого борта раздался мощный взрыв, затем последовал еще более мощный взрыв под мостиком корабля. Броненосец накренился на правый борт, объятый пламенем, за две минуты затонул, погрузившись носом в воду. Спасти удалось 7 офицеров и 73 матроса. Спасся и Великий князь Кирилл. Погибли 27 офицеров и 652 матроса. Вместе с моряками погиб и художник Верещагин. Тело адмирала Макарова не было найдено. Осталась только его шинель, которая была накинута у него на плечи, когда он стоял на капитанском мостике.

Последняя книга Макарова: «Гидрологические исследования в Лаперузовом проливе». Издана после смерти.

Макаров любил повторять: «В море – значит дома». Этими же словами он закончил одну из своих книг.

Семья адмирала Макарова. Жена – Капитолина Николаевна Якимовская, из родовитой дворянской семьи. 1860 – 1946. Скончалась во Франции. Трое детей: две дочери и сын. Старшая дочь Ольга, умерла в возрасте шести лет. Вторая дочь Александра. 1886 – 1982. Скончалась во Франции в возрасте девяноста шести лет. Сын Владимир. 1891 – 1964. Сохранилось предсмертное письмо Макарова сыну, посланное из Порт-Артура:

«Дорогой мой сыночек!... Ты уже подросток, почти юноша. Я обращаюсь к тебе с другого конца России, как уже взрослому мужчине. Письмо посылаю своему старому другу в Кронштадт. Он найдет способ передать тебе в руки. Тут идет жестокая война, очень опасная для Родины, хотя и за пределами ее границ. Русский флот, ты знаешь, творил и не такие чудеса, но я чувствую, о чем ты пока никому не скажешь, что нам, и мне в том числе, словно бы мешает – не адмирал Того, нет, а как бы сбоку подталкивают, как бы подкрадываются сзади. Кто? Не знаю! Душа моя в смятенье, чего я никогда не испытывал. Начинаю уже чего-то улавливать, но смутно пока. Вот Верещагин Василий Васильевич что-то пытается объяснить, но сбивчиво, как все художники и поэты... Вот такое у меня настроение, сынок. Но знаешь об этом пока ты один. Молчи, как положено мужчине, но запомни...».

Сын Макарова Вадим пошел по стопам отца, поступил в Морской корпус. В 1912 году закончил. Произведен в мичманы. Участвовал в Первой мировой войне на корабле, носившем имя его отца, крейсере «Адмирал Макаров». Был награжден орденом святой Анны 4-й степени. Знак этого ордена крепился на эфесе сабли и кортика, с надписью «За храбрость». В 1916 году произведен в лейтенанты. К революции 1917 года отнесся отрицательно. Присоединился к Колчаку. Назначен флаг-офицером. В 1919 году назначается флагманским артиллеристом Камской флотилии, принимает участие в боях. После отступления Белой армии Колчака уезжает в США. Учреждает свою фирму. Двадцать патентов на изобретения. Собрал большую личную библиотеку, завещал России. Ныне хранится отдельным фондом в главной библиотеке страны. На свои средства издал в 1934 году книгу о своем отце. Скончался в Нью-Йорке в 1964 году.

Имя Степана Осиповича Макарова носят:

город в Сахалинской области;

котловина Макарова;

Государственный университет морского и речного флота в Санкт-Петербурге;

Национальный университет кораблестроения в Николаеве;

Тихоокеанский военно-морской институт во Владивостоке;

Улицы в различных городах России и Украины.

Несколько кораблей в Советском Союзе и России в разное время носили название «Адмирал Макаров».

Памятники

В Кронштадте, Санкт-Петербурге, Николаеве, Владивостоке.

Бюст в Смоленске.

Обелиск в селе Янракыннот Чукотского Автономного Округа.

Корабли

«Адмирал Макаров» – советский легкий крейсер. В 1945 году был передан по репарациям СССР после окончания Второй мировой войны. Был назван в честь адмирала Степана Осиповича Макарова. «Адмирал Макаров» – советский большой противолодочный корабль. Спущен на воду 22 января 1970 года. 3 июля 1992 года разоружен и исключен из состава ВМФ.

«Адмирал Макаров» – дизельный полярный ледокол. Построен в 1975 году в Финляндии, второй из серии ледоколов, построенных в Финляндии по заказу Советского Союза. «Адмирал Макаров» – фрегат, третий сторожевой корабль проекта 11356. Планируется принять на вооружение Черноморского флота России в 2018 году. 30 июля 2017 года фрегат «Адмирал Макаров» принимал участие в торжественном параде ко Дню Военно-морского флота у нас на Неве в Санкт-Петербурге.

Макарову посвящено немало работ известных художников. Одна из них, картина Евгения Ивановича Столицы «Вице-адмирал С.О.Макаров и художник-баталист В.В.Верещагин в каюте броненосца «Петропавловск».

Фильмы о Макарове: «Адмирал Макаров». Леннаучфильм, 1984 год. В 2013 году вышел двухсерийный фильм «36 дней войны».

Гибель Макарова и моряков на броненосце «Петропавловск» отразилась в поэзии. В газетах было опубликовано стихотворение неизвестного автора. Выбито на памятнике Макарову в Кронштадте.

Спи, северный рыцарь, спи, честный боец,
Безвременной взятый кончиной.
Не лавры победы – терновый венец
Ты принял с бесстрашной дружиной.
Твой гроб – броненосец, могила твоя –
Холодная глубь океана.
И верных матросов родная семья –
Твоя вековая охрана.
Делившие лавры, отныне с тобой
Они разделяют и вечный покой.

Об этой войне строки Блока:

Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?...
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

Велемир Хлебников, поэт, наделенный не меньшей пророческой чуткостью, писал в стихотворении «Перуну», соединив в вешем символе события древности и современности:

Бог, водами носимый,
Ячаньем встречен лебедей,
Не предопределил ли ты Цусимы
Роду низвергших тя людей?

Известие о гибели броненосца «Петропавловск» побудило его искать закон времени, исследуя хронику исторических сражений. На Троицу 1905 года Хлебников записал на коре березы:

Слушай! Когда многие умерли
 В глубине большой воды
 И Родине ржаных полей
 Некому было писать писем,
 Я дал обещание,
 Я нацарапал на синей коре
 Болотной березы
 Взятые из летописи
 Имена судов,
 На голубоватой коре...
 Я дал обещанье всё понять...

Отозвалось эхо этой катастрофы и в творчестве японского поэта Исикава Такубоку. Писал стихи в старинном жанре «танка». Умер в нищете, от туберкулеза, в 26 лет. Был убежденным противником войн. В Русско-японскую войну опубликовал сборник стихов «Стремления». В этом сборнике есть поэма «Памяти адмирала Макарова». Перевела на русский язык Вера Николаевна Маркова.

Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
 Не наносите яростных ударов,
 Замрите со склоненной головой
 При звуках имени его: Макаров!
 Его я славлю в час вражды слепой
 Сквозь грозный рев потопа и пожаров.
 В морской пучине, там, где вал кипит,
 Защитник Порт-Артура ныне спит.

 Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи!
 При имени Макарова молчи,
 О битва! Сопричислен русский витязь
 Великим полководцам всех времен,
 Но смертью беспощадной он сражен.

Вячеслав Овсянников

Особняк Брусницыных

Я решил посмотреть один не слишком известный старый дом на Косой линии, в самом ее конце – особняк Брусницыных. Давно мне хотелось взглянуть еще раз на этот полуразрушенный шедевр архитектуры, осколок былой красоты Петербурга, о котором сохранились легенды. Начинало темнеть. За углом – угрюмая перспектива Кожевенной линии с характерной приметой – крытым мостиком сверху над улицей, между кирпичными корпусами мертвого теперь завода. По обеим сторонам, у края узкого тротуара – мокнут под нудным, ноябрьским дождем крыши припаркованных машин. Передо мной справа буро-серые стены двухэтажного особняка. Жалкий вид. Остатки лепнины и украшений. Увы, здание в еще более плачевном состоянии, чем было, когда я видел его несколько лет назад. Вот-вот мы его навсегда утратим. Требуется срочная реставрация. Сохранился интерьер, есть экскурсии. И эта легенда о загадочном, мистическом зеркале Брусницыных...

«И в переулках пахнет морем». Писал Блок. Это о другой части Петербурга, на Пряжке, но как похоже. Юго-запад Васильевского острова, местность, известная с 1-й половины XVIII века – Чекуши. Косая линия – название возникло в начале XIX века. В отличие от остальных линий Васильевского острова, проходит не перпендикулярно Большому проспекту, а под косым углом к нему. Первое название – Новый проспект. Под этим именем улица была на картах Петербурга начиная с 1798 года. Косой линией стала в 1821 году. Иногда ее называли Кожевенным проспектом, поскольку проезд вел к Кожевенной линии и заводам на ней. На углу Косой и Кожевенной линий и стоит особняк Брусницыных, Кожевенная линия, 27. Читаем краеведа конца XIX века Михаила Бахтиярова: «Когда иностранное судно из Финского залива вступает в устье Невы, то оно проходит мимо Чекушей. Первое впечатление от Петербурга, когда к нему подъезжаешь морем, это запах кожи. В Чекушах постоянное зловоние. Когда с моря дуют ветры, то запах уносится в самый город». Что правда, то правда. Верно пишет Бахтияров. Тот же запах господствовал здесь и в годы моей учебы в макаровском училище. Доносился к нам на Косую линию. А когда попадали на Кожевенную – зажимай нос и беги. Хотелось поскорей ее покинуть. А название Чекуши вот почему. Кроме кожевенных мастерских тут склады были, в том числе и с мукой. Мука в амбарах от сырости твердела и слипалась. Вот ее и крушили специальными деревянными колотушками. Колотушки эти назывались – чекуши. Стук чекуш стоял тут постоянно. Вот и называли эти места – Чекуши.

Теперь о купцах Брусницыных.

Название «Кожевенная линия» – от кожевенных производств, которые по указу Екатерины II стали размещаться здесь, в глухой части города, поскольку «при самом въезде в городе быть оным неприлично, затем что от

оних происходит нечистота и нездоровый воздух». Здесь и купили участок в 1848 году Брусницыны.

Николай Мокеевич Брусницын, крестьянин Тверской губернии, начав дело с небольшой кожевенной мастерской, быстро преуспел, построил кожевенный завод и основал фирму «Брусницын Н.М. с сыновьями». Стал купцом 1-ой гильдии. Семья у Николая Мокеевича была большая: трое сыновей и пять дочерей. Сыновья после смерти отца продолжили дело, расширили производство. Двое из них – Александр и Георгий – сделали купцами 2-ой гильдии (т.е. владели капиталом более 20 тысяч рублей). Третий сын Николай – коммерции советник, купец 1-ой гильдии, гласный Городской Думы, вице-председатель совета Русского банка для внешней торговли.

Поселились Брусницыны рядом со своим заводом, который к концу XIX века был крупнейшим в Петербурге, в год выделял до 110 тысяч бычьих шкур для ремней и конской сбруи. Чтобы упростить сообщение между частями завода, расположенными по разные стороны Кожевенной линии, выстроили «мост» – крытый переход из одного заводского здания в другое.

Завод Брусницыных был оборудован на высоком технологическом уровне. Брусницыны часто бывали за границей.

Александр Брусницын, будучи в Стокгольме, купил яхту шведского наследного принца. Роскошная паровая яхта под именем «Астарт» – белоснежная, 60 метров длиной, с надстройкой красного дерева, на носу – золоченый голубь с тянущимися от него вдоль борта резными золочеными ветвями. Такой яхты не было ни у кого в России. Об Александре Брусницыне рассказано в книге капитана Д.А.Лухманова «Соленый ветер».

После смерти родителей в 90-е годы XIX века братья Брусницыны, Николай, Александр и Георгий, в память о родителях основали дом призрения для малолетних детей-сирот имени Николая и Елены Брусницыных. Ныне в этом доме № 15а на Косой линии Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. ГУМРФ. Это было незаурядное заведение. Брусницыны выделили объем средств в 1,5 миллиона рублей. Архитектор здания – Павел Юльевич Сюзор. Тот самый Сюзор, который возвел знаменитый Дом компании «Зингер» на Невском проспекте, 28. Теперь Дом Книги.

В приют принимались дети – преимущественно круглые сироты обоих полов от шести до двенадцати лет, а также потерявшие близких ветераны преклонного возраста. Для детей были организованы школа, больница и учебные мастерские. Перед 1917 годом в приюте на полном содержании находились более ста детей и более пятидесяти стариков.

В центральной части здания, на третьем этаже помещалась домовая церковь с хорами. Росписью церкви занимались художник Николай Андреевич Кошелев (роспись главного купола московского храма Христа Спасителя – тоже его работа) и мозаист Михаил Иванович Зоценко (отец Михаила Зоценко писателя).

При освящении здания богадельни в декабре 1897 года (в день 50-летия Кожевенного завода) присутствовали принц А. П. Ольденбургский и Иоанн Кронштадтский. Вскоре после открытия дом посетил Николай II с семьей, дабы выразить благодарность Брусницыным, передавшим свое заведение в распоряжение города. Александр Николаевич и Николай Николаевич Брусницыны были гласными Городской Думы и участниками Комитета Санкт-Петербургского Попечительства о народной трезвости. Они организовывали столовые, читальни и спектакли, чтобы отвлечь мастеровых людей от пьянства, а также приюты, ясли, убежища для подростков. О заслугах братьев Брусницыных перед городом напоминала мраморная доска, установленная в Александровском зале Городской думы.

В Петербурге жива легенда о загадочном «зеркале Брусницына». Один из братьев Брусницыных для гостинной своего дома заказал в Италии старинное зеркало, до этого якобы висевшее в усыпальнице графа Дракулы, а потом оказавшееся в каком-то венецианском палаццо. Со всеми, кто смотрелся в зеркало, происходили несчастья. Внезапно умерла внучка Брусницына. А в советское время пропал то ли директор завода, то ли заместитель, в чьем кабинете висело это самое зеркало. Исчезали и рабочие, в него взглянув. Зеркало сняли и куда-то запрятали. Кабинет заколотили. Заводоуправление переселили в новое здание. Но, говорят, зеркало еще хранится где-то в доме.

При советской власти кожевенный завод расширился и стал называться «Кожевенный завод им. А.Н.Радищева». В особняке разместилась администрация завода, на месте ворот сделали проходную для рабочих, а на фасаде герб семьи Брусницыных заменили на серп и молот.

В годы войны кожевенный завод не работал. В блокаду его сырье стало пищей.

Яхта «Астарта» в 1921 году была передана ускоренным курсам комсостава флота для обучения курсантов. Затонула в первом же плавании. Экзотические растения из оранжереи Брусницыных в 1924-1925 годах передали в Ботанический Сад.

Иконы и резной дубовый иконостас из домового церкви дома призрения сейчас можно увидеть в храме в честь Казанской Божией Матери в Вырице. Сама домовая церковь теперь восстановлена (при реставрации всего здания в 2012 году). Там долгое время был спортивный зал. Помню, я в нем занимался в мои курсантские годы. Тогда же чудесным образом нашли в кафе на Невском проспекте мозаичную икону Калужской Божией Матери. Украшала фасад здания, в годы войны была утеряна. Как я уже говорил. Редкий иконографический тип – изображение без младенца, с книгой в руках. Взгляд Богоматери устремлен на страницу развернутой книги. Работа, возможно, выполнена в мастерской М. И. Зоценко, уже упомянутого мной отца писателя Михаила Зоценко, художника, известного в начале XX века. Икона возвращена в Макаровку.

После революции Николай и Александр Брусницыны с семьями эмигрировали во Францию. Георгий Брусницын остался в Петрограде. Умер в 1934 году в коммуналке на Пушкинской улице. По другой версии эмигрировали Николай и Георгий. Александр остался в Петрограде, работал на заводе в должности главного инженера и председателя коллегии заводоуправления. В 1919 году был арестован по ордеру ЧЕКА и посажен в тюрьму. В 1920 освобожден.

Особняк Брусницыных, архитектурный памятник федерального значения, обломок старого Петербурга. Как я уже говорил, сохранились интерьеры. Здесь проводятся фотосессии, съемки фильмов. Снимались сцены из исторических фильмов: "Шагал –Малевич" Александра Митты, дом Вронского в картине Владимира Соловьева "Анна Каренина", здесь же работала съёмочная группа фильма Алексея Учителя о Матильде Кшесинской.

Первоначально это здание построено было в 1770 годы на углу линий Кожевенной и Косой. Каменное, фасад смотрел на побережье. Владелицей дома стала вдова иностранного купца А. Е. Фишер. В 1787 дом перестроили, поместили в нем контору завода. В 1844 это строение купил Н.М.Брусницын. В 1857 по проекту архитектора А. С.Андреева старый дом дополнили пристройкой на западной стороне. Расширены проемы окон на первом этаже. Изменен лицевой фасад. В 1882 особняк перешел к сыновьям Н. М. Брусницына. Дом был капитально перестроен. Архитектор А.И.Ковшаров. Второй этаж увеличен, появилась мраморная лестница для парадного входа. Также оранжерея. Особняк Брусницыных с тыльной стороны похож на букву «Ш». У каждого из троих братьев было свое крыло здания. Особняк украшен фризом, лепными гирляндами. Сильно выступает карниз. Над лестницей фронтоны. Фасад справа украшен эркерами в форме полукруга. Во внутреннем дворике был сад. Теперь редкие деревья, сарай и пристройки.

После революции 1917 года парадный вход был заколочен. Здесь помещалось управление и лаборатории, столы с приборами для анализа кожи. В 1993 году реставрировали Белый зал и столовую. В настоящее время помещения особняка переданы в аренду частным фирмам. Планировали корпуса завода превратить в гостиницу с видом на морское побережье. А в особняке Брусницыных устроить ресторан.

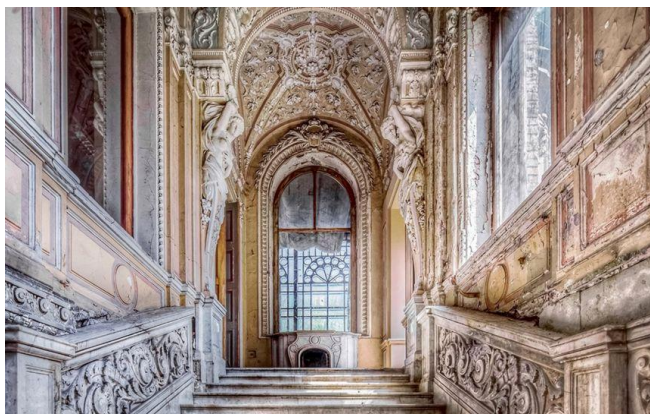
Экскурсовод в начале осмотра поведет вас показать помещения второго этажа. Первое – купеческая столовая. Потолок, лепнина, огромная люстра из бронзы и настенные бра. При Брусницыных стены столовой были обтянуты тончайшей белой кожей изумительной выделки. Сейчас на стенах белые обдирающиеся обои клеены. Буфет из резного дерева. Когда-то тут стоял стол из дуба и 60 стульев, обитых кожей. Каждая панель на стенах изготовлена вручную. За одной из них тайная дверца, через которую можно попасть в Бильярдный зал, он же Красный кабинет. На дверях изображена голова барана, олицетворяет божество торговли. Стол с зелёным сукном

утрачен. Сохранилась бронзовая люстра с ручкой, позволяющей опускать её над столом. Далее можно проследовать в зал для танцев, Белый зал. Здесь увидим красивую лепку с золотыми элементами. Оформлено в стиле Людовика XV. Большое количество причудливых узоров. Орнаменты, изображающие растительность, музыкальные инструменты, венки, панно в виде цветов, сказочных персонажей. Композиция гармонична и выглядит утонченно. Ее дополняют пилястры и капители с лирами. Рамы окон остались цельными. Стекла у них плотные. Подоконники из мрамора. На люстре подвески из хрустала. Сама она из бронзы, советское время и тут оставило свой символ – серп и молот. Камин из мрамора, один из лучших в Петербурге, украшен скульптурами амуров. В прошлом веке зал этот превратили в актовый зал кожевенного завода. Здесь проводились собрания и праздники. Тумбы у камина, вместо ваз с цветами были подставки под бюсты Сталина и Ленина.

Возле Белого зала курительная комната, хорошо сохранился декор. Восточный мавританский стиль. Купол – позолоченная лепка из гипса, яркие краски. Красивая люстра. Зеркало утратило свою цельность, разделено на отдельные фрагменты. На стенах утонченной вязью многократно повторяется надпись «Слава Аллаху».

Отсюда можно попасть на парадную лестницу из мрамора, идет от парадного входа, сейчас заколочен. Лестница много лет была спрятана под деревянным настилом, превосходно сохранилась.

Отголоски былого: где-то лепнина на потолке, где-то необычная старинная ручка. Памятник архитектуры умирает. Будущее особняка Брусницыных не менее призрачно, чем его прошлое.

Вячеслав Овсянников

День язычников

Повесть Владимира Меньшикова «Языческая столица (Старая Ладога)» начинается сразу с высоко взятой разящей ноты. Из черных подземных ангаров вылетают реактивные черти-истребители и, взмыв за облака, совершают скорбный ритуал: кладут венки выхлопных дымов на могилу-небо, хоронят небеса, погребаяют высоту. Образ достойный кисти запредельно мрачного, пилотирующего сюрреалиста. Однако уже во втором абзаце выясняется, что разговор резко снижен до земного уровня и идет о скромно малом предприятии «Изолятор», прозванный местными жителями – «Шизолятор». Разговор этот, хотя и затрудненный изощренной игрой богатого созвучьями великого русского языка, достаточно энергичен и упорен, чтобы пробиться сквозь все плетения слов, густую образность и узорочья метафор к большому мировоззренческому смыслу. По пути к этому архисмыслу читатель то и дело натывается на изысканные образные находки. Например такая фраза: «Сентябрь стоял, словно обелиск, крашенный золотой краской».

Пружина сюжета, скрытая в орнаментальной манере письма, искусно закручена. Герой повести, петербургский поэт, то есть сам Владимир Меньшиков приезжает на выходные в родной Волхов навестить жену и сына. Но, оказывается, не это главная цель его приезда. Прибывший на родину поэт посещает своего давнего знакомого, известного в Волхове предпринимателя. Предприниматель на грани разорения. Но не унывает, язычник по духу, любитель рок-музыки и поэзии. А посетивший его питерский поэт Меньшиков и сам вдохновитель и проповедник языческих идей. И завязывается между ними провиденциальный, мессианский диалог на индустриальном фоне полупотухшей Волховской ГЭС. Затеяли они не больше, не меньше как провозгласить Старую Ладогу столицей России и всего мира и водрузить над ней стяг со знаком Змеи. Коричневую змею на алом полотнище. Вернуть народу древнюю веру и древнюю мощь. Объявить начало эры Разума. Вернуться к изначально национальному, природному уму, к Сварогу, Перуну и Велесу. А христианство отменяется, да и все прочие религии и идеологии. На то она и Старая Ладога – древняя столица Руси, чье 1250 - летие широкоохватно отмечалось в 2003 году.

Сговорились эти двое, еще прихватили с собой пару волховских газетчиков и отправились все вместе на предпринимательском джипе в Старую Ладогу исполнять свою великую миссию. По дороге строят планы: найти могилу Вещего Олега. По новгородской летописи могила Вещего Олега находится в Старой Ладоге. А по киевской версии – в Киеве на горе Щекавице. Найдут курган-могильник, поставят на нем памятник стометрового бурого Медведя из алюминия, изготовленного на Волховском алюминиевом заводе. Проезжая волховские поля, видят ужасающее

запустение. Звучит горький авторский монолог: «Поговорили уже о религиях и нац-брияц-делах. Только вот о русской деревне, о заросших и брошенных крестьянских полях... – ни словечка... По всей необъятной шири – только сорняки, словно трубки, через которые высасывают из печальных глаз, мозгов и сердец наших последнюю уверенность и надежду...».

По пути происходят разные приключения, рождаются печальные размышления по поводу увиденного, о нашей русской жизни. Переезжают Волхов. И опять невеселый, мучительно исповедальный авторский монолог: «Я – заложник солнца и земли-светила, я – заложник электрического города Волхова. Я сюда постоянно возвращаюсь сердцем и электричкой... Все мы – заложники системы. И я уже не знаю, какой долг придется исполнять моему сыну – национальный или оккупационный...».

«Старая Ладога с ее семихолмьем, подъемами и впадинами находилась уже рядом. Оранжево отсвечивали купола...».

И снова слышим горькие раздумья автора о русской земле и русской жизни. О Вещем Олеге. Неспроста змея ужалила князя – месть ему за неразумных хазаров. Земля-змея. Землю-змею не убивают, а смиряют молитвой. «Русскую землю замоленную – вот вам и намоленная земля – можно вести к любой идее... так и теперь Россию ведут на веревке в капиталистическое будущее. Затаскивают по намоленному, как по намыленному...».

Остановились новоявленные язычники в центре Старой Ладogi и устроили там грандиозный митинг. Оратор-предприниматель забрался в корзину подъемника и с высоты поднебесья громогласно провозгласил: «Я – посланник вечности, я – ваш вождь. Я объявляю Старую Ладогу языческой территорией и столицей мира. Я пришел вернуть вам Разумную, Начальную, Истинную и поэтому Правдивую веру».

А толпа кричит ему снизу: «Тащи сюда бочку зелья! Причастимся твоей правде!» Воскрешенная к новому бытию древняя вера принята и утверждена. Возрождение народного духа обеспечено. Ура! Языческая революция совершилось! По крайней мере, в воображении героев повести Владимира Меньшикова.

Герой-змеепоклонник возвращается в Петербург. Зима позади. Март. А день язычников еще длится. День этот – день Зверя. Мы на площади Стачек в другой повести Владимира Меньшикова «Буденовка (на всю голову)». И сам он здесь. Ему грезится революционный героизм красноезвездных кавалерийских атак. Он видит в этом героизме все ту же языческую силу, живущую в русском духе. Вот бы вернуть сюда, сейчас, тех славных красных конников в буденовских шлемах, порубать шашками проклятый новорусский реставрированный капитализм. Только где их теперь взять, конников этих. Давно в земле косточки сгнили. Есть подружка, уличная наездница. Нищенствует. Кормится тем, что ее коню Орлу подадут. Одеть бы ее в буденовку, да еще трех-четырёх таких же амазонок, дать сабельку в девичью руку и пустить в лихую атаку. «Задумался: «Так что же я теперь хочу? Надо провести несанкционированное выступление-спектакль. Пусть выедут на конях на площадь Галка и ее подружки в серых шинелях в красноезвездных

буденовках, и с бугафорскими саблями в руках совершат кавалерийскую атаку на капитал (атомного века)! Что серебристым саблям ржаветь по музеям, а коням простаивать?.. Всем на коней! И не в русские просторы, а на петербургские проспекты-коридоры. Не в поле, а на площадь русской боли...».

Что-то в этом боевом-болевым призыве переключается с «Чевенгуром» Андрея Платонова, со стихийным революционным воителем Коненковым, борцом за мировую справедливость, с его богатырским конем «Пролетарская сила». Только у Владимира Меньшикова олицетворением этой, уже утраченной, ставшей мифом революционной силы становится уличная девка-наездница, продающая себя за триста рублей. Однако поэт-язычник, мечтающий о возрождении природной звериной мощи русского народа, упорствует в своей затее. «Меня самого прямо-таки зазомбировало, зашкалило на Русской победе. А чтобы ее убедительно, а не призрачно одержать, требовалось многое: укрепить кровь, усилить энергетику, собрать неустрашимых воинов-победителей по типу буденновцев, не боящихся идти в битву. По сути русскому народу на полном серьезе предлагалось (и мною же) стать Зверями. Он у меня другой, прежде всего Русский».

Владимир Меньшиков уже искал этого Зверя в Старой Ладоге, уже пытался привести там к власти Русского Зверя и установить языческую разумную власть. Уже предлагал идею возведения на берегу сегодо Волхова стометровой статуи Медведя из алюминия, выпущенного на Волховском алюминиевом заводе. Меньшиков называет его Зверем патриотичности. Старая Ладога, северная столица древней Руси, считай, завоевана. Настал черед второй северной столицы. «А теперь мне на улицы Петербурга захотелось выпустить зверя революции».

В фантазмагорических образах города на Неве, своей чудовищной уродливостью и зловещей утрировкой напоминающих холсты Павла Филонова, угадывается страшная суть современных событий. Есть переключки и с «Петербургом» Андрея Белого.

Но день язычников заканчивается ничем. Дело революции потерпело карикатурный крах: не хватило денег заплатить уличным амазонкам. А бесплатно идти в абсурдную конную атаку они не согласны. «День иссяк, а вечер наполнился белым, мягким и влажным. Уличные и дворовые фонари своим неярким серебристо-розовым свечением мягко контролировали снегопадение. Петербург от этого не становился ни светлее, ни темнее, ни веселей, ни горше. Город и небо, земля и космос – это так глубоко и высоко, это так глобально и провально».

Да, день язычников иссяк, свет его мессианских надежд погас. И с новой революцией ничего путного не получилось. К чему же этот фейерверк фарса, каламбуров и изощренной образности? Ясно одно: большая тема. Большая и неотвязная. И автору на страницах своих повестей еще долго с ней биться. Да помогут ему сила его таланта и его любимые тотемы: змея и медведь!

Меньшиков Владимир Петрович

**РУССКИЕ ОБЛОМЫ
(ПРОЗА)**

НОВАЯ РУСОФБИЯ

**СОБРАНИЕ ТРАКТОРИСТОВ
(стихи)**

**ПРЕВРАТНОСТИ и ПРЕВРАЩЕНИЯ
ОЧЕРК**

Владимир Меньшиков родился в Пинежском районе Архангельской области в сентябре 1953 года. После школы работал в лесостроительной экспедиции, служил в армии, потом закончил Ленинградский пединститут, факультет истории. Живет в Петербурге. Член СП России с 1993 года.

Автор поэтических книг «Оккультная оккупация», «Звероисповедание», «Гармонь снопа», «Стихотворения», «ГООЭПРО горла», «В начале тысяче-летия», «Русский простор», «Прорыв», «Приладожье», «Похвальная грамота», «Предыдущий оратор».

Лауреат литературных премий России (1997) и (2002).
Награжден юбилейной Есенинской медалью

РУССКИЕ ОБЛОМЫ (Сокращенный вариант)

1

Белокрурая и невысокая петербурженка Людмила, проживающая в Кировском районе, относится к начинающим литераторам, хотя ей уже 42 года. Душа у нее романтическая, возвышенная. Да, крылатая, но какая-то застопоренная, поскольку поэтесса, взлетев над банальной действительностью, может из-за внезапной заторможенности рухнуть на землю. Если по-бухгалтерски расшифровать эту метафору, то получится смета-фора или счет-фактура на производство своей первой книжки. Дружок Владимир предлагал издать быстро, недорого и качественно в расположенной неподалеку типографии на Шкапина (как бы на улице с таким говорящим названием не оставить свой скелетик?), но Люда все медлила и медлила.

И не из-за того, что пришлось бы расплачиваться натурой, ведь про такой вид компенсации друг не проронил ни словечка. Хм, говорил, еще как говорил. Чуть ли не на коленях уговаривал, мол, инвалид, тяжело работает единственное легкое ... Меньшикову было и самому неловко за такие предложения, но, как говорится, шило в мешковатых штанах не утаить. Людмиле пока что удавалось затормаживать, останавливать нужного ей человечка. Можно было давно дать этому пакостнику Вове, и давно бы он книгу сделал за его же деньги, но Люда оставалась по-прежнему нерешительной (словно не решето, а сплошная заслонка, которая через себя ничего не пропускает), замедленной, хотя быстро читала и быстро, словно у нее бистро в мозгах, поглощала духовную пищу с надежным запоминанием.

В данный момент пребывала в (может, даже мозговом) центре Петербурга. Так как местная командировочка завершилась раньше, чем предполагали, Людмила вышла из метро на станции «Горьковская», дошла до великой реки, пристально осмотрела величественную золотистосинею панораму. Затем неспешно направилась к Дому политкаторжан, постояла возле закладного Соловецкого камня, подумала. Как-то прочла книжку об истории этого знакового Дома и его жильцов. При осматривании иллюстраций и фотоснимков обратила внимание на то, что почти все изображенные женщины имели характерную еврейско-революционную внешность, а теперь задумалась, что и нынче развелось немало подобных женщин-экстремисток, уличных или офисных бунтовщиц от Сюси Собчак до столетней тезки – Людмилы Алексеевой. Впору было говорить об отдельной отрасли, виду промышленности по непрерывному воспроизводству большевичек-русифобок в столичных Москве и Петербурге. Впрочем, такие же родильни-цеха расположены и в других областных и краевых городах-цен-Трах.

Мемориальный Камень лежал в открытом виде и в то же время в запазухе Города трех революций, чтобы однажды его зашвырнуть если не в Зимний дворец, как в 1917 году в виде выстрела с «Авроры», так в нынешний Смольный! Долетит, минуя Неву, или не долетит?

Камень еще обозначается как Соловецкий в память о Соловецком Лагере Особого Назначения, так называемом СЛОНе. И если его назвать Слонецким, то к такому определению можно добавить наблюдение, что в довольно чистом небе Петербурга облака-слоны или качественно забеленные древние мамонты медленно и бережно переносят на своих хоботах легкокрылые самолеты...

Вскоре Людмила направилась под кронами зеленых, высоких тополей к станции метро. И обалдела, когда проходя возле бывшего дворца балерины Кшесинской и нынешнего Музея политической истории города, увидела значительную группу оголенной молодежи в красных плавках и в черных буденовках, устроившей страстный флешмоб в духе или в полном бездушии отвязных стриптизеров-курсантов Ульяновского института гражданской (небесной, высокодуховной) авиации. Ульяновск – это родина Ильича, но разве учение Ленина довело страну до полного морального паралича?

Уйдя в сторону стоящей поблизости величавой, якобы душеспасительной мечети от этого отвратительного по своей публичной открытости Высокого представления, Мила вскоре очутилась на малиновой деревянной скамейке, находившейся в парковой зоне вблизи желто-белого кафе «Сладкоежка» и непосредственно станции «Горьковской». Только успела вспомнить и произнести про себя знаменитые слова «Человек звучит гордо», жизнь сунула ее личиком-мордахой в экран-зеркальце зазвонившего мобильного. Очень некстати, совсем не под настроение дал о себе знать поэт Владимир:

– Недавно записал для тебя координаты и номер телефона твоей соседки по кварталу поэтессы Анны Пашковой. Звонила? Нашли общий язык?

Что она могла ответить на такой необщий вопрос? Наверное, то, что широкая общественная скамья с выгнутой спинкой похожа на высунутый красный, коллективный язык, с которого иногда снимают не только слова, но и славных девочек.

После заминки сообщила: «Нет, еще не звонила. Пока не нашли... Все откладываю... А что значит, дал номер, рискуя?».

– Она обладает не очень лестной информацией обо мне. Например, что я законченный банник.

– Про это я и без нее знаю, – простодушно ответила она. – Сколько месяцев уже меня домогаются.

О, если бы домогатель был магом? Меньшиков ответил: «Да, нет предела моим желаниям и моему нетерпению... Кстати, что делаешь сегодня этак в семь часов вечера? Может, посидим в нашей кафешке «Пешке», поговорим о ферзях и королях поэзии?».

Людмила недолго подсчитывала, вода медленно глазами, как медяшками по стеклу прилавка, или словно костяшками счетов, и сочла нужным сказать: «Свободна. Хорошо, подойду. Встретимся возле входа. У меня есть, что тебе показать».

Владимир негромко рассмеялся: «И у меня, дорогая, тоже... Выяснилось главное, что ты вечером свободна, ни кем не занята. Поэтому жду тебя в семь часов у себя дома. Твое любимое испанское вино куплено. Есть чем закусить

и засластиться. Жду... Сегодня Люда соглашается, сегодня жизнь моя решается!.

Людмила тяжело вздохнула, как паровая машина, и глухо спросила: «Это приказ?»

– Нет, это не приказ, а руководство к действию.

– Но если руководство, то только без рук. Если пообещаешь, то, может, и соберусь.

Теперь уже как революционный, но отступающий паровоз, хрипяще загундосил Владимир: «Хорошо, обещаю. Ну, придешь?».

– Я не лошадь, чтобы на меня нукать. Подумаю...

Перейдя на другую скамейку, Люда закурила. Тут же возле нее остановилась престарелая тощая бабка в оранжевой дворничкой куртке. Она прислонилась к вазобразной коричневой урне метелку и совок и, достав из глубокого кармана мобильник, повела чуть ли не любовный разговор с каким-то мужиканом или стариканом. Наталья, глядя на нее, посчитала, что следующим и последним мужем высококостной бабки должен стать надмогильный крест, но тут же оптимистически предположила, что старуха переживет крест и в следующей жизни, небесной, райской, выйдет замуж, чтобы заниматься сексом, грешить... А возле урны, прислонясь к ней, стояли низкий грязный совок и потрепанная высоченная метелка, словно любовники. А может, округая, женоподобная урна тоже являлась подружкой сластелюбивого совка?

Люда, переводя взор с одного предмета на другой, продолжала курить, делая неглубокие затяжки. Думы были тяжки. Вспомнила, как они с Владимиром, будто договорились, одновременно, но в разных местах посмотрели по интернету фильм Серебренникова «Дневник убийцы». В том сериале несколько навязчиво, но по большому счету верно показано соотношение между философскими категориями закономерность и случайность. Если следовать результату изучения этого явления, то получается: будучи стабильно приличной женщиной при одноразовом, случайном прегрешении не становишься греховной и продажной. То есть, если несколько раз перепиши с одним и тем же человеком, то это не разврат и не блудство.

Вообще же, они проявили повышенный интерес к режиссеру Серебренникову после его громкого ареста из-за гигантских растрат госсредств и посчитали, что задержание при учете всех обстоятельств - это какая-то, только Яхве известная закономерность, поскольку сдали Кирилла режиссеры-единокровники. Он считался постановщиком за предела и боли, а нынче за предел, за периметр вывели самого. Оголял и «трахал» на сцене одних, а теперь его сделали «голым королем». Постоянно разрабатывал тему «изобразить жертву», а в конце концов сам стал жертвой, не наигранной, а натуральной.

Возвращаясь мысленно к Владимиру, она подумала, что хотя и он изображает жертву, но ведь на самом деле является инвалидом, человеком, который имеет право обратиться за помощью. Жертва требует жертвы. Жертва требует же..нщин.

2

Я – Меньшиков, мне везет всё меньше и меньше, но я пою: «А ты опять сегодня не пришла, а я так ждал, надеялся и верил, что зазвонят опять колокола, и ты войдешь в распахнутые двери».

Но колокольного звона «ровно в семь» не последовало, врата рая не распахнулись, и вглубь нашего старинного дома Людмила, увы, не вошла. Ничего, не явилась сегодня, придет завтра... Едва обозначившийся оптимизм вскоре пропал. Находясь в светло-синей ванной комнате, где решил постирнуть носки, позабыл, что у меня разогревались на сковородке сырники. В итоге пережарил, надымил. Тут же слово «начадил» преобразовалось в «начдив». Немного посутившись и подумав, прошептал, угорая: «Начдив. Начальник див, целой дивизии див... Василий Иванович. Хо-хо».

Продолжил размышлять о Люде и прикидывать варианты продолжения отношений с нею: «Никто тут не собирается ей за просто так, за сузившиеся глазки, за раздавшиеся груди и задницу даже во имя Христа божьего, печатать книгу. Если ей нравится так, пусть живет со своей воскресшей! чудесным образом невинностью или девственностью. Ничего, я перетопчусь, соблазну на «чуть» других, всякую «чуждь сисястую»... Короче, можете на меня вешать всех девок Петербурга и не пугайте СПИДом, которого нет, поскольку, если бы он существовал, я уж точно от одной из своих восьмисот девок-бабенок его подхватил бы. Прости, господи!»... Кстати, в 90-е года во время триумфального шествия православия по Петербургу и остальной стране я потому не дошел по предложенной дороге к храму, поскольку на ее обочинах через каждый погонный или поганый метр стояли красивые продажные девки.

Подошел к столу, покрытому золотисто-голубой клеенкой, взял с него пустую трехлитровую банку и закрутил ей рот серебряистой крышкой, чтобы пустота банки не орала о пустоте России.

Снова со злой улыбкой вспоминать те времена, когда по краям и тротуарам улиц культурной столицы стояли девицы с такой частотой, словно зубики на дешевой пластмассовой расческе, чтобы причесать, пригладить, привести в божий вид ситуацию на российских грешных дорогах. Если «ломался» один коричневый зубик, на его месте сразу возникал другой, не менее соблазнительный. Так и торчали через каждые десять метров вполне симпатичные и сговорчивые крали. Впоследствии у нас не то что социализм, а даже «святые и лихие» девяностые и добротные нулевые украли...

Но я сам человек дорог, как тот Макс – воин и безумец. Или как Василий Иванович Чернышев. Вспомним песню – «Мы – бродячие актеры... мы понятны и просты, мы – певцы и музыканты, акробаты и шуты». Да, в душе я всегда был странствующим поэтом, хотя постоянно живу в одном месте, недалеко от станции метро «Ленинский проспект» (с 1991 года, когда переехал из Волхова в Питер), и довольно редко покидаю пределы Питера, где работал то (тяжело) строителем, то (легко) курьером... Но ведь и в Петербурге можно выступать в роли гастролирующего лирика, нарядиться в костюм клоуна (или как, допустим, Маяковский, в кофту фата) и читать сколько хочешь протестные коммунностихи. Когда я работал раздатчиком

газет в автомобильных пробках, то одевал оранжевый жилет и мог вполне бы декламировать свои вирши, если бы громкость моего голоса превышала рев машин.

Но чтение стихов в людных местах теперь не практикуется. И не только поэты, а все интеллигенты сидят по домам, уткнувшись своими головами и головками в компы, смотря чернуху и «спорнуху».

Так же и я сидел в тот день у себя. Хотя надо было идти на улицу, двигаться. Забрал со стола лист с черновыми записями, скомкал его и швырнул, как в кольцо, в домашнюю урну. А где-то в марте, взяв в руки сапог любвицы и сжимая его по вертикали, придумал, словно поэт-колхозник, болеющий за команду сельского спортивного общества, такой образ:

Баскетболист рукою мял сапог,
Ведение мяча изображая.
Его в корзину он закинуть мог,
Играя в нападение «Урожая»

Сельпо я настоящее, а все хочется женщину помоложе и послаще. Но невысокая Людмила, хотя и не баскетболистка, забросила меня в кольцо, которое сверху похоже на «ноль». Теперь я от нахлынувшего неудовлетворения зверино шерился и шарился по шкале транзистора. Вскоре старенький «Аль-пенис-т» стал исполнять новые эротические песни о Главном. Немедля выявилась такая особенность: я – Меньшиков, всего-то 170-сантиметровый мужичок, почти подшлепок, называя такие высотные или высокие виды спорта, как баскетбол или альпинизм, тем не менее с полным безразличием отношусь к такому понятию, как высокая любовь. Наверное, все доступные мне высоты в ней я давно взял, а теперь лишь отстаиваю некоторые занятые мной позиции, – хотя бы с них не согнали. Не лишила бы жизнь старых верных подружек. Вот недавно была у меня в гостях одна из них: 51-летняя Анна Пашкова – высокорослая, пышнотелая, но вяловатая шатенка. Почти «шатл-тенка», женщина-космонавт, как бы пребывающая постоянно на космической станции, где из-за невесомости не позанимаешься сексом, откуда ей никак не удастся спуститься на землю, а если и удастся, то не получается по-настоящему приспособиться к реалиям суровой российской жизни.

Моя квартирка, конечно, не какой-то знаменитый корабль, но в нем бывали некоторые примечательные люди и совершали здесь всевозможные, по большей части литературные, улеты.

Тогда сидели с Анной за столом, попивали кофеек и я ей в виде прелюдии к прелободейству вешал:

– Из известных писателей здесь побывали Чернышев, Овсянников, Николаев.... Но когда здесь еще находилась палата дурдома, тут пили и кутили психи-самозванцы с фамилиями Достоевский и Есенин, и, скажем, Ахматова с Цветаевой. Так же на кровати в этой «палате» могли валяться поэтессы-принцессы под псевдонимами Ю. МОриц, АхмаДУРИНА или какая-нибудь В. Дулина... Тебя называть не буду».

– Но снова будешь звать в даль светлую, – хмыкнула подружка.

Что ж, и, правда, пришло время позвать в кровать. Тут же она закачала

головой над полупустой синей кружкой с чаем крепкого, но безгрешного названия «Небо»:

– Неужели тебе интересно уговаривать старуху? Хотя бы перед собой постыдился».

– Да ты еще ничего... Вполне. Тебе всего-то пятьдесят один год.

Кто-то молчит в тряпочку, а кто-то просто в воздух. Полукруглый цветастый лист настенного календаря, как раз являющийся здесь ухом воздуха, давно уже свернулся в трубочку от сильных выражений, частенько раздающихся в этой веселой комнате. Я пристыженно затих, а подруга после паузы, сделавшей на сцене языка «па», продолжила изобличать: «Неужели тебе так хочется? Ведь сила желаний с годами ослабевает».

Раздраженный хозяин, чтобы как-то уйти от неприятной темы разговора, смотрел в сторону выключенного телевизора. Затем по черному катку экрана на тупых коньках своего неострого зрения проехал направо и обнаружил во втором ряду книжного шкафа книгу своего земляка и приятеля, петербургского писателя Николая Тропникова. Я достал книгу и, держа ее в руках, заговорил: «Мне стыдно перед русской литературой и, в частности, Коляном. Видимо, не понимаю, не ощущаю Высокого, если так легко съезжаю к низменному. Даже не делаю попыток сдерживать свои страстные порывы. Видимо, мой конфликт между разумом и плотью и раньше имел такую остроту, что я объявил себя Язычником. Но и язычнику не все можно... Понимаешь ли ты, что когда так уговариваю тебя и когда вы отказываете, мне больно».

– Не смейся, ему больно... – гостя залилась негромким смехом.

– Не издевайся! Ведь я Змей по гороскопу, и, может, быть змеинским искусителем – это моя функция, миссия?.. Да, состарился, а жизнь и бог безжалостны к больным и старикам... Просто вы не даете нам жить «просто»...

Я попросил ее встать из-за стола, что она медленно сделала. Положив на скатерть колину книгу «Последний набег», название которой автоматически для меня – словоэкспериментатора быстренько переименовалось в «Последний нагиб», с жестким выражением лица облапал Анну так сильно, что она, вскоре обмякла и прошептала что-то несвязное в знак согласия.

3

Через несколько дней мне поступила достоверная информация, что российская провинция и русская деревня-то стали вполне цивилизованными. Пусть там и не увидишь образцы новой сельхозтехники, чтобы славно бороздить заросшие поля, но у многих жителей появились мобильные телефоны, которыми можно во время долгих крестьянских раздумий почесать виски или волосы на головах, когда бы эти устройства не являлись такими гладенькими, а для кого-то гаденькими. Делать бы их более узкими, то напоминали бы губные гармошки. Так вот буквально вчера из села Паша, известного тем людям, которые читали мои предыдущие повести, например, «Националист и гармонист», позвонил друган Никитыч и, как на губной гармошке, сыграл мне

музыкальную пьесу «Надежда» – на то, что в скором ионе снова инсценируем нечто важное из жизни самого высшего начальственного состава страны. Прошлым летом в пашском народном исполнении была дадена постановка «Димон Медведев и его уточка», а о театрально-уличной работе в наступающем сезоне Никитыч как раз и попросил меня подумать. Ну вот я и попробовал почесать мобиленьником голову, но что-то слабо, некачественно чесалось и думалось. Конечно, что-нибудь сочинится, а пока решил перечитать эту веселенькую повесть, опубликованную в «Новом русском журнале № 8», что и сделал. Так же выделил несколько принципиально важных отрывков из наших совместных с друганом исканий, иканий и криканий:

«В то утро, а было же около одиннадцати часов, всё щебетало, стрекотало, шекотало. Заметно оживились и население, и само деревянно-кирпичное селение под названием Паша – с ударением на второй слог, а не как пресловутая Раша, которая здесь постоянно иронически упоминается только из-за примитивной созвучности.

Когда время приближилось, как лось, к полудню, Китыч (Никитыч), 61-летний, среднерослый старичок-здоровячок, лысоватый, бедноватый, бывший участковый направился пешком за дешевыми куревом и курятиной в дальний универсам «Пятерочка», однако пришлось остановиться около ближнего и дорогого (по ценнику). На обшарканном синем крыльце дурачилась и громко крикала группа детей школьного возраста. Китыч не придал такому голосистому баловству никакого значения и с предположением «Ну, крикают, а через десять минут захрюкают» пошел дальше. Вскоре опять остановился и закурил. Кусты белой сирени, росшие возле дороги и еще сохранившие гроздь пахучего цвета, казались, были завалены множеством отечественных сигарет... А через сто метров на этой раздолбанной, плохо заасфальтированной дороге, на ее грунтовой проплешины можно было с горечью увидеть вафли тракторных следов, оставленные тяжелыми железными гусеницами. Возникло предположение, что здесь передвигался трактор-кондитер. Такой вот получался и виртуально обозначался дорожный магазин с предельно скудным, но необходимым ассортиментом товаров табачного и кондитерского вида.

Через четверть часа Китыч появился возле «Пятерочки», имеющей цвета белый и преимущественно красный – «кря-сный». И около этого внушительного универсама всюю крикали ребята, но уже постарше, этакие парни-парии. При помощи какого-то шестого чувства он понял, как говорится, не отходя или находясь в непосредственной близости от магазинной кассы, что и ему самому вскоре придется встать в эти народные ряды, влиться в «природные пруды» и тоже по-утиному прокрячаться. Про себя матюгнулся: «Ну, твари, даже при мне не затихают... знают же, что раньше ментом здесь был... Совсем обнаглели. Сейчас покажу им оковы участковы...».

Поманил загорелой рукой рыжего и шербатого, двадцати пятилетнего Саньку Степанова:

– Ну?.. Зачем погнали волну? Что тут Уткину заводь, Яблоновку устроили, пацанское крикание изображаете? Говори, почему? Не скажешь, пожалеешь, Степа.

Санька, подойдя совсем близко, шепотком доложил, что к «Пятерочке» уже второй день приезжают питерские мажоры на иномарках. Старшего зовут Даней-Дональдом. Этот Дон Альд показал на ноутбуке, как, пародируя премьеры Димона Медведева, построившего на одной из своих шикарных дач дорожный домик для своей любимой уточки, весело крикает продвинутая молодежь в Москве и во всей России. Прокрутив видео, импресарио всея Руси, «топ» или толп-менеджер дал щедро три тысячи рублей на круг, для десяти человек, на выпивку-адреналин, а сегодня все удачно повторилось, и предположительно через два часа прибудет сюда с проверкой. Потом Степа опять-таки без всякой степенности предложил Китычу, бывшему киту местной полицейской службы: «Вливайся! Подзаработаешь! Обещает с сегодняшнего дня давать по пятихатке на нос. Бери старые кроссовки (на них, вонюче горящих, премьер и спалился) или резиновую игрушечную утку, может, от детей осталась, лучше с пищалкой и завтра подплывай аккуратно, ну, примерно, к десяти утра. Я тебе позвоню, когда, уточню... Кря!».

Последовал злой, но примиренческий ответ: «Ты что, берега попутал? Тоже мне утка, гусь... Ну ладно. Звони».

Китыч посмотрел вверх, в синее, малооблачное небо. Ему показалось, что даже желтое солнце крикает. Переведя взгляд вниз, увидел, что на обочине дороги, а «Пятерочка» стоит на перекрестке петербургско-мурманской федеральной трассы и местной шоссейки, некий незадачливый шофер в малиновой безрукавке для проверки забарахлившего мотора открыл капот (кап пот), и передняя часть выдавшей вида зеленой грузовой машины стала напоминать раскрытый рот-клюв здоровенной жестяной утки.

Китыч, словно кит, выпустив из себя пар, а не фонтанчик воды (от горячей собственной жидкости мог избавиться, сплавав в разросшиеся кустики-водоросли), сходил в универсам, купил дешевых сигарет и куриных голеней, но не утку или дорожную индейку, и вновь оказался на улице. Парни, принявшие спиртного, продолжали задорно и насмешливо крикать. Их в большинстве своем пропитые лица или хари можно было смело вносить в полицейскую фотоколлекцию катов, то есть в ката-лог. Акция явно доставляла им удовольствие. Но для прекращения такого удовольствия у бывшего мента не было служебной меты, удостоверения. Зато в оранжевом полиэтиленовом мешке находилось полбуханки «Дарницкого». Поэтому Китыч, видя весь этот кич, но помаленьку добрея, достал хлеб и, ломая его, стал бросать куски в сторону парней.

– Хотя и негоже продуктами швыряться, но вы заработали, кажется.

Тут возле «Пятерочки» появился стареющий очкарик Меньшиков, знакомый с Китычем по совместной и многократной рыбалке, и, устроившись на завалинке красно-белого торгового здания, более подробно объяснил суть и муть происходящего крикливого и «крякливого» действия:

«Значит, не видел по интернету?.. Это фильм Навального про Медведева, «Он вам не Димон», и про то, что глава правительства имеет в бесплатном

пользовании дворцы, виноградники, яхты. Громко заявлено, что премьер коррупционным способом завладел дорогостоящей недвижимостью и что за такие прегрешения пора ему, Диме-Дыму, а он не бывает без огня, уйти в отставку. В Москве был проведен ряд несанкционированных шествий и прогулок, так это теперь называется, чтобы отстранить Медведева от должности...».

А вот еще один из многих отрывков повести «Националист и гармонист» о похождениях русских стареющих мужичков:

«По старой советской привычке к началу продажи спиртного, то есть к одиннадцати часам, Китыч (Василий Никитич) подплыл к «Пятерочке». Вот-вот должны были начаться утиные «терочки». Но местных парней, ни трезвых, ни пьяных, пока не наблюдалось, ни Сашки Степанова, ни понтового спонсора. Пришлось ждать, как неподалеку холодные и продолжительные дожди стояли в длинной очереди и шептали друг другу, когда же солнце разрешит им здесь пролиться.

К организатору, продюсеру, а, может, и «кря-ативному смотрящему» у Китыча имелось реальное предложение. Как гармонист он мог помочь крякунам исполнить легендарный и очень своевременный и уместный теперь Танец маленьких утят. И движения, и простенькие слова развивающей и сопровождающей танец песенки он знал хорошо, можно сказать, наизусть. Но пришлось ждать начальника.

На небе – к дождю – появились белые протяженные тучи. Синева с полосками перистых облаков напоминала тельняшку. Небу скоро придется рвать ее на себе? Китыч еще предыдущим вечером решил драть глотку и все что угодно, чтобы побольше подзаработать.

На маленькой площади около универсама стала ходить и взад, и вперед голубая мусороуборочная машина плоского вида, словно большущая стиральная резинка, чтобы ликвидировать, стереть всевозможные вчерашние следы. А не рано ли, подумал бывший «мусор», ведь сюда с минуты на минуту должна была прийти еще та гопота. На отвороте, рукаве дороги к закрытому кондитерскому предприятию, где работали гастербайтерки-азиатки, поднялся, словно красный смычок, шлагбаум. Кто-то, но, конечно, не придорожный кузнечик для узбечек должен был бы запиливать на абстрактной скрипке. Бетонные столбики и булыжники правильной округлой формы пребывали в таких позициях и позах, что казалось, готовы к уличному демократическому балу. Бал булыжников? А возле моста урчал бульдозер, передвигающий большие объемы желтого песка. Делала насыпь.

Вскоре появился питерский очкарик Меньшиков, а за ним через минуту – около пятнадцати местных верзил, крякунов-архаровцев. Владимир сразу направился, как сам выразился, к Ваське: «Привет!».

– Привет! Что-то ты, Китыч, раньше всех.

– Что вы с опозданием?

– Специально, чтобы дать тебе здесь в одиночестве поостыть, а то бы стал нас сразу разгонять по домам... Мне Степанов позвонил, что через десять минут выйдут на площадь. Так ты для чего появился, подавлять местных крякунов-смутьянов или заработать на выпивку?

Василий Никитич обиженно буркнул: «Нужна мне их водка! А вот деньги требуются позарез».

Вкратце познакомил со своей идеей подыграть танцу маленьких утят. Мол, если Дональд согласится, сходит домой за гармошкой и выдаст «комаринского» или «утинского».

– Да, так веселее будет, – поддержал его Владимир. И сам зафонтировал, как в советском парке культуры и отдыха из гипсовой скульптуры коммунистической уточки шла утечка или бил фонтанчик-танчик: «Разучивать надо не только танцы, но и коллективно – в двадцать глоток – старые песни, такие как «Летят утки да два гуся»... Еще у Розенбаума имеется «Утиная охота»... Есть так же веселая американская песенка «Утки-а-а!». Да, ты Китыч, можешь хорошо подняться на уточках и на Димоне.

– Нет, только за деньги играть стану.

– Что-то больше не вспомнить... Лебединая песня – все же не утиная. Ути-уги Путин. Серьезный песен про него нигде не слыживал...

Вскоре на белом «Мерседесе» приехал продюсер, высокий и тощий Дональд в черных джинсах и красном пиджаке в мелкий белый горошек. Позвал к себе ржавого Степанова и дал ему на круг две тысячи и пообещал, что вечером «отстегнет» еще три косых. Потом вступил в переговоры с Китычем, при этом представился: «Можешь звать меня Дональдом Трампом. Дональд – это могучий штатовский Ут». Идея с аккомпанированием и исполнением танца утят показалась ему блестящей, и он сразу согласился ее реализовать. Китыч, получив тысячную купюру в аванс, быстро направился за гармонью домой. В прихожей висела репродукция графической картины, на которой запечатлен революционный матрос-балтиец с гармошкой. На изображении – мятежный Кронштадт, здесь – смутьянша Паша. И у Китыча возникла мысль надеть на кричащую сухопутную братву тельняшки и бескозырки. Но когда он вернулся к «Пятерочке», растянул гармонь и раскрыл рот, то из него раздался не боевой музыкальный клич, а выплеснулась песенка для детского утренника:

На шагающих утят
Быть похожими хотят,
Быть похожими хотят
Не зря, не зря.

Даже толстый бегемот,
Неуклюжий бегемот,
От утят не отстает,
Кричит: кря-кря!..

Можно хвостик отряхнуть
И пуститься в дальний путь,
И пуститься в дальний путь,
Крича: кря-кря!

Даже бабушка и дед,
Сбросив 80 лет,
За утятами вослед
Кричат: кря-кря!..».

Итак, на днях мне позвонил Никитыч из Паши и предложил подумать о новой инсценировке. О цене вопроса я не спрашивал.

4

Шла предпоследняя неделя мая. Утро. В квартире Анны Пашковой – тишина, окна занавешены. На стуле около желтого стола, заваленного тетрадами и книгами, висела спортивная куртка, на спинной части которой имеется красно-белая обложка «СК «Лад». И на самом деле эту квартиру можно было назвать складом с запасом продуктов и шкафов с женским бельем.

Пришло или уже ушло время проснуться хозяйке. В начале лежала спокойно, направляя взгляд в потолок, и вдруг быстро задвигалась, активизировалась, переводя встревоженные глаза то на золотистые настенные часы, то на стационарный красно-коричневый телефон. Если бы перепутались их функции, то на часах можно было бы набрать при помощи стрелки семизначный номер и звонить, а телефон стал бы ходить. Но он не хотел ни идти, ни бежать к постели хозяйки, и поэтому ей самой пришлось рвануть к тумбочке. Но опоздала. Проспала, на серебристом циферблате уже полдевятого, а звонить в единый колл-центр для получения номера к терапевту надо было ровно в восемь часов. Все же встала и в сиреновой сорочке потопала к аппарату, несколько раз набрала нужный номер. Но в ответ услышала только короткие гудки. Нет, конечно, через десяток минут она бы дозвонилась, но уже поздно. Предстояло такую торопливую и нервную процедуру повторить следующим утро или, морально устав от всяких бытовых и медицинских проблем, повеситься на телефонном проводе.

Снова легла, свеся на пол правую крепкую ногу. А если с нее встанет, то есть её первой поставит на желтый линолеум, тогда новый день задастся, будет благополучно светлым. Только с чего ему быть позитивным, если к одиннадцати часам Анне предстояло ехать в больничный морг на улицу Костюшко, где должно было состояться прощание с неплохо знакомым, умершим 68-летним поэтом Александром Федяевым. Проводины назначили там, потому что хоронить собрались в его родном селе Тверской губернии. Покойник в гробу глазами – морг, морг, – но все же проморгал момент своего воскрешения.

Усop, как сказал поп, от проклятого рака. Года за полтора до кончины перестал бывать в СП на занятиях и на других мероприятиях.

Поскольку всё вокруг бурно зеленело, а в теплых небесах на синем фоне, как в Афоне, светило золотистое солнышко, жуть как страшно было заходить в прохладный прощальный зальчик, но Анна уже попривыкла к однообразной череде смертей и похорон своих сверстников и беспроblemно вошла в ритуальное помещение. Еще двадцать минут назад на Ленинском проспекте в торговом красно-желтом павильоне у нее вызвал чуть ли не улыбку тот забавный факт, что не мужчина ей покупает цветы, а она мужчине, хотя и покойнику, в гроб. Но ведь не меньший парадокс – и в том, что во время прощания мужчины несут букеты не женщине, а мужчине. Всё от того, что смерть несколько преобразует диспозиции, по-другому трактует условности, хотя, конечно же, по отношению к самому почившему и родне она все кардинально и непоправимо меняет.

Народу было всего-то человек пятнадцать, они перешептывались и кашляли, на глазах женщин виднелись слезы, как вода на дне могил. На побледневшие лица, как на больничное серое белье, четко поставила синие печати черной неизбежности костлявая кастелянша – смерть. Раздались слова и стихи прощания. Друг Анны Владимир Меньшиков – единственный из всех – сказал о патриотичности творчества Федяева, а остальные, в том числе и Астафьев, про это основное свойство стихов ушедшего лирика промолчали. Для них такие понятия как родинолюбие и сынóвья любовь к России как бы не существовали. Но эти промашки можно было списать на траурную атмосферу, на трагическую эмоциональность момента и, как ромашки, сорвать их и положить в гроб, в ноги покойнику.

Вдруг со стороны ворот раздался резкий звонок, и Анна вспомнила, как утром безуспешно связывалась с колл-центром, чтобы записаться к терапевту. Подумала, что и сама значительно состарилась, что больна, что некогда лихой язычник Меньшиков уже стал инвалидом, а все туда же – не в гроб, а к девкам – в кровать. Вскоре светло-коричневый гроб с Федяевым погрузили в пикап, а простившиеся с ним потянулись к выходу со скорбной территории морга. Через пятнадцать минут вышли на Ленинский проспект, и шумно помянули товарища в эконо-кафе. Говорили о подземно-могильном и небесно-загробном. При этом раскрытые рты походили на крохотные воздушные тарелки, которые сами поедали пищу. Скоро и душа почившего поэта Федяева должна будет превратиться в мизерное НЛО.... Через час подкрепившиеся и выпившие поминальщики, нет, не разлетелись, а разъехались, как ткань жизни, по домам. Патриотическое, высокоморальное выступление Владимира пусть не у самой могилы, а в морге за несколько часов до горьких похорон, не исключало возможности произношения в этот день сладкой речи возле любовной постели. Он попробовал было увязаться за Анной, да передумал.

Часов в семнадцать, когда Анна, решив попить чаю и налив его в желто-красную чашку, открыла початую красочную коробку с шоколадом и обомлела. В ней, как в морге, или уже в комфортно оформленной братской могиле, в четыре ряда лежали прямоугольные конфеты в блестящих обертках, словно золотистые гробики... Слава богу, раздался звонок, чур, чур, и хозяйка направилась к телефону. Звонила незнакомая женщина, которая, правда, сразу представилась: «Меня зовут Людмила Бовина, я - поэтесса, мне дал номер телефона ваш знакомый Владимир Меньшиков, сказал, что живете недалеко от моего дома, что являетесь членом СП. Он считает, что мы найдем общие интересы и язык. В-общем, я хочу с вами встретиться».

Анне понравилась идея обзавестись подружкой, тем более соседкой и любительницей поэзии. Шок с шоколадными конфетами забылся сам собой. Она улыбнулась в зеркало и, решив не откладывать встречу в долгий ящик, при этом вспомнив продолговатый гроб, в котором увезли Федяева на отдаленное тверское кладбище, спросила:

– Значит, предлагаете встретиться? А у вас с Владимиром были отношения? Сколько вам лет?

Вскоре телефонный разговор перевели в режим живого общения на природе. Через час встретились возле крайнего подъезда тощей девятиэтажки с ватными облаками на крыше и, еще раз поздоровавшись, направились к скамейкам, стоящим вдоль бульвара. Анна с радостью выполнила просьбу Людмилы и принесла сразу, на первую встречу, свою поэтическую книгу с автографом и пожеланиями. Та попросила прочитать стих про любовь. Анна не отказалась. Случайно или не случайно стихотворение оказалось очень чувственным:

Если камера сбита обскура,
И мутит от любого интима,
И шикарная сношена шкура.
И до глянца замылена тема,
Что ей – ваши сплошные, пунктиры –
Потерявшей ключи от мужчины...

Анна оказалась очень довольной от того, что новая знакомая разделяла ее поэтические пристрастия, любовь к «наложницам и содержанкам» Ахматовой и Цветаевой. Мила тоже прочитала свое любовное стихотворение, написанное вполне профессионально. Поговорили про литературные дела, публикации, всякие там приставания к ним со стороны литераторов... Светило вечернее солнце. Порхавшие разноцветные бабочки играли пушинкой в небесный волейбол или в регби. Зазвучала «регги». Это на соседнюю голубую скамейку сел старик в черном костюме и включил серебристый миниатюрный радиоприемник

Женщины продолжали разговор. Подошло время первых суждений. То ли Людмила сочла стихотворения Анны очень откровенными, что говорило о внутренней и, наверное, внешней раскрепощенности автора, но на исходе получаса знакомства она попросила Анну поведать подробнее об ее отношениях с Владимиром.

– Расскажите... У меня же, повторяю, с ним ничего не было. Это можно проверить... Хочется узнать о нем побольше. Он сам заявлял, что безумный бабник...

Анна начала рассказывать, что встретились еще в начале 90-х годов на литературном мероприятии и там же выяснили, что он и она живут на юго-западе:

– Я – в разводе, а он шикавал один в квартире-офисе на Трамвайном, я – по уши в пореформенной, перестроечной ниште, он при деньгах и при работе у родных братьев-предпринимателей. Ему тогда было около сорока лет, он – весь на амбициях, на крутом пафосе, как же – талантливый, провинциальный поэт, приехавший покорять Петербург, а еще поблядовать хорошенько в относительной дали от жены и сына. Когда имеются деньги, что же не проафишировать через журналы и книги о своей рабоче-крестьянской (это его имидж) атаке на буржуазно-капиталистический Питер.

В этом месте беседа прервалась. С соседней скамейки привстал старик и стал приставать к женщинам с разговором о политике и войне. Тряся подбородком, предложил познакомиться. Людмила сказала, что ее зовут Мила-Миллионерша. Анна до того возмутилась беспардонным вторжением старичка Павла в ее непростое повествование, что предложила ему вместе с его политическим весом идти черным лесом. По транзистору, который был переключен с песенной на политическую волну, заявили, что в некую европейскую страну направилась российская верхушка. Новость прозвучала, как частушка. Исполняла ее голосистая диктор – голо-сисястая. В микрофон-космический корабль Россия опять попробовала запеть о своих победах в небесах... Вдруг стоящий возле них старик согнулся так, что не смог разогнуться, и стал похож на телескоп. Чтобы через него посмотреть на таинственную жизнь в космосе, возможно райскую, чистую и приятную во всех отношениях, требовалось приблизить свое лицо к его грязной заднице. Вот вам и «телескоп»...

Женщины не стали долго и не понимаяще глазеть на старика и на его черные штаны, а разогнули его и благополучно посадили на скамейку. Он вскоре ушел, а они продолжили объясняться.

Анна доверчиво и пылко поведала, что в начале приходила к дружку регулярно и с ночевками: «Потом ему захотелось новых девок, он и от меня, тогдашней красотики, загулял. Помогал все меньше и меньше, а где-то через год устроил театрализованное расставание со мной и не где-то, а в универмаге «Нарвский». Мол, куй железо пока молод и пока ..уй как молот. Так и говорил... Короче, поставил меня в очередь перед кассой универмага, чтобы якобы купить мне какую-то красивую тряпку, а сам не возвращался и не возвращался. Я уже из очереди вышла, тревожась, что что-то случилось. А когда покинула универмаг, он в тридцати метрах стоит, улыбается. Ручкой сделал, прыгнул на близкой остановке в троллейбус, и как не бывало. Ну, я дура. Через полгода он снова меня к себе затащил, потом опять бросил. И так раз пять, только несколько лет назад закончились его периодические приставания. Правда, в последнюю зиму, он уже больной, опять за мной приударил, встречаемся порой. Так-то, опять простила. Тут на днях при совместной прогулке переименовал «Нарвский» в «Свинарский», но переименование сделал почти напротив отдела, где мне свинью подложил. Он поросенок еще тот».

Они еще какое-то время обсуждали, обсасывали посменно, словно мороженое на палочке, этого Меньшикова. Так же сообща осудили его обманную, похожую на аферу теорию, что чем быстрее совершит грех, тем быстрее займется пусть не святыми, но простыми добрыми делами. Но сошлись на такой мысли: чем скорее согрешит, тем быстрее к другой бабе побежит. В-общем-то, Анна говорила о Владимире не злобно, как бы рекомендуя его Миле в любовники. Понравится, так понравится, подставится, так подставится. Короче, через неделю Людмила провела ночь в кровати Владимира.

5

Время летело в виде замедленной ширококрылой вороны или бежало в виде подстреленного беглеца-арестанта. А вы говорите «У времени в плену»...

В этот раннеиюньский теплый день оно стояло в виде меня, литератора Владимира Меньшикова, на зеленой береговой лужайке в описанном мною неоднократно селе Пашá, находящемся в двухстах километрах от Петербурга в мурманском направлении, и осматривало округу. Пейзажи были привычными: много травы, много ольхи и не густо с развесистыми зелено-белыми березами. Сини в необозримых небесах по сравнению с маем поубавилось, но как недавно отметил местный житель Гурьян, ничуть не уменьшилось количество желтеющих одуванчиков на склоне берега. И если бы мы рассматривали не лужайку, а политическую карту России, то сделали бы привычный, неутешительный вывод, что желтоцветный капитализм хищнически захватил все пространство страны, бывшей не так давно социалистической.

День, повторяю, выдался радостно-многоградусный, солнечный, над рекой и над зеленеющими деревьями кружились птицы. Постоянно приходилось отмахиваться от надоедливых насекомых. Неширокая полоска воды возле противоположного, недалекого берега ярко отсвечивала, словно там к реке одновременно спустилась тысяча, а то и больше женщин с одинаковыми, цинковыми, светоотражающими ведрами. Казалось, пройдет несколько секунд, они зачерпнут воды и с наполненными емкостями станут подниматься по незначительному склону, – грузные... В высях две растянутые к востоку перьевые тучи напомнили длиннющие белые гантелины, только было непонятно, почему небо их не поднимало и не отпускало. Наверное, потому, что оказались действительно невесомыми. Да и у неба, пожалуй, не было рук, а то бы оно нас постоянно доставало. Или являлись слишком короткими... Громко каркнув, над головой пролетела тяжелая ворона. Вокруг довольно игриво и ритмично кружились белые бабочки-капустницы. Усмехнувшись, я нарек их бабочками-язычницами, поскольку их название почти целую минуту не сходило с моего языка. Я вспомнил свою игру в переименования, и стал так и этак менять слово «капустница», получалось – «капа», «хап-устница»...

Нет, в Пашу на этот раз я прибыл не для того, чтобы зафиксировать фиаско или поражение, а на торжество. Мне неоднократно звонили в Питер известный всем по повести «Гармонист и националист» Василий Никитыч и мой новый товарищ по пашской рыбалке Гурьян Николаевич и просили, чтобы я придумал для них – старых весельчаков и ворчунов – развлекуху типа прошлогодней игры «в медвежьих уточек». Поскольку Никитыч в том произведении был задействован по полной как главный герой, то я в центр нового действия попробовал поставить Гурьяна Николаевича, для чего опять-таки потребовалось крутить-вертеть его доброе, может, и не такое доброе имя. Гурьян, Гурия, гуру... Нет, «гуру» слишком почетно для него, не потянет. Гурьян, Гурятизация, Бурятизация... Еще нам бурятизации России не хватало с

переносом столицы из Москвы в Улан-Удэ и смены православия на буддизм. Тогда бы наступило настоящее бурятско-монгольское иго...

Короче, после долгих мыслительных манипуляций и после очередного появления на мозговом экране слова «гурьянизация» высветилось слово «инаугурация», на котором я и остановился. Иноугурация, инаугурация – без всяких австралийских кенгуру и гуру, но не без Владимира Путина, который в очередной раз празднично вступил в должность президента России.

Обстоятельства Гурьяну благоволили. Паша ведь еще и Ра́ша, и к тому же очень многие в районе ее весело называют «столицей нашей Родины». Что ж, пофантазив и погадав, я отзвонился и предложил пашским друзьям готовиться к иноугурации Гурьяна в Президенты России (и не меньше) в начале июня с последующим скромным выпивоном. Так же продиктовал под запись список необходимых предметов для проведения супер-пуперского церемониала: государственный флаг и магнитофон с записью гимна РФ, брошюру с Конституцией, красную ковровую дорожку.

Уверенно предположил, что мой брат Геннадий Петрович – предприниматель, пашский дачник и очень сомнительный петербургский путинец покатает нас с полчаса по Паше на белом «Мерседесе». Так же посчитал, что набрать «кремлевский полк» для маленького победоносного парада из местного населения – не проблема. Подумал и о гостях. Если у В.В. на торжествах присутствовали такие «транспортники», как девушка на коньках – Загитова, мотоциклист-байкер Хирург, рэпер-башмачник Тимоти, то почему бы не позвать в Паше соседа Тимоху да еще грудастую молодуху И. Н. Тимофееву?

Ее-то зачем? Ведь взял с собой на пашскую инаугурацию поэтессу Людмилу Бовину, которая все же в конце мая, тоже, видимо, намаявшись, стала моей любовницей. Вот вместе с нею да с братом (без его жены) мы перед торжеством и вышли на зеленый берег местной речки и рассматривали пейзажи. Я прикалывался:

– Понятно, что ни один из участников церемониала не прошел бы кремлевский дресс-код... Зато, смотрите, какой прекрасный вид на реку. Никакой дресс-код, никакая коровья дрисня под ногами не мешает любоваться речкой.

Брат Гена и Людмила только вежливо улыбнулись. Подруга вскоре отошла в сторонку и начала собирать трехцветный (бело-сине-красный) знаменно-государственный букетик для виновника торжества. Я смотрел на реку, а, точнее говоря, на три лодки, привязанные к выцветшему настилу-причалу. Хотя лодки и являлись разноцветными, а не белыми, я их запросто посчитал за лепестки гигантской ромашки и принялся по ним гадать на любовь.

Мысленно отвязал-оторвал одну лодку, через непродолжительную паузу – другую... Как они печально одна за другой поплыли по течению! Аж горло перехватило, как будто поперек него весло встало... С удивлением нагадал на «любовь», но любви не было, да не то что любви, даже страсть куда-то подевалась.

Как только у меня получилось в этом бешеном мае переспать с Милой-Людмилой, я сразу же попал в нелепое, почти анекдотичное положение. Если раньше рьяно домогался ее, то теперь она стала постоянно и безжалостно затаскивать меня в кровать. Я уже и не знал, как от нее отбиться. Даже деньги предлагал, правда, небольшие, чтобы меня не насиловала каждый день. Вот и в Паше, куда она напросилась, заявила, что в первую же ночь после инаугурации метнется в постель к новоназванному Президенту, чтобы хотя бы часок побыть в статусе Первой леди государства Паша-Раша. Короче, за что боролись, на то и напоролись, доприставался, «дохотелся», хоть в реку с моста с камнем и презервативом-бабочкой на шее.

Подшло время идти на инаугурацию. Но тут брат Геннадий вдруг, как хороший конь, встал на дыбы, разобидевшись: «А на фиг мне нужна ваша церемония да три тыщенки, которые хотите дать, чтобы я вас на «Мерсе» по селу с песнями и плясками провез? Вы на меня ноль внимания. Твоя левая подружка цветы собирает, ты куда-то за реку, ку-ку, смотришь. Поеду-ка я к себе на дачу». И, действительно, широким шагом устремился к дому Гурьяна, возле которого и стоял белый «мерин». Я нервно позвал Людмилу, и мы отправились в том же направлении. Мероприятие по вступлению в должность президента пришлось провести в пешем режиме и ограничиться территорией гурьяновского двора. Гостей было всего человек десять. Сначала кричали: «Урья, Президент Гурья-н!», а когда уже подвыпившие виновник торжества и Людмила под ручку ковыляли по красной бабкиной дорожке, то мы, как и было прописано в сценарии, протестно орали: «Сарь, ты нам не царь! Сара, ты нам не сарица!».

7

Как там у нас? «Май, кайф, комп (май, труд, мир)»? Вскоре от такого позитивного перечня почти ничего не осталось. Во-первых, наступил июнь, и счет (черт) его дней перевалил через середину и устремился к хвосту. Во-вторых, кайф тоже сломали. Еще в день инсценировки инаугурации президента Путина приехавшая со мной Людмила, нет не Путина (та, вообще, считает, что ВВ мертв, и мы следующим летом попробуем в Паше его воскресить), а моя, Бовина-Вовина, разругалась с президентом Гурьяном, с моим братом Геннадием и, естественно, со мной, упала на дрезину дерзости и дернула на ней по железной дороге не в такой уж близкий Петербург. Ведущий телепрограммы «Время покажет» дал общий совет «Жрите хохляцкое сало, чтобы легче штало», следуя которому я, продав кое-какие шмотки, купил шмат сала, намазал им рельсы и покатил вслед за Людкой, но она даже разговаривать не стала. Всё плохо. На шкале – «на нуле».

Надеясь, что душеньку успокоит футбольная лихорадка, то есть ЧМ по футболу, который должен был вот-вот начаться в России и в Петербурге, в частности. Хотелось забыться и забиться, как моллюску в гигантскую раковину нового стадиона на Крестовском острове, отдался игре и забить крест во всевозможные личные переживания, в том числе и любовные. То есть собирался болением выбить боль или клином клин. А вы пробовали хреном выколотить хрен?

Но какая там для моллюска (а, Люська?) раковина стадиона? Жизнь уже давно таких нищebroдов, как я, поставила раком, поэтому я даже не рыпался, чтобы попасть на дорожные места стадиона, а от греха подальше, в первую очередь от июньской жары, махнул на пару дней обратно в Пашу, где и собирался посмотреть первый матч нашей сборной, до начала которого оставалось недолго. Добирались на генкином «мерседесе». По дороге в башку въехала сумасбродная рифма «обкатка – об кадку – об КАДку). Когда проезжали село Гулино, вновь с ухмылкой посмотрел на гипсовую совдеповскую скульптурку пионера с горном – порно. Так же объяснил Геннадью, сидевшему за рулем, что внешняя политика – это внешность страны.

Хотя ЧМ по футболу стартовал не 22, а только 15 июня, все равно он начался в некотором смысле как ВОВ, возможно, с масонского позывного «Акация». Премьер Медведев под ураганный болельщический рев, а не под шумок из раковины–стадиона огласил проект указа о повышении пенсионного возраста. Путин, хотя отмалчивался, но к бабке не ходи, явно был в курсе правительственной антинародной затеи.

Когда брат вошел в дом, я сказал: «Все, Гена, – в стране геноцид русского народа».

Он верно оценил смысл слова «гено-цид», а не стал как малолетний дебил Децил кривляться в сельской горнице, врубив рэп-музыку немалой децибельной громкости. Спокойно меня выслушал, а я ему в конце объяснения показал на наушники его внучки Лизы, положенные почему-то на блюде:

– В качестве гарнира будем есть гарнитуру от радио, наушники.

– А, может, наротники, намордники?

Определение «наротники» мне – народнику показалось очень сильным, чрезвычайно актуальным. Архиважным вопросом являлось то, как отреагирует наш задолбанный народ на это повышение, на очередное национальное унижение. Получается жуткая игра контрастов: «повышение – унижение».

Таким образом недавняя иногурация Путина должна была срочно превратиться в импичмент, в выдворение с должности, остракизм. То есть народный или уличный пашский театр со мной и Василием Никитычем должен был срочно осуществить постановку наоборот: показать процедуру лишения президента должности. Но перед тем как сочинить сценарий этого действия, я записал некоторые свои мысли по поводу деятельности нашего гаранта-банга:

1. Ему бы народ позволил делать, что захочет, хоть Америку завоевать, но он покусился на святое – на народные пенсии.

2. До появления проекта указа о повышении пенсионного возраста (ППВ) люди еще сильно доверяли ему, хотя имелись претензии (не любит русских, идет на постоянные уступки кавказцам и гастербайтерам). Но думали, что так проявится побочный отрицательный эффект от тяжелой борьбы с либеральным правительством Медведева. Теперь, когда снята маска, поняли, что русофобия исходит от него самого. Никакой он не добрый царь...

3. Раньше была иллюзия: напишем Путину, и вопрос решат. Теперь не к кому обращаться. Ни Путина, ни бога. Раньше Путин обслуживал бога, а бог – Путина. Выступить против ВВ – это бунт против бога?

4. Путин всегда в присутствии телевизионщиков приезжал на Рождество и Пасху в храмы, чтобы показать, что он гуманист, что он вместе с народом и добрым богом. Обманул и народ, и бога? Или вместе с богом нас обманывают, предают?

5. Путин, как по заказу, образовал из патриотизма – последний приют негодяев. Подставил всех настоящих патриотов, которые купились на его идеи по поводу отстаивания русских интересов на Украине (Донбасс) и в Сирии. Теперь может измениться вся конфигурация политических сил России. Произойдет объединение крайних либералов (революционеров) и угнетенного русского народа, как в 1917 году. Получится гремучий коктейль (союз демшизы и фашистов). Если потребуется, то придется на время(?) слиться с русофобами в этом святом деле отстаивания социалистических завоеваний: пенсии с 55 и 60 лет, 8-часовой рабочий день... Кстати, что-то не слышно про организацию с очень громким названием ОФН – Объединенный Народный Фронт (против народа?).

6. Вся путинская русская номенклатура из министерств и ведомств, армии и полиции – это предатели русского народа, изменники нации. Это они, а не евреи довели нас до геноцида. А ведь все они, родившиеся в основном в 50-60 года, получали образование в советских школах, их по правильным учебникам и книгам учили человечности, любви к России, к людям. И вот эти люди, с которыми я ходил в школу, сидел за одной партой, решили кинуть простой народ. Твари! Депутаны...

7. Последствия ШПВ, особенно для провинции, будут ужасными: безработица, голодуха, проституция, попрошайничество.

Так что же было делать с инсценировкой о Путине? Нечестно, некрасиво как-то получилось по отношению к Медведеву, которого с уткой в прошлом году продернули, осмеяли, а президента не «показываем», ущемляем. Дискриминация. Та пародия на инаугурации во дворе Гурьянова, увы, не удалась, получилась скомканной. Нынче вспомнился Алексей Гурьянов – ударник из группы «Кино». Надо было тогда поставить на крышу дома барабанную установку, стучал бы по ней, но только не по красным печным трубам. Но Алексей умер от онкологии, от рака легких в 52 года... Что ли рака посадить на гору, пусть всех неравнодушных свистает?

Я начал привычно играть со словом Гурьян... Гуря, Дуря, Дурий. Вспомнилась фамилия Гуревич. Глянул в компьютер, Среди Гуревичей были и равнин, и писатель, и физик, и мвдэшник. Гуревич – автор учебника по математике, боксер, буксир. Да, буксир. Опять Гуревичи возьмут русский народ на буксир и вытянут из очередной погибельной дорожной ямы. Самим нам не выбраться. Слишком много хитроумников развелось. Пятидесятилетний питерский пролетарий с восьмью классами не пойдет биться за свой миллиончик, который потеряет от «повышения», а 70-летний профессор потащится с палочкой на площадь защищать этого гегемонмамонта. И «го-гомону» не будет стыдно... Но я-то не должен молчать, просто обязан инсценировать, так сказать, схватить за жабры «текущий момент».

Стал прикидывать варианты постановок. Если показать импичмент, антииноуграцию, то надо повернуть президентскую машину вспять. Поэтому пусть она обратным ходом катит из Кремля, как в 2012 году, по Красной площади на Манежную, забарахлит на этой Нежной или по Васильевскому спуску съедет на набережную. Только в Москву-реку ей ухнуть не хватало... Поэтому я стал придумывать другие варианты показа. Например, на пашском уличном рынке в выходные дни можно на низком суку тополя крепить на крючок вешалку с полным мужским костюмом и с прикрепленной к воротнику пиджака округлой картонкой с раскрашенным путинским лицом. Рядом с таким пронафталиненным костюмом, допустим, стою я со специальной палкой, при помощи которой можно совершать те или иные манипуляции. Меня попросят показать костюм с головой-картонкой, скажут «Сними Путина», и я при помощи палки четко и технично, как костюм с картинной головой, снимаю ВВ с...должности.

А молчание ягнят, то есть непротивление и заклятие народа, можно изобразить так. У известного здесь зажиточного дагестанца увести несколько баранов, пригнать их к «Пятерочке» и там заколоть. Только как бы этот дагестанец сам не обезглавил кинжалом участников такого кровавого флешмоба. Еще вариант: при демонстрации русской трусливости выстроить с дюжину молодых людей и попросить (естественно, за деньги) изобразить дрожь. Можно было бы и без людей обойтись, расставить бы там в снопах рожь, но она здесь произрастает плохо.

Подумав, написал стих «**Повышение**», который начинается строфой:

Повышают возраст пенсионный
И лишают денег мой народ,
Нарушая конституционный,
Утвержденный всеми нами свод...

Людмила мне не звонила из Питера, я ее тоже перестал беспокоить. Она пребывала в большом городе, где новые вызовы и новые визави, а я тянул резину деревенской жизни. Близко знакомых женщин нет. Обращал взгляд, находясь в доме Геннадия, вверх, как бы к богу, а видел потолки комнат с плафонами-лифчиками, внутри которых находились горячие груди-лампочки. «Попробуй поласкай, поддержи в ладони!». Легче было дотронуться не до лампочки, а до лапушки, тридцатипятилетней молодухи, которая, как она представилась, училась в областном училище культуры, то есть в кульке, а теперь работала в ларьке. Кроме как о тряпках и о деньгах она больше ни о чем не думала, поэтому я не бросил якорек в ларек, а стал обходить стороной.

Время шло медленно, по моим понятиям оно бездействовало. Не так уж и далеко от дома брата строители делали ответвление дороги, поэтому оттуда слышался неприятный дневной грохот. А непосредственно на моих не таких уж крепких мозгах дребезжаще стоял и невероятно громко вибрировал компрессор прессы. Шло воздействие и от прочтения газет, и от просмотров телевизора. Нет, как раз телевидение в государстве повсеместной гласности наглухо молчало о ППВ, и дискуссии по этому большому вопросу велись

только по интернету, к которому я имел доступ. Нет, хорошенькое дельце, проводили перестройку, бились за свободу слова, шествий, а в результате опять застенки, казарма, только теперь капитализма! «От года до трёх и больше тюремные сроки». С утра стремился к компу. Нет, «проснувшись близ икон, мчал я в дабл на мочегон». То есть на моцион, Мичиган...

Демократические, лжегуманистические власти обгадили, унизили нас предельно. В «этой стране», где аж на пять и на восемь лет оттягивают наступление ПВ, где заворовавшиеся министры открыто отнимают у пожилых людей заработанные деньги, ни о каком нравственном, патриотическом и даже церковном воспитании можно не говорить в течение длительного времени. Так нагло обманывать людей и требовать от них хороших поступков? Впрочем, русское лицемерие не имело и не имеет пределов. Я сам не могу в это поверить, но мне от такого гипербомана на какой-то момент стали абсолютно фиолетовы такие понятия как «Родина», «Россия». Теперь выяснилось, что патриотизм – это, оказывается, безоговорочное служение правящей верхушке. Я просто устал с некоторыми пафосно-лозунговыми словами идти по жизни. Я с самого детства, чуть ли не со сталинских времен, понимал, что их смысл искажен, но нынче их деформация приняла такие чудовищные размеры, что о них пока что не хочется даже слышать. Тяжело вздохнул и сказал: «Хватит!». 65 лет мне клепали мозги, а я как поэт-националист – другим людям?..

Наверное, это временная потеря духа, веры. Возможно, так на меня воздействовал ЧМ по мячико-мальчишобоитию, политфутбол.

Нет, когда на стадионе забивают гол, народ кричит, а когда ему объявляют, что лишат пенсии, что будешь гол, как сокол – наши болелы молчат, мол...

Не знаю, как для других, а для меня в эти дни стали не то что значительно, а много привлекательнее лица таких крайних либералов, чуть ли не ортодоксальных евреев Бориса Вишневого, Льва Шлосберга и других. Вы посмотрите в компьютер и убедитесь, что большую работу, теоретическую и практическую, против ППВ, против геноцида русского народа, против окончательного закабаления и обнищания ведут, как ни странно, евреи. И напрашивается честный вывод, что, пожалуй, только они нас, трусов и дебилов, могут спасти. А народ нагнули, имели и имеют как раз наши же русские высокопоставленные твари, которые пролезли на большие должности в министерствах, в армии и полиции.

Русские нас угнетают, а евреи спасут!? Возможно, это мои временные заблуждения, эмоции, но повод так думать даден. Что делать? Как бороться? Может, уходить в леса к язычникам, к зверям?.. Но ситуация настолько затемненная, настолько бесперспективная, что кажется, – антинародные правители сами начнут создавать в лесах партизанские отряды, которые будут выходить по ночам из чащоб и терроризировать провинциальное население, такое, как в Паше...

Пишу. Массирую свой г...лобальный, то есть говенный лоб. Муссирую слухи, предположения. За окнами то Петербург, то Паша. Раша – Россия.

Владимир Меньшиков

НОВАЯ РУСОФОБИЯ

(Отрывки из повести «Прогулки с Овсянниковым»)

Нет, я позавчера недостаточно точно выразился, когда сравнил светящийся монитор компьютера с воздушным замком. Ведь над столом он возвышался всего на двадцать сантиметров. Мог бы его поднять и повыше, даже к самому потолку закрепить, хотя тогда придется подбородок да нос задирать до предельной нескромности и неприличия, что вообще не позволит работать с текстами. Совсем другое дело огромный экран в фанатской зоне на петербургской Конюшенной площади, созданной властями для массового просмотра матчей ЧМ по футболу, проводимому нынешним летом в России и так же в Петербурге.

Вот на такую зону всеобщего боления и футбольного сумасшествия я и направился вместе с Овсянниковым после обеда во вторник. Вообще мы в эти дни на удивление много общались, Вячеслав даже свозил меня на электричке в поселок Можайский, это сразу за Красным селом, где он провел свои детские и юношеские годы. Там мы с интересом смотрели, хотя надо было в него нырнуть, в гигантский, овалообразный монитор Дудергофского озера, а так же в сторону пусть не воздушного, но все же высокого замка, который при нашем писательском гипертрофированном воображении не сложно было представить на вершине знаменитой Вороньей горы. О, если бы я со своей легочной онкологией, а Вячеслав со своими болячками поднялись, доползли до вершины этого гигантского холма, то полетели бы оттуда в Петербург не как зловещие чернокрылые вороны, а как радостные весело кричащие чайки.

Хорошенько можно было покричать и в фанзоне, но опять-таки не нам, старикам, побывавшим неоднократно у лоров, а молодым глорам-болельщикам. Вот они и орали, пересматривая в повторе вчерашний матч. Но не все неистовствовали. Например, молодой негр улыбочиво полеживал на асфальте, словно просмоленная лодка, предлагая на него сесть питерской блондинке, укачать ее и увезти куда ни пожелает, хоть в пустыню Сахара, где с избытком сахарного песка и сладких любовников.

Около стены здания стояли метровые кубы странного вещества телесного цвета. Я подумал: «Если их побросать один за другим в жаркий котел тутошнего футбольного боления и варить, то получатся дополнительные болельщики». Количество фанатов в зоне возрастало с каждой минутой. Не являлось бы детской неожиданностью, если бы кто-то обделался от вида такого количества помешанного народа. Дресс-код в зону можно было назвать дресс-кодом...

– Вячеслав, а интересно ли болеет ли писатель Громов за сборную Сербии? Она между тем первые матчи провела плохо, может вылететь.

Овсянников хмыкнул: «Хотя славяне и другие европейские братаны за нас совсем не болеют, мы пока выигрываем. Правда, слабеньких дернули, Саудио и Египет, но все же».

– Интересно будет, если сборная России выйдет на сербов...

Вячеслав, пробуя перекричать заведенных на рёв фанатов, гаркнул мне в ухо: «Ничего не слышу. Болельщицкий бум, бедлам. И меня в этот дурдом втянули!».

Да, втянули-то нас всех власти и оттянулись почти на всех... Это я о повышении пенсионного возраста, с предварительным указом по которому премьер Медведев подло ознакомил россиян сразу после открытия чемпионата мира по футболу. Впрочем, уже теперь можно объявлять Россию чемпионом мира по обману населения.

О чем-то с Вячеславом перекрикнулись еще, но поскольку ор в поросятнике с болельщиками стоял шизоидный, порешили быстренько отсюда смотаться. Так и поступили. По ходу продвижения от собора Спаса-на-крови к станции метро «Канал Грибоедова» успели кое на чем остановить свои разгоряченные от жары взгляды и обсудить увиденное. Например, хотелось, чтобы бутафорные футбольные мячи, сделанные из пластмассы или из спрессованной бумаги, и которые то там, то здесь пребывали в специально изготовленных под них неглубоких чашах или больших тарелках, резко сменились на подобные по диаметру шары мороженого с прилагающимися к ним ложками, чтобы ими тут же в зной поглощать этот вкуснейший прохладительный продукт.

Вячеслав, быстро найдясь после моего прикольного афиширования гигантских мячиков из разноцветного пломбира, показал на шар куда большего размера, который возвышался над домом Зингера или нынешнего Дома книги и прокомментировал: «Ну, на такой просто с ложками не накинешься, надо забираться, лестницы приставлять, пожарные машины со стрелами подгонять». А я в какой-то своей питерской повести уже писал про этот шар Z или Зингера, почти «зиг хера» и, сравнивая его с гигантским черепом, говорил о трепанации, о...трепе нации, особенно актуальном в эти дни, когда на страну обрушили весть о скором повышении ПВ. Это, считай, геноцид, а народ и вся нация треплется и сумасшедше болеет за людишек-миллионеров, катающих по зеленой травке какой-то говенный футбольный мячик.

– Вот я и говорю, Вячик, что под этот Указ попадут миллионы русских терпил, но ни один из них, повторяю, ни один из них не найдется, чтобы с канистрой бензина забраться на Эйфелеву башню или на крышу Белого дома, чтобы выставить народный ультиматум правительству и их министрам. А ведь помнится, в годы перестройки кто-то забирался на этот шар, ну, почти на него, и выдвигал под угрозой самосожжения требования к властям.

Вячеслав кивком головы подтвердил: «Было дело!».

Дел-то было наворочено в России немало. Сразу в моей голове промелькнули картины расстрелов мирных протестных шествий в 1905 и последующих годах. Представил, как теперь с зданий Думы и Гостиного двора по демонстрантам стреляют автоматы и пулеметы. Российские власти в смысле расправ над народонаселением традиционно последовательны...

Эх, не лучше ли от горьких видений и предположений вернуться к сладенькому мороженому и весело стучащим футбольным мячам? – предложил я и продолжил в паре шествовать к станции метро или «ведро». Последнее слово на этот раз прозвучало уместно, поскольку проходя возле Русского музея увидели сине-красно-белый плакат, приглашавший (всякую шавку?) на выставку Ведрова-Водкина. Да, неплохо было бы, если бы нам налили ведро водки, чтобы в нем потопить, погрузив, как в «Погружении» Е. Дедух всю нашу русскую классическую тоску. Но тоска-доска не тонет... В находившейся в десятке метров от нас толпе тоже не вопили душераздирающе «Долой пенсионную реформу!» с ярким желанием немедленно утопиться. Россия «топила» за мировой футбол. По вонючей глади канала пронесся глассер, как реактивный глист-сэр. Я вспомнил про другие водоемы великого Санкт-Петербурга, стоя у парапета на набережной канала. Вдруг в голове заплескался, бурно заштормил стих «**Пирь Питера** (к году Свины)»:

А в городе жратвы-то!
Ведь из Европы всей
Навалено в корыто
Для питерцев - «свиной».

Искренья там и брызги,
И визги балдежа,
Но будут, будут иски
Из стран зарубежа.

Не ринутся на запись
В помощники села,
Но есть такая напасть -
Крестьянские дела!

С такого аппетита
Не видит жадный взгляд,
Что посреди корыта
Стоит петровский град.

Об этом каждой ивой
В любой строке-реке
Прописано в пытливой
Пророческой тоске.

Туда полезли слепо
Набить желудки, чтоб
Воскликнуть: как нелепо
Попали в этот Гроб.

Вы, смотрите на реки?
Читаете, вы, их?
Ведь в селах не огрехи,
А вывих, ли вывих!

Прочтут и оскорбятся,
Что высказал «без ширм».
И все ж не затолпятся
У деревенских фирм.

Конечно, коль на Невке
Показы и галдеж,
Балы судов и девки,
То разве что прочтешь?

А потом «до кучи» прочел Вячеславу стих про парня, которому и в 40 лет не найти работу, а не то что в 60 годов.

Питерский знакомый.

Плохо нынче этому товарищу.
Он уволен. Он – лишенный средств.
У соседей суп хороший варится
Из животного-овощных еществ.

Бросили «лаврентия» и перчику,
Вот хлебнуть б, но мир жаднюще-сер.
С этого тоска по револьверчику,
Но ни револьвера нет, ни вер.

Откипели майская черемуха
И сирени распахучий суп -
Сладким пропитанием для олуха,
Но без мяса он, считай, что труп.

Объявления о труде «торжественном»
Из-под типографских резаков -
Пластики капусты, чтоб в общественном
Чане щи варить для бедняков...

Бредит, как поэт, равнинной кухнею
С клевером, полынью, беленой.
Был не то чтоб шутником и ухарем,
Но раздавлен русскою бедой.

Не смотреть б на этого товарища.
Тащится понуро, словно дождь.
– Неужели, ты, на суп наваристый
Сто рублей проклятых не найдешь?

Ведь прошла совсем недавно Троица.
Только был морально не готов
Хоть на три, на два денька устроиться
Продавцом кладбищенских цветов.

* * *

Июльский Петербург изнывал от жары. Зимний дворец обливался потом. Везде воняло пивом. На темно-синем капроне Невы еще явственнее обозначилась стрелка Васильевского острова. Буржуазные народные массы текли, как желтоватое масло (подсолнечное). Как только с перегрева не догадались покрошить огурец Александрийского столба и луковицы соборов, перемешать и дополнительно обсыпать это салатоподобное месиво кругляшками цветной соли, то есть футбольными мячиками продолжающегося здесь ЧМ по футболу.

На Невском проспекте газетные киоски напоминали многочисленные разгерметизированные космические капсулы, из которых спешно выбирались инопланетяне и стремились или непосредственно на матч, или в фанатскую зону на Коношенной площади. В руке одного из них находилась «Газета с того света». Так же на Невском воришки чистили карманы прохожих, как карму. У Гостиного двора, на стыке с Садовой улицей столкнулись две иномарки, причем «ФольксВАГЕН» взлетел в воздух, словно балерун, закончивший Вагановку. Около «катькиного сквера» по тротуару маскарадная лошадь с молодой наездницей побежала то ли рысью, то ли крысью. Вспомнился балет «Щелкунчик» в постановке и оформлении Михаила Шемякина с его шизоидно костюмированными людишками, гоблинами, крысами...

Съездив по делам в центр города, я уже с гораздо менее серьезными намерениями вернулся через станцию «Проспект Ветеранов» в наш Кировский район, а точнее, на улицу Голи Лёникова, пардон, Лёни Голикова – с Вячеславом Овсянниковым повстречаться и творческой энергии набраться. Он как старший литературный товарищ и городской сосед как-то умел настраивать меня на написание последующих произведений без длинных назиданий и пафосных призывов, используя лишь краткие реплики и метафорические формулировки, например, поэзия и проза должны быть розовощекими девками с большими грудями, за которые хотелось бы подержаться да так, что не оттащить.

Вот и теперь мы сидели в тенечке на скамейке возле его хрущевского дома, попивали из банок «sprait» и, как водится, трепались. О чем, о ком? Да о Сербе, то есть о Лебедеве...

– Повторяюсь, Вячеслав, но еще зимой я, Серб, председатель Орлов и другие выступили единым политфронтом на сайте «Литературной России», а потом – шерше ля фам. Появилась какая-то девочка Катя Дедух, не очень даже смазливая, с неочевидно талантливыми стихами и раскола напроць этот писательско-патриотический фронт, блок. Мона Лиза – Моня и Лайза... Жора написал какую-то малопонятную статейку против меня, где перепел меня же, что оказалось подставой Серба против самого себя. Нет бы мы с Вячеславом тотчас оказались в находящемся рядом парке «Александрино», там разговор был бы предметнее.

Вячеслав усмехнулся:

– У вас и раньше имелись с ним незначительные перепалки.

– Вообще-то, у меня перепалки-стрелялки с Сербом вовсе и не из-за Кэт. Просто он несколько раз заявил, что я слабый прозаик. Сам знаю, что слабый, поскольку почти везде пишу от первого лица, но он в том же самом уличен. Помнишь статью Бубновой?

Мне продолжал усиливать критическую волну: «Он погнался не только за дешевизной, но и за выгодой. Настроичив статейку против меня и вступившись за либералку Второву, пытается показать, что лояльно относится к русофобии... Вообще-то, по отношению к Кэтерине на его кислом клоуновском лице или черепе бедного Йюрика возникло выражение, что ему все надоело. И, правда, со статьями об этой Кэт получился явный перебор».

Теперь и Вячеслав согласился: «Действительно, о молодых авторах слишком много пишут. Целые пиар-компании совершенно не по заслугам и не по делу устраивают»...

Метрах в трехстах от нас, за домами-пятиэтажками находится здание бывшего кинотеатра «Орбита», а возле скамейки, на которой сидели, валялся оконный переплет или перекрестье рамы. Он был похож на мачту, и я представил, как из окна третьего этажа выплывает или продирается корабль и затем выходит на «Орбиту».

Всё! Раздались крики, и чуть ли не в полдень резко стартовали шизодействие, грандиозный переполох в спальном микрорайоне, хотя в это время и в этом месте малоллюдно и тихо. Начался крикливый диалог балконов. На один из них выбрел парень в «красно-белых квадратиками» хорватских трусах и заорал соседу:

– Марко Балотелли находится на бюллетени... Дизель, иди ко мне, у меня «Балтика» есть... Вливайся!

У меня в связи с тем, что в Петербурге проводились матчи ЧМ по футболу, тоже возникли некоторые образы:

– Вячеслав, помнишь стихотворение Михаила Дудина «Снегири» про Можайск и Воронью гору?

– Конечно. Прекрасное стихотворение.

– Хм, так вот я опошил его. У меня снегири из-за футбольного чемпионата мира – это снигерийцы – чернокожие футболиеры и их болельщики из Нигерии, бесснежной африканской страны.

– Ну да, опошил неплохо. Можно сказать, талантливо.

Я не стал извинительно улыбаться, а, хмураясь, продолжил мысль: «Я-то что, а вот как сам Миша Дудин-сын Занудин опорочил, облажал свое творчество, когда подписал письмо интеллигенции «Раздавить красную гадину», то есть призывал расстрелять Белый дом вместе с его защитниками. Эх, сколько у нас во все времена было начальствующих национал-предателей, патриотов-изменщиков!».

Что ж, вроде бы стихийная логика разговора тем не менее меня вполне закономерно вывела на цель, которую преследовал я, явившись на встречу с Вячеславом в довольно спокойный микрорайон на улице Голикова. Неподалеку находится медицинский диагностический центр и травматический пункт, куда могли бы стремглав доставить, если бы что-то кардинальное случилось с моей головой. А как будто не случилось? В такое время и с такими правителями живем. Сплошная неволя, а еще пишу о птицах свободного полета, например о том, что находясь в Можайском, хотели с Вороньей горы в виде белокрылых чаек махнуть в Питер. Но если взмыли бы над холмами и озерами, то уговорил бы Славу слетать в недалекий Ломоносов-Рамбов к памятнику нашему общему знакомому Николаю Шадрунову, где он изображен сидящим в шинели и очках на скамье рядом с огромной «красной вороной»-попугаем. Попка-дурак! Красный попка любил повторять за коммунистами лозунги в честь партии и ее вождей, и эта совдеповская традиция, увы, сохранилась, теперь другие пропагандистские попки восхваляют

«Единую Россию» и ее лидеров Путина и Медведева. Поэтому-то народ и не поднимает голос против этой летней словесной пурги, молчит и не ходит, дурак, на митинги, которые, правда, в Петербурге запретили проводить до завершения ЧМО по футболу. Недавно попросил Александра Медведева нарисовать фирменный плакат, с которым я стал бы посещать протестные акции, Саша думает. И хотя у меня из-за этого имеется отмазка, чтобы не являться на митинги, я непременно поползу, полечу на первый же из них!..

Я достал из коричневого полиэтиленового мешка листок офисной бумаги. Через полминуты Вячеслав начал читать текст «**Новая русофобия**»: «После того как власть объявила об намерениях повысить пенсионный возраст (ППВ), то есть совершить покушение на святое – на пенсии россиян, страна разделилась на два лагеря: «за» и «против», «запутинцы» и «противопутинцы». Но лучше: «народники» (кто против повышения) и «антинародники». Своеобразие момента состоит в том, что так называемая «еврейская духовная элита», демошиза и прочая либерастия выступили в поддержку русского народа и в союзе с «генетическим отребьем», быдлом и ватой, быстро став «народниками», протестуют против путинского реформизма.

Получается, что пресловутые евреи, демошиза – с нами! Ура!

С другой стороны, почти все русские чиновники из окружения Путина, из правительства, из министерств и ведомств, из армии и МВД, из «Единой России», согласившись с ПВ, выступили против своего народа и образовали не такую уж большую антинародную, но поддержанную силовиками-генералами массу, став «антинародниками». Недавно созданный Народный Фонт тоже оказался анти... т.е. антиком-бантиком.

Выходит, что против русского народа (за его крайнее обнищание, закабаление, геноцид) выступают не евреи-жиды, а высокопоставленные продажные русские люди. Мы должны на такую группу людей обратить особо пристальное внимание. Это и есть Новая Пятая колонна, Новые враги народа. Теперь у врагов народа другое лицо – русское. Борясь против таких русских, я автоматически выпадаю из-под определений «фашист» и «патриот» и становлюсь «евреем», русофобом, либералом, «деможидом», «майданщиком»?

Ведь какой я нахрен патриот в путинском понимании, если желаю полнейшего вывода российских солдат и прекращения наших огромных денежных трат в Сирии и Донбассе? Но нафиг мне такой патриотизм, из-за которого происходит резкое обнищание моего народа, его закабаление, геноцид?

Да, такой новый расклад, когда министр-государственник становится предателем Родины и народа, а вчерашний демошизик – патриотом и народником, поскольку выступает против ППВ.

Теперь я не стану утверждать, что во всех бедах и нищете русского народа и России виноваты жиды, а говорю, что виноваты русские своими скупостью и трусостью, расчелливым, даже ненавистным отношением друг к другу, к братьям своим бедным.

Будем орать не «бей жидов», а «бей русских». Действительно, русских, видимо, еще мало били. Пора русским чиновникам обратиться не жопами, а лицами к стране, к людям. Благодаря пассивности национальной номенклатуры масоны провели ВОР 1917 года, переворот 90-х годов и т. п. Хорошо, что хоть теперь все маски сорваны, и мы увидели кто есть кто. Получается, что русские начальнички хорошо воруют и гнобят, а евреев держат за козлов отпущения и козлов повышения. Конечно, надо не забывать про их специфическую активность и про то, что они тоже никогда не забывают про себя, придя к власти. Но хотя бы на этом этапе, периоде борьбы с ППВ надо объединиться! Я не знаю, насколько жизнеспособно такое содружество, сколько может (месяц, полгода?) просуществовать подобный союз, но от попытки заединения нельзя отказываться ни в коем случае, ни при каких невероятных раскладах и суровых доводах.

Повторяю, что если введут в силу проект ППВ в такой редакции, которую СМИ озвучивают сейчас, то заявлю, что русская чиновничье-министерская номенклатура, то есть русский начальственный состав в верхах, в армии, полиции нагло предал свой народ и страну!..».

Вячеслав завершал чтение текста, а я, увидев на доске скамейки надпись «наси», вспомнил что на мемориальной дощечке, приделанной к стене одного из питерских театров значилось, что там часто выступал НАСПА – Народный Артист СССР Рыдалов Антон. Как упоминалось, неподалеку находится здание бывшего кинотеатра «Орбита». Если бы при мне имелась подушечка «Орбит», я мог бы пожевать одну из них, после чего стал бы обсуждать предложенный Вячеславу для читки текст – не так воняло бы изо рта. Впрочем, русофобскую, антирусскую вонь навели по всей России и Петербургу вовсе не подобные мне, а Путин с Медведевым.

Вячеслав дочитывал. Подошло время мне достать авторучку из кармана и предложить Овсянникову подписать эту бумагу. Но авторучка куда-то исчезла, а позднее улетучилась и сама идея перегонки данного текста в формат письма-послания или петиции.

От редакции.

(на этом передача неожиданно прервалась)

СОБРАНИЕ ТРАКТРИСТОВ (стихи)

Позднемайские песни

За конторой кривится забор, как улыбка.
Тут какой-то натужный, смурной оптимизм,
Но всё будет, как раньше, расшатано, зыбко,
Хоть ты здесь обгрустись, обмолись, обтомись.

Несмотря на бесхозность, которая бесит,
Хорохорится клуб, что хороший в нем хор.
Губки радиорубки раздулись от песен,
Смысл которых взбодрить полусонный простор.

Ближе к устью река, словно горн пионерский,
Чей мунштук в пене майских цветущих кустов.
Только плохо дудит, звук то чистый, то мерзкий,
И на клич «Будь готов!»

мямлит шкет: «...не готов».

За мостом - гопота, но пьянчужки не готы,
Чтоб пивточку свалить, надругаться над ней.
На заборчике сушатся древние боты,
Что при Сталине Люське примерил Матвей.

Я живу здесь давно, я не то чтоб залетный,
Знаю как одолеть, урезонить тоску.
У меня график жизни достаточно плотный,
Только я в хозделах не чета мужику.

А ему, мужику, и не надобно песен,
А его, Человека большого труда,
Вдохновляж непрестанный корежит и бесит,
Потому что он в Деле везде и всегда.

На тормозах

Здесь, где боли за поля
И за фабрики острее,
Люди бают, что земля
Закрутилась побыстрее.

Ивы в дремлющей воде
Отражаются кудряво.
Водокачка близ ж-д*
Не качает больше право.

В топке поезда дрова
Не трещат - отдиктовали
Нормы, гости и права
Для хороших и для швали.

Мчит зеленый тепловоз
Близ лесов и синих речек.
Шкет вчера дурное нес
Про хохлушек и узбечек.

Пересказывал, сопя,
Что железная дорога
Пропускает чрез себя
Поездов-клиентов много.

А хохлушки врут про то
С музыкально-нервным смехом,
Что донбасская АТО
Завершится их успехом.

Закулиса мира лжёт
О Москве и нашем крае.
Товарняк едва идет,
Вслед ему собака лает.

*ж-д - железная дорога

Флажки-петушки

Демократки-отпускницы в низости
Обвинили запросто меня,
Будто состоял с церквушкой в близости,
Так как рядом с ней прошелся я.

А за мною брел с длиннющей лестницей
И с завскладом столяр Лопушков,
Чтоб над каждой избой-прелестницей
Вместо блеклых ленинских флажков
Водрузить пунцовых петушков.

Петушки те сладкие, большущие,
Чтобы их на праздник полизать.
То ж по лестницам - проблемы сущие -
Надо будет людям полезать.

Можно и брошюры Конституции
В три стопы сложить, залезть и речь
Здесь толкнуть к 100-летью Революции,
Чтоб себя хоть в малость поразвлечь.

Если не понравится, то палками
Закидают с улицы меня.
Убегу. Дождусь дружков за свалками,
Выпью и вернусь, врагов кляня.

Ведь орали: сваливай, иль сваю
Морду разобьем, скулу свернем.
Повод есть, чтоб встретиться и с Галею,
И с другим жалеючим бабьем.

Всякие вопросы

Эх, возьмите, граждане-матросы,
На красивенький корабль меня.
Обещаю сразу, что вопросы
Глупые не буду ставить я.

Пригласите, братцы, на кораблик
Под названьем «Троцкий» ли, «Карл Маркс».
Буду безвопросным, словно зяблик,
Иль безпапиросным - к бунту масс.

Глупыми вопросами какие
Называть? Никак не разберусь.
Это те, что про Донецк и Киев,
Про Москву и вообще про Русь?

Гражданам в тельняшках - по колено
Суть вопроса и его формат.
Их интересует больше Лена
И ее округлая корма.

Ожерелье края - озерелье,
Несколько озер, что хороши
Красотой, водой, напевной трелью
Для простой, а не морской души.

А морская просит океана,
Ей другие емкости не в счет,
Растакая с третьего стакана
Вспомнит флот и к Сирии поход.

Перевоплощенью в полевую
Я своей улыбкой помогу,
Пусть полюбит реченьку кривую
С рощею берез на берегу.

Не нужны ни граждане-матросы,
Ни причал, ни жизнь на корабле,
Ежели нет спроса на вопросы
О России, людях и земле.

Надоедливый

За реку на ближайший зеленый погост
Не скажу что уж очень ходить полюбилось.
Смерть в гигантский и во впечатляющий рост
Там встает, предъявляя и правду, и лживость.

Там и жизнь проявляется... то ли дебил,
То ли житель глубинки, селянин речистый,
Тоже с ростом немалым ходил меж могил
И ко мне лез с расспросами, важный, плечистый.

Там стоит саркофаг, по нему шаркал флаг
С бело-синию тканью футбольного клуба
Под названьем «Зенит», то один из бродяг
Вколотил древко в щель каменюгою грубо.

Я подумал, что может, близ склепа в ночи
Собираются разных течений фанаты,
Что вожак их о бунте крестьянском кричит,
А помощник считает винтовки, гранаты...

А вдовец лез с расспросами. Взвыл я с тоски.
А стоящие там надмогильные плиты
Мне напомнили плиты промерзшей трески,
Пребольшие брикеты, чтоб все были сыты.

Коль распалась б плита, взял б одну из трещин
Я за хвост и по морде бы этому дядьке,
Не смотря на его, может, «привранный» чин,
Не смотря на его две кругляшки-наградки.

Я архангельский, я в детстве трескал треску.
Мне сейчас бы схватить, я чувствительно б треснул
По башке важняку, не вгонял чтоб в тоску,
Чтобы стало расспрашивать неинтересно.

Пусть уж лучше стоит где-нибудь в стороне,
Гладит крест или черную ленту теребит,
Не мешая бродить меж могилками мне,
Годы жизнью считать да «сводить дебет-кредит».

На турнике

Солнце поднялось, как физкультурник,
На высоком сельском турнике.
Подошло бы мне прозвание «турник»:
Сам турну ль, меня турнут в тоске.

А еще «культурник» - от «культуры»,
Я как проязыческий поэт,
Коль вскричу, что бабы - стервы, дуры,
Скажут, что во мне культуры нет.

Под классическое бабье «сволочь»
Попадаю запросто у них.
Малость загулял. Уже за полночь.
Солнцу надо скоро на турник.

Есть еще спортивные снаряды.
А вон та красотка - спортснаряд,
Только я уже не тот - на взгляды, -
Что меня красотки не хотят.

Сызнова испытываю трепет
От грудей высоких и ланит.
Надо ж, и за жалкий «детский» лепет
Должен я не жалко заплатить.

Барышня из женского актива
Важно провоцирует меня
Тезисом «Ухаживай красиво»,
И просаживаю деньги я.

Редко подпускают к «спортснаряду».
Ясно всем что это за турник.
Подразнил купюрой, чтоб усладу
С мукой вместе получить от них.

Стар я для халявщика, альфонса.
Хоть язычник, выбыл из кутил.
Вот турник. На нем крутил я «солнце»
И тогда ж всю любовь крутил.

Кабак на въезде

Закончив сельский университет,
У нив страны я научился главному,
Что должен быть как полевой поэт
Привержен своему народу славному.

Но это обязаловка, считай,
Условье основное, непреложное...
Официанту-лирику на чай
Даст ль власть
 за мнение противоположное?

Она протянет тысячу рублей,
А после грудь и бедром потянется.
Но заяви, что ты - поэт полей,
Что в лживой жизни чистым быть пытаешься.

В зеленой яркой ткани весь кабак,
Её бы на салатки порезали.
- На хитрые вопросы Власти как
Ответить представителю поэзии?

- Ты о своей работе поспеши,
Официант, поведать этой Женщине,
Мол, выдали блокнот, карандаши,
Чтобы записывать стихи о сельщине.

А после прочитаешь их с листа
На весь кабак под злость и ликование.
- А стол накрыть? - Нет, нет, это не та,
Работа, где услужливость - призвание.

Манишка с «бабочкой» летят на пол,
Отпихиваю их администратору.
Глотнув пивка, уматываю в дол
В одну команду к трактору-оратору.

Собрание трактористов

Для собравшихся в травах гармонь говорила
По одной из российских ответственных тем.
Отвернул Афанасий Метелицын рыло
От своих же товарищей, общих проблем.

Каждый с банкой пивка - говорят про работу,
Про поля и село, про начальство, актив.
- Не дремли, гармонист, выдай лучшую ноту,
Пусть раскрасит беседу душевный мотив.

Из мехов, что растянуты парнем в костюме,
Не посыпался наземь советский песок.
Не был слышен в торжественно-песенном шуме
Неприятный, враждебный афонин басок.

В пляс пошли б мужики, но какие-то гири к
низу тянут, где травы, зола, лопухи.
Пусть уж лучше доставленный седенький лирик
(То есть я) почитает про девок стихи.

Хорошо поднапились и стар кто, и молод.
Накачалась и витькина девонька всласть...
Пододвинув спокойно головушку-молот
Ближе к локтю-серпу, спит Советская власть.

На веслах

Догоняя дохлый катер «Каин»,
Гребанул ли, гербанул веслом,
Так что герб при этом возникает
На воде, сравнимый мной с орлом.

Двухголовых в реченьке топлю я.
Хорошо ж крылатые на дно
Погружаются от рук вахлюя,
Впрочем, мнимым птицам все равно.

Вспоминал, передвигаясь в лодке,
Как вчера смешал вино-вину.
А в моей сухой с похмелья глотке
Ком ли, кол обиды за страну.

За струну, которая щемяще
Здесь звучала, вновь задел веслом!
Значит, в октябре сыграю в ящик,
Если не успел сыграть весной.

Но уже сыграл. А тир ль, треть тира
Пропил из патронов-стаканов
Мой сосед, который - не третируй -
Ходит, обеднев, не без штанов.

А вот я уложен в лодку-ящик.
Нет, нет, нет, сижу!.. весло плывет,
Будто хвост теряет лодка - ящер,
Чтоб оно пошло в разнос, в расход.

Начало вертеться и крутиться,
Будто бы змеюга на плите.
А еще возьмет, взлетит, как птица,
Чтоб всех отхерачить в высоте.

Много их, которым надо въехать!
Взять гигантский Питер, где в пылу
Можно порезвиться не для смеха
Этому веселому веслу.

На труфановском кладбище

Родные наши папа, мама,
Я весь в печали, хоть завой!
Живой!.. Как вам лежится «тама»,
Под памятниками, под землей?

Простите это простословье,
Ведь деревенский путь избрал.
Залит до темя сельской кровью,
И в тему - вышел не из бар.

Не из князей - по родословной,
Не от шутов и не от дур...
Надгробья, памятники, словно
Десятки мраморных купюр.

Их тянут вверх, будто в оплату
За вход, за впуск на небеса.
Сняв пиджачок и взяв лопату,
Траву большую искромсал.

Отнес на ближнюю помойку,
Достал бутылку, выпил в грусть.
Пока что, папа, мама, стойко
Держусь в своей борьбе за Русь.

Вблизи погоста, там, где ива
Да сосны, есть «Шиномонтаж».
Коль поведу себя трусливо,
В «Сыномонтаж» отправлюсь аж.

Я - Меньшиков, но с большевистской
Партийной книжкой в кобуре.
Известно, что была вам близкой
Теория о соцдобре.

Делами, памятью отвечу
На ваши светлые дела!
От боли содрогнулись плечи,
Слеза горяче потекла.

Невероятна грусть у грунта
Кладбищенских щемящих мест.
Не надо б здесь вообще о бунте,
Про нацизмену и нацместь?

На большой реке

Я стоял на крыльце возле черной двери
И курил, и сопел, всебольной, невезучий.
Над колодцем-спиртовкою пламя зари
Греет долго пробирку растянутой тучи.

Ах, она, разогретая, грохнет сейчас
И от неба (от бога, от патре) до низа,
Зашипев, разольет по стране нашей квас
Высочайшего, скажем так, патриотизма.

Этот квас, брызжа в очи, позволит светлей
Мужичонке, что любит шальные куплеты,
Посмотреть на завод, на просторы полей
И на (как, твою мать) муниципалитеты?

Над колодцем-спиртовкой ничто не горит,
А горит под водой да под судном-пробиркой,
На котором гуляет главлит и плавлит,
Что всегда на плаву с охранительной биркой.

Ах, писательский белый, квасной теплоход,
На котором прозаики-лирики квасят,
Под условным названьем «Квасной патриот»
Ты плыви и плыви, но без кренделей вальса.

В узком русле реки, теплоход, не кружи
Стометровой пробиркой с заревым нагревом...
Счастлив я, потому что почти всю-то жизнь
Был носителем русских народных напевов.

Разгон

Гнал в конец села велосипед,
За моей спиной сидела Пышка.
Отвозили денежки в комбед
На крупу, пиво и табачишко.

Спицы покореженных колес -
Палочки безумных дирижеров.
Был октябрь. А я, как ветер, нёс
Вьюгу ли, пургу размолвок, споров.

Сделала легко предьяву мне
Пышка потому, что я - язычник.
Дура, понаслышалась вполне
Об идеях наших нетипичных.

Завоняло водкой от реки,
Заглотившей грузовик спиртного.
Разве от Христа мы отреклись?
Мы вообще не верили в такого!

Крупная, ну что, давай, давай,
Сделаем, что делают веками,
А потом станцуем «каравай»
В рощице с медведем и волками.

Близ дороги наклонился крест,
Как на сборе клюквы ли, брусники.
Я из этих русских темных мест,
Я из ладожской звериной клики.

Неоязычник

Вспоминаю я нередко
То ли правду, то ли быль,
Как в лесистую запретку
Черный пропуск раздобыл.

Выдали в ментовском Доме
Под названием Большой,
И поехал в пьяной дрёме
Я за Выборг в мир лесной.

Было мне всего 17,
Но уже тогда бухал.
Не скинхедом и не «наци»
Прибыл на фашистский бал.

Глаз мой - банка гуталина,
Чтобы щеткою ресниц
Нужный блеск придать картине
Под названием «Русский блиц»

Или очернить предельно
Забеленный интерстрой...
Прибыл я, короче, в ельник,
В экспедицию, в «отстой».

Там была запой-бригада,
Тунеядцы, блатата,
Все отребье Ленинграда,
Вся святая простота.

По болотам мы кружили,
Танцевали с топором,
Водку пили, рвали жилы,
Драли девку впятером.

Жбан играл на «пилонино»:
(пианино+пила).
Не подумайте, что мимо
Юность - Молодость пришла.

Я по жизни не отличник.
Поле, рощи - мне как раз.
Вот оттуда как язычник
Вынес я свой «Зверояз»*

*Звероязычество
(читайте мои книги нулевых годов)

Зверуня

Мой Верик, Зверик, просто Зверь,
Зачем встаешь, включаешь светик
И открываешь громко дверь,
Бредя на кухню ль, в туалетик.

В ночном хождении не сбей
Учебник «ангелбры», словарик,
А то из гипса воробей,
Когда швырну, на ведра свалит.

Сам Зверь, язычник-нелегал,
Имею к русским тайнам тягу.
Придя, грудями налегай,
Или на них я сладко лягу.

Когда любовный механизм
Устанет, скажут добродее:
Не делай перепиха из
Старозаветной нацидеи.

Владимир Меньшиков

ПРЕВРАТНОСТИ И ПРЕВРАЩЕНИЯ

Вячеслав Овсянников слишком сложный писатель, неординарная и многогранная литературная личность, чтобы о нем можно было говорить просто. Но поскольку я уже подписался на то, что поведаю о его творчестве, и, как говорилось раньше, аванс от издательства израсходован, отступить некуда, – просто иду на приступ, на взятие цели. Увы, в данном случае, почти сразу после прочтения ряда рассказов, открывается и второе значение слова «приступ» – обострение или острая фаза болезни. Да, при знакомстве с прозой Вячеслава может создаться навязчивое предположение, что автор занимается сочинительством в болезненном состоянии, будучи не совсем в адеквате. Прочтите и оцените, к примеру, такой отрывок: «Поднимешься в пустой город. Будут речи, но они не верны. Внезапно придет человек в алых штанах. Меняются города, но не меняют колодец. Просвечивают рыбы... Матушка, за что они мучают меня, льют мне на голову холодную воду? Спаси своего бедного сына!.. Купил батон, горячий, только что испеченный – из рук девушки. Вечер. Мне 49».

После чтения может ведь запросто возникнуть вопрос, а в здравом ли состоянии ума слагался такой отрывок и десятки ему подобных? А вот и следующий, не лишенный логики вопрос: «Если Вячеслав сочиняет в критическом состоянии, то как и с какой степенью достоверности и ответственности трактовать его произведения?». В голову к писателю не залезть, а если залезешь, то и свои мозги можно повредить основательно. Таким образом, формулируется и первый вывод: читать Овсянникова можно, но осторожно. Однако неосторожность, неуважение к здравому смыслу, пренебрежение к своему состоянию проявляет в первую очередь сам автор, когда делает весьма беспечное заявление, что его кумирами с малых лет являются гениальные писатели с признаками сумасшествия, какими были Гоголь, Достоевский, Платонов и др.

Нет, к доньне здравствующему (дай, бог, ему еще многих лет жизни) Вячеславу Овсянникову мы отнесемся не так прямолинейно и буквально, а лояльно, его рассказы и повести не станем называть «записками сумасшедшего», а подберем более умеренные определения и эпитеты. Ограничимся примерно такими характеристиками: «чертовщина какая-то» или «написано с сумасшедшинкой», хотя в мозговых запасниках будем держать более строгие определения, но ни в коем случае не ярлыки или провокационные реплики. Да и вообще у Вячеслава все нормально с чувством реальности, он сам задает траектории своим невероятным улетам, краски стущает в меру, придерживается принципа «писать не левее сердца», к читателям при всей своей тяге к чернушности и гоголевским «штучкам-дрючкам» относится бережно и ждет от них – книголюбцев – доброго отношения к себе и заинтересованности...

Вячеслав проживает с первого взгляда типичную и понятную его сверстникам жизнь, закончил «Макаровку», ходил по морям - по волнам, потом как офицер служил в ленинградском милицейском охранном полку.

Попутно, в не очень-то совместимых с творчеством условиях писал стихи. Однажды по совету своего литературного наставника Сосноры из поэзии, как по скользкому морскому трапу, перешел в более серьезную жанровую категорию, где сразу попытались прилепить пожизненную и не очень-то этичную этикетку для его произведений – «проза поэта»...

Совершенно верно, из поэзии он никуда не ушел и продолжает носить, причем совершенно не заносчиво, звание Настоящего поэта. О том, что у Вячеслава прекрасный поэтический вкус и настоящее писательское чутье, говорит такое предположение, что он целенаправленно сгруппировал смысловой материал и сюжет повести «Загинайло» вокруг всего-навсего одного четверостишия, но какого, песенно-известного, всеохватного-народного:

Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка,

Не мешай мне, добру молодцу, думу думать...

Поскольку эти знаменитые напевные слова использованы в чисто петербургской повести «Загинайло», появляясь далеко не в начале повествования в качестве своеобразного эпиграфа или лейтмотива, то надо полагать, что автор предлагает «не шуметь» не какой-то абстрактной дубравушке, а всему малозеленому, многолюдному летнему и душливому Ленинграду-Петербургу. Но разве город с его неугомонным автопотоком умолкнет, чтобы дать спокойно и несуетливо подумать о своих судьбах добрым молодцам из беспокойной милиции-полиции? Милиционеры, которые вообще-то должны биться за спокойную жизнь, сами горазды поорать, скабрезно пошутить, посотрясать воздух, о чем и повествует автор повести «Загинайло», описывая ментовские построения, политзанятия или непосредственно столкновения с преступниками. Только что прозаик не употребляет ненормативную лексику. В этом резонансном произведении слышится многосмысловая перекличка питерских ментов с гоголевскими казаками из «Тараса Бульбы». Но если у казаков – вольница, то у милиционеров – больше подневолица с элементами произвола и беспредела как на службе, так и в быту, например, хулиганское поведение в своем же пьяном-перепьяном ведомственном общежитии.

Ментовская действительность – это и слезная грусть, это мат и безграничный зажигательный юмор, в показе которого Овсянников превзошел, возможно, самого Гоголя. Повесть, особенно ее начало, читаешь с безудержным смехом, замечая, как шутки искрятся по всей поверхности страницы, и как по всему листу вприпрыжку бежит дьявольский огонек. И всё – страница «сгорела». Понятно, что такая метафора напрямую связана со знаменитым высказыванием «Рукописи не горят». Нет, они горят, как еще полыхают (конечно, образно), когда по ним пробегает огонь подлинного искусства, а вот если во время написания произведения такое Мефистофельское пламя не занимается, тогда автор эти рукописи сам сжигает, как в случае с Гоголем, когда он испепелил вторую книгу «Мертвых душ». Такие же чувства авторских радости и разочарования овладевают и нашим равнодушным, огненным Овсянниковым, в чем он неоднократно признавался.

О шепотных и крикливых милиционерах Вячеслав в книге говорит следующее: «На каждое слово у них – сто. Ораторы! Робеспьеры!». Думается, что в определение «Робеспьеры» в данном случае автор вложил нечто большее, чем улавливаешь при первом прочтении.

Да, Овсянников умеет показать людские массы, народ, выходцев из русской глубинки, но не пишет большие эпохальные романы, ссылаясь на то, что не любит растянутые сюжеты, публицистичность, описательщину. Тогда почему бы ему не любить «водянистость», если у него морская профессия, если он - товарищ моря?

Нет, морской темой не пренебрегает, а она у него органично втекает или впадает в программную повесть «Загинайло», где речь вроде бы полностью идет о сухопутных ментах. Образ моря, и Балтийского, и Баренцева, буквально вливается или штормяще врывается в содержание продолжительного произведения, в котором автор нам рассказывает о действиях Романа Загинайло, ушедшего в отставку с кораблей и появившегося внезапно в рядах питерских мвдэшников-охранников, чтобы отомстить за своего брата Петра, погибшего при защите социалистической собственности. По приезду в Ленинград-Петербург Роман сразу же встречает своего давнего сослуживца, авторитетного водолаза Абдураимова. Водолаз – это спасатель, и как ни странно звучит, он, образно говоря, спасает повесть. Она ведь про землю, про наземных ментов, а про них Овсянников написал много талантливых смешных и трагичных рассказов, образовавших обширный цикл «Человекопад». То есть без водной темы и соответствующих атрибутики и горизонтов (начиная от эпизода с аквариумом, в котором выносили отравленных рыбок до шири Финского залива) повесть «Загинайло» оказалась бы повторением пройденного.

Но Овсянников не захотел идти по проторенным тропкам, по раннее увиденным следам, если даже они свои или оставлены на воде. Тема «моря» явно освежила тему «суши». Но и дала возможность критикам за что-то в ней зацепиться (а еще говорят, что вода усиливает проскальзывание), вот они, в том числе и я, продолжили писать о погружениях и всплытиях, про поверхность и дно. В принципе о них поговорить стоило непременно, ведь по ходу погружения Романа Загинайло в питерскую действительность «всплывают» факты преступлений, призраки и реальные фигуры убийц, так же – у великолепного Овсянникова подача идет на контрасте, на полюсах – зафонтанировал «искрометный юмор», всплыла масса точных и живых, а не мертвых, как рыбки в аквариуме, зрительных образов («Машинистка-сержант, могучего телосложения, громоздись на высоком табурете, как орлица на скале, закрыв веки, автоматически, вслепую стучала по лягающим клавишам», «Майор поставил аквариум на свой широкий, как пристань, двухтумбовый стол»). Там же – со дна ментовских стандартных стаканов, наполненных водкой, всплывает и производится, как из орудья подводной лодки, тост «За Россию! За русский народ!».

Теперь о погружениях. Умно и уместно критик Александр Медведев отметил, что Загинайло Петр – камень, но брат Роман не Петр-2, и вышла бы банальная, повторная и холостая отрывка, если бы он, дублируя судьбу

старшего брата, ушел, канул на дно... Поэтому хочется надеяться, ведь финал повести остается открытым, что Роман выжил, да и хибарка на водолазном плотике должна, наверное, выполнить спасательную, а не погибельную функцию. К тому же эта хижинка дяди Раши-Рашида, поскольку не является земной и как-то неправдоподобно далеко, чуть ли не на милю удалена от берега, дает не очень большой шанс, но повод говорить о ней как о ночной космической станции, а ментов Загинайло и Скребова, снаряженных в скафандры с тянущимися за ними шлангами, считать условно космонавтами... Просто на все эти действия, очень похожие на фантастические, надо посмотреть глазами самого Овсянникова (не забывая и про оккультный третий глаз). Полагаю, что точка или угол зрения на возможность перевода водной станции в разряд космических у Вячеслава совпадает с моей, так как автор, конечно же, работал не только на Глубину, но и на Высоту своих провиденческих замыслов.

Вообще-то при чтении этой книги про ментов я не чувствовал себя зажатым, «зарешеченным», «аквариумным», а ощущал свободу единомыслия, соавторства и поэтому позволял себе много придумок-вольностей. Например, прочтя на первой странице повести эпизод с аквариумом, в котором находились дохлые рыбки, я подумал, что поблизости даже с такими рыбками должна находиться кошка, и я принялся ее искать в тексте, но не обнаружил. Кошки и женщины, как уверяют некоторые знатоки, идентичны, поэтому далее я стал искать в книге женщину (шерше ля фам), а обнаружил полковничье-командирскую дочку – проститутку Фря!.. Все зря?! Получилось, что обнаружил в произведении только дно и низость жизни. Вот и захотелось Высоты, вот я иллюзорно и превратил водную станцию в космическую...

Но настоящую Высоту, однозначно Космическую, которую можно назвать не только надводной, но и надземной, я обнаружил не в повести Вячеслава Овсянникова, а в его миниатюре «Волна»! (Рекомендую прочитать в «Русском журнале» № 11 за 2018 год). Рассмотрим отрывок:

«Жду. Каждые 50 лет после арктического шторма рождается сверхмощная волна высотой 50 футов и эта титаническая 50-футовая громада докатывается до Австралии. И мастер бега по волнам ее там ловит, чтобы оседлать и лететь. Это сёрфинг. На летучей досочке нестись в мировом просторе. Волна рождается в сердце Вселенной.

Услышь ее приближение, лови момент и лети, сросишься с ней, на ее вершине. Сейчас ты бог бега! Бог полета! Меня поймет только тот, кто видел хоть раз этот десятиэтажный водяной небоскреб, замерший перед крушением. Туманно-синяя, мерцающая громада, где из окон всех этажей глядят жуткие морды морских чудовищ, обитателей древнего, доисторического океана. Я слышу за месяц, как она рождается в реве шторма у ледовых берегов Гренландии и идет сюда через три океана, грандиозная, покачивая бедрами, идет ко мне на свидание, единственная в моей жизни, услышав в моем зове родной голос. Весь этот месяц я сам не свой, дела не дела, сон не сон, все из рук валится, томлюсь в смраде города, в ляжке семьи, работ-хлопот, тошно от двуногих сборищ, личин, слов. Бегу на пустынный морской берег, жду, всматриваясь в горизонт. Вот она уже там, растет, растет, ближе, ближе... «Не упусти свой шанс, парень!» – говорю я себе. Я могу жить только так. Засыпаю

и тут же просыпаюсь. Волна туманно стоит за моим окном и смотрит на меня, лежащего навзничь на кровати. Вот она уже у моего изголовья и смотрит мне в лицо, сверху вниз. Этот высокомерный, полный презрения и дразнящего вызова титанический взгляд. Я не отвожу глаз, я выдерживаю поединок. Опять погружаюсь в сон... Крутятся вихри пузырей, качается опрокинутая кверху килем шляпка... «Я плачу, я стражду» поет Шалапин, ретро-голос, граммзапись, старая, старая, как древние боги Земли. Крутится где-то за стеной пластинка-планета на заезженном граммофоне. «Уймитесь, волнения страсти»...

Этот отрывок является лишь пятой частью миниатюры. При дальнейшем чтении мы, увидевшие окошечки нависшего небоскреба-волны, в которых появляются головы древнейших чудовищ, встретимся и с довольно хаотичным, но все же выстроенным рядом исторических личностей и деятелей: Гераклит, Офелия, Ярослав и Святополк, Ленин... Не думаю, чтобы Вячеслав стал возражать, если бы я включил в такой ряд Велеса, и Гоголя, кого-то другого... Беря во внимание, что по ходу исследования волны называются самые разные материк, страны и города, то можно заявлять, что такая Волна олицетворяет всю мировую историю во всей ее полноте. А как блестяще написана миниатюра! Здесь в полном масштабе, как на портрете во всю высоту и ширину, раскрывается бесподобный талант Овсянникова.

Но Овсянникову мало быть бесподобным, он бьется за гениальность и ведь достигает ее – в соседней миниатюре «Керосин». Прочтем ее окончание: «Ставлю свою емкость на доску-подставку, продавщица втыкает в горлышко воронку и, черпая латунным черпаком, наполняет банку. Шесть раз, шесть черпаков. И еще половинку. Я (мальчонка) протягиваю плату, рубль с чем-то, без сдачи. Иду домой по зимней дороге, тащу тяжелую банку, перекладывая из руки в руку. Банка трется о штанину, больно бьет ребром по ноге, керосин поплываает из-под неплотно закрытой крышки мне на штанину. Я весь перегнулся на один бок. Тащить еще далеко, чуть не километр да еще в горку. Мать дома ждет топливо, без него обед не сварить. На керосинке готовим. Рука у меня замерзла, варежка рваная, не спасает от мороза, еле терплю, хоть плачь. Половину пуги прошел. Ой, как много еще осталось!». А теперь представьте, что какая-то слепая, случайная искра попадает сельскому парнишке (совсем не обязательно, что Славе) на облитую керосином штанину или прямо в банку! Ребенок воспламеняется, он, охваченный огнем, пробегает еще несколько метров, причем возникает впечатление, что это движется огневая высоченная волна...

Так устроен мир, вслед за водной волной идет огневая волна или наоборот. За смертью поспешает счастье, его нагоняет смертный вал, который захлестывает, подавляет предыдущий, ведь смерти неисчислимо больше на этой брэнной земле. Иногда волны спешат друг дружке навстречу, сталкиваются... Мир, бытие – борьба стихий, а мы – заложники этих могущественных тайных сил. Нас всех безжалостно швыряет от Высокого к Низкому и обратно, от Низкого к Высокому... И не убаюкивает. Вот собственно об этом и написаны те произведения Вячеслава Овсянникова, с содержанием которых я вас теперь познакомил.

Александр Медведев

ЖИТИИ СУДЬБЫ

**Записи по поводу творчества
Вячеслава Овсянникова**

**О книге Вячеслава Овсянникова
«В тени Водолея»**

НИТИ СУДЬБЫ

Сегодня, вместо обычного «Ваш выход...» – «Маэстро, выхода нет!»

Изобразил смятение: усилием воли продолжаю стоять. И никаких па – пауза. Припоминаю детали позы Шаляпина на портрете Серова: прямой, торс откинут назад, правая нога впереди в напрасном ожидании левой, намертво вбитой художником в пол. Певец поднял голову и замер, положив руку на сердце, взгляд сквозь зрителей.

Так и я в шаляпинской стати перед занавесом держался ровно столько, чтобы бестолковые осознали безвыходность ситуации. Но не более: иначе в прекрасном мгновении пронизательные распознают прообраз.

Не признали.

Я произвёл впечатление за счёт схваченного впечатления, – простите каламбур, костыль дежурного остроумия. Не опознанный, остался самим собой. Убедился: чувство меры найдёшь, испытывая потребность в безмерном.

Администратор взял меня под локоть. Его благородство (нахватался у нас, лицедеёв) – импровизация, чистый порыв... как же! – отрепетированный ход. Обязан следить за порядком, и следит. Пока кто-то из декораторов влезает на антресоли срезать нити, администратор подпирает меня, иначе паду пустой шинелью из рук пьяного гардеробщика.

Зачем сжимать моё предплечье, куда я денусь? Хотя, помню, подобная мизансцена кончилась трагически. Актёр потерял связь с верхами, не стал оседать, дожидаясь бутафоров, которые понесут его в мастерские, а рванулся к рампе. Запутавшись в срезанных нитях, утащил за собой администратора и суфлёра, схватившего его за ноги, повис над оркестровой ямой и удавился.

От судьбы не уйдёшь.

Её можно обмануть, но уйти невозможно – нити!

Тысячи раз я занимался хитроумной шагистикой: взад-вперёд, маятником взад-вперёд. Картинно связывал прошлое и будущее. Дают отмашку и кидаешься грядущее устраивать. Глядь, а с минувшим-то, как следует, не разобрался, давай туда какую-нибудь мелочь улаживать, не предусмотренную.

И кульминация: маятник остановился тик в тик в настоящем.

– Интересный момент, маэстро? – Администратор утомился в ожидании финала. – Современный театр – это драма характеров и развития, античный совсем не то. Там драма положений и ситуаций.

– Там судьба, – вяло согласился я.

– Именно. Грек чувствовал нелогичность, случайность момента...

С этими словами администратор повалился на меня, я едва его держал, пришлось снова стать Шаляпиным с упором на левую ногу.

Снизу закричали:

– Ариадна Петровна! Вы посмотрели бы, какие нити режете...

Записи по поводу творчества Вячеслава Овсянникова

11.05.2013

Язык дневниковых заметок, язык вахтенного журнала жизни.

Пробиваться к новому слову через «писчий спазм».

Вязаный свитер, цветной, и одна нитка то пропадёт, то сверкнёт, а согласишься – она-то и держит цвет свитера, она-то и главная в колорите. Да, много оттенков, но нет пестроты, определённая гамма. В гамме оставаться трудно, риск скуки, обыденность, шальная мысль начать писать абы как, что вижу, то пою. Нет, вижу *что*, а пою *для чего и как*. И это *что* превращается в *ничто*. Не о бы, не о быте текущем, а о каком-то необытии, о новом – мире, мыслях, чувствах.

13.05.2013

К Вяч. Овс.

«Музыкальная» форма позволяет максимально приблизиться к изображению невидимого и неуловимого.

Л. Б. Альберти писал: вся сила изобретательности, всё искусство и умение строить сосредоточены только в членении. В конечном счёте, речь всегда идёт о создании пространства художественного произведения.

17.05.2013

Вчера вечером гуляли с Вяч. Овс. по парку Александрино. Дал мне прочесть роман В. Сосноры «Башня», изд. 1993 г., СПб, показал несколько монотипий Сосноры. Говорили о языке в литературе. В связи с прозой В. О. я вспомнил музыку минимализма. М. Найман в фильме П. Гринуэя «Повар, вор, его жена и её любовник» сделал 11-минутную композицию на основе произведения Г. Пёрсела (The cold song). Эту вещь я затем слышал в исполнении Клауса Номи, потом в исполнении Стинга. Каждый добавлял нечто к тому, к чему, казалось, добавить нечего.

В. О. говорил о Сабанееве (книга о Скрябине) когда композитор открывал в беседах с ним тайны своих поисков звучания природы, мира... дать возможность прозвучать паузам. Это же, примерно, делает и В. О. – сочетание слов, их «длительность», место в предложении, ритмический рисунок фразы, контрапункт другой фразы либо созвучие – такие «музыкальные» особенности письма В. О. делают его текст ёмким и образным.

О паузах в музыке, письме, рисунке можно говорить, как о предметах и расстояниях между ними, то есть о пространстве, общей среде. «Пустоты» между изображениями становятся «предметными», становятся тем воздухом, который, собственно, и держит эти предметы.

В «Задонщине»: «Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвьеселим Рускую землю...» – вот литература: в составлении слов для веселия русского. Эти слова можно взять эпиграфом к тексту об Овсянникове.

23.05.2013

В. О. «Прогулки с Сосновой» – своеобразное эхо «Плеяды» (Ронсар), тема о создании языка поэта всегда актуальна.

29.05.2013

Первая заповедь денди по В. Сосноре, ничего не объясняй. Бессмысленно, ничего объяснить невозможно. У каждого своя правда, лелеемая им, всякое объяснение нарушит её, а жить в сомнении о своих правдах – разве это жизнь нормальная? Очевидные вещи даже объяснить невозможно, тут – вера, либо веришь, либо нет. Объясняй, не объясняй... один дурак задаст столько вопросов, что сто мудрецов не ответят.

Что ещё делать денди? Красоваться в кружевах потёртостей своих одежд. Денди понимает или чувствует, что новое – пошлость, приманка толпы, старое – обуза, щит стариков. Старое должно быть новым, новое – старым: временной характеристики нет, вот современность единственно достойная. Денди давали слугам разношивать новые сюртуки, надеть новое – пошло. Денди щеголяет в одеждах, разношенных порабощёнными классиками – философами, мудрецами, острословами и мизантропами.

Слова живут, меняются. Прелестный – лживый раньше, теперь – приятный. Важен контекст, интонации. Поэтому новое не значит изобретение нового слова, по-новому может звучать известное всем слово, если найти ему место и компанию.

08.06.2013

П. Филонов неистово вторгся внутрь формы, словно отыскивал ответ на последний и решительный вопрос с чего всё началось? Словно в клетках, атомах намеревался обнаружить пристанище души (какой же мелкой она должна была быть?). У Аристотеля душа – это облик тела.

Вчера начал писать об Вяч. Овсянникове, впечатления о книге «Человекопад», затронул тему краткого и выразительного письма, остановился на вопросе членения (Альберти) и чувстве меры («расчленение» – у Филонова). Прочёл у Лукача рассуждение Платона об искусстве египтян, неизменном сквозь тысячелетия.

Вчера ночью читал «Возвращение к морю» В. Сосноры, купил книгу лет двадцать назад и только недавно стал читать её внимательно. Невообразимая работа со словом: и филигрань, водяной знак, и кигайская бумажка, вся изрезанная непонятно как, только всё же её ажурное кружево складывается в рисунок. Он сплетает орнаменты из слов, слогов, и, как в изобразительных орнаментах, промежутки форм вдруг сами становятся формами. От слова к слову, от слога к слогу происходят такие же превращения, возникают новые значения, мысли, образы – будто помимо автора.

09.06.2013

К Вяч. Овс.

Характер горизонта, вероятно, определяет особенности возникновения фантастических картин. Мираж в пустыне. В Петербурге фантастическое проникает в реальность без всяких «вдруг», для «вдруг» здесь нет укромного уголка, ему негде схорониться, чтобы выскочить чёртом из табакерки, фантастическое вызревает на ровной линии горизонта, лишённой какой бы то ни было яркости, экспрессии.

О П. Филонове. Пестрота, часто не идущая дальше сетчатки глаза.

Сказать, значит, показать. Слово указывает на внутреннюю форму, которая и есть само слово. Слово служит для отвода глаз от себя к вещам.

19.06.2013

От видимого переходить к невидимому; внутреннее свечение. Уходит красота телесная, приходит красоты внутренняя. От видимого значения слова – к невидимому, к, возможно, утраченному смыслу, а может быть, и к новому смыслу.

21.06.2013

Вступление, истолкование, утверждение и заключение. Вступление, чем короче, тем лучше.

22.06.2013

«Загинайло» Вяч. Овс. – название с загадкой: речь идёт об одном брате или о двух? Мистически – об одном человеке, попробовавшем жить начисто, но неудачно. Два брата: Пётр – брошен камень в воду; Роман – пошли круги по воде, повествование, роман.

25.06.2013

Вчера написал текст о прозе Вяч. Овсянникова «Стёкла слов и камень в романе». В основном, о методе В. О., о точности прозы, о создании эмоционального настроения ритмом, о влиянии Гоголя, Белого, Сосноры на создание языка Овсянникова, языка живописного, этюдного, свежего. Деталь – мазок, и эти мазки – слова – образуют среду, фон (звучание), пространство, совершенно определённо передающее состояние времени, места, героя.

Вторая часть небольшая о повести «Загинайло». Можно ли методом письма Овсянникова написать детектив? Он пишет удивительное произведение на «милицейскую» тему, вещь очень слоистую. Описал неустойчивость, скольжение – ненадёжный «плот» 1990-х годов, смятение в умах; затронул слои мистики и мифологии, сознательно ли, нет, неважно, – это прозвучало; коснулся гоголевской темы двойничества в современном варианте.

Статья большая, могла быть больше, я ограничил круг вопросов, хотя они ещё остались.

29.06.2013

Доярки до чего ярки! Не до яркости доярке. Почему нет? Ярды рядами, цыгане в яру, ору, дар радости.

По участку вороны носились, скандалили громко, а потом над самым окном, на крыше крылечка. Высунул в форточку книгу, махнул, улетели.

Дочитал «Дом дней» Сосноры. О себе, о людях – знакомых и исторических, о близких, об одиночестве, кормящем овцу с ладони. Книга о солнечных лучах, о штыках дождей, о чердаке и подвале, о комнатах и лестницах в доме дней.

Утро утрёт слезу от века росную. Вечор, ты помнишь, вьюга злилась... жизнь глазами литературными, так говорят некоторые. Я не согласен. Говорят, надо своё, личность, идти от себя. Отсебятиной несёт, выдумкой. Не все Юлии Цезари, а кто попробовал, получилось ли? Натужно. Но – опиши по-своему, поиграй на нервах, найди мелодию, вот и личность, и не о себе написал, а сам. Личность – взгляд, глядение из и в, – сообщающиеся сосуды, взял, отдал, копить нельзя, вода должна оставаться проточной.

В «Доме дней» много окон, дом окоёмный. Окна – кони, несут, пасутся, глазом косят, отвод глаз. Глазоотвод: дождь, закат, море, лес, а всё о себе, всё в себе, переполняет, надо выход дать. В книгу. Ты и книга твоя, сообщающиеся сосуды. Книга – кнут, подстёгивает, текст тонкими рубцами ткётся. Сказать – скакать трудно, спотыкается конь: кн, тк, книга, текст – ткать. Челнок – человек неутомим, тянет нить от левого края страницы к правому, вьёт, натягивает. Идёт от себя к себе, своё отдать, чужое присвоить, вот творчество, игла и нитяной след, стяжать страницу. Шито белыми нитками. И – красной нитью...

04.07.2013

Жизнь между сном и пробуждением, прекрасное и ужасное состояние, насмешка, месть, а, может, утешение, подслащение горечи полностью несоединимого в нас мироздания. Мы, при всём своём стремлении слиться с миром, нет, нет, да вдруг ощущаем себя наблюдающими жизнь извне, и свою – тоже.

Вдруг пробуждаемся –

Никак не вспомню сон о чём-то очень важном,

О непреложном и, как музыка святом

(В. Овсянников. «Пробуждение»)

Жизнь – путешествия, бюро путешествий с непредсказуемыми маршрутами, с перепутанными временными поясами. Ты здесь и сейчас как будто, но странен твой наряд, ты подпоясан – чем? драмами Расина(?). По одежке встречают. Всё, как во сне, когда вдруг замечаешь, что нет совсем одежды на тебе, а ты среди людей.

Человек – окно в мир. Глядим на мир из окна. А стёкла, что за стёкла!

07.07.2013

Письмо от Валерии Шишкиной (электронный журнал «Топос»).

Дорогой Александр!

Только что вернулась из поездки и так получилось, что там как раз вспоминала Вас в связи с «Аксиомами авангарда», а тут сюрприз – пристальный и нежный текст о литераторе Овсянникове. Наверно, телепатия имела место быть. Мне не доводилось читать В. О. – нашла в сети после Вашей статьи и почитаю, но сначала Вам ответчу. Статья качественно отличается от других в этом жанре – она написана художником-писателем, это трудно не заметить – Вы видите текст иначе. Выпуклость, целостность образов, словопись, оптимальность средств, ряд смыслов... всё-всё увидели, и по-своему назвали, потому что оптика определённо особенная. В понедельник статью опубликуем.

Да, и вот что с любовью написано, растрогало. Отвыкла, что ли? С уважением и пожеланиями всего самого доброго,

Валерия.

08.07.2013

Сегодня вечером звонил Ю. Серб, сказал, что я попал под очарование стиля Вяч. Овс. Рад, что о его повести «Речка Нача» я написал «просто», а так, как об Овсянникове, есть опасность, что я попаду в письмо Н. Это вряд ли. Непонятных красотостей я не ищу, но красота осмысленного слова мне близка. Объяснил, что я не сторонник идеи «художника со своим лицом», когда художника узнают по одному мазку, по первому слову, жесту, ноте. О Сербе я писал, отталкиваясь от его творчества, об Овсянникове – от Овсяникова, так же писал об Орлове, Алексееве, Шемшученко и других. В этом мой интерес и честность, так как важен рассматриваемый автор, а не моё отношение к его работе, в первую очередь. Моё отношение выявится само по себе, что о том беспокоиться, важнее найти язык для каждого автора, о котором пишу.

28.10.2013

Приходил в мастерскую В. Овсяников, подарил «Прогулки с Соснорой», книга вышла. Подписал: «Саше Медведеву, ведающему тайны литературы». Это подарок! Был в мастерской с 16 до 20 часов, поговорили, я угостил его водкой на калине, сам настаивал, ягоды из Ропши. Овсянников утончённый мастер, режущий лазером.

30.10.2013

Есть художник для художников. Так говорят о мастере формы в самом точном её понимании, когда форма есть самоценное содержание. Это тонкое равновесие, неустойчивое. Такой художник – перфекционист, совершенство, верх совершенства его цель. О таком художнике слова, Викторе Сосноре написал книгу Вячеслав Овсяников.

03.11.2013

Литература – фиксированное слово, передающее чувство. Есть рыхлые, мало проклеенные бумаги, сразу впитывают краску, её потом не смыть, и есть едкие краски, их ничем не перекрыть – такими материалами надо работать сразу, без помарок и без поправок, а ла прима. Текст должен так выглядеть, будто слово – анилин по рыхлой бумаге, письмо на раз. У Овсянникова такое письмо.

06.11.2013

Вяч. Овсянников. «Я интерпретирую реальность, орнаменты на основе реальности».

Орнамент – повторение определённых элементов в заданной последовательности. Орнамент – конвертация реальности в художественную реальность, перевод объёма в плоскость, событие становится знаком. Художник понимает, что отобразить реальность как таковую невозможно. Часто реализмом в искусстве называют необработанный материал, что-то бесформенное, а потому и скучное. Реальность не отображается, она – преобразуется в знак или в систему знаков, будь то слова, звуки, краски.

В предисловии книги В. Овсянникова «Прогулки с Соснорой» Е. Лукин говорит о постмодернизме: «Виктор Соснора – пожалуй, самая оригинальная фигура современной литературы, самый колоритный представитель русского постмодернизма».

Возможно говорить о постмодернизме Сосноры с одним уточнением. Постмодернизм не прячет линки, все заимствования на поверхности, и заимствованиями остаются. У Сосноры – присвоения, усвоения заимствованного, его растворение. Его творчество – переливание крови, гениальное. Чужое становится твоим, твоей жизнью. Постмодернизм – эмульсия, соединение относительной прочности, – у Сосноры собственное и заимствованное становятся плазмой. Такой, во всяком случае, его образ в прочтении В. Овсянникова.

07.11.2013

«Прогулки...» – роман-монолог. Не надо количества персонажей, наделять их мировоззрениями, характерами, чтобы создать почву для конфликта, двигателя искусства, сюжета. Всё это у Овсянникова делает один герой. Он целен, и он противоречив. Он – сам и есть конфликт. Овсянников нащупал нового героя – независимого от времени? Он показал не пресловутое «становление» или «перерождение» во времени – это с его героем совершается с каждым новым абзацем, он становится лицом к лицу с необъяснимым (в искусстве и в жизни) и тут же перерождается. И это его кредо: новая книга должна быть абсолютно не похожа на написанную, для этого надо... если надо – то и научиться дышать по-другому, и температуру тела поднять или понизить.

У Робертсона Дэвиса есть роман «Что в костях заложено», где, в частности, о проявлении в человеке каких-то качеств, ранее не обозначенных. У Овсянникова герой словно изживает неизбывное в себе – одержимость литературой, письмом, укрощает их безжалостным анализом и себя самоанализом. И когда он, казалось бы, освобождается от одержимости, неожиданно объявляет: с этим надо родиться! – с необыкновенной способностью звукописью объять мир, объять проникающе, как радиация, и вобрать из него смыслы, бессмыслицы, чудеса и чудовищность... «Нет на самом деле никаких романов, повестей, рассказов, прозы или стихов. Только ритмика, которая обязательна во всём».

14.11.2013

Гуляли с Овсянниковым в парке Александрино. Говорили о «понятной» и «непонятной» литературе. Я как раз перечитал некоторые его стихотворения, вот где царство образного начала. Нет рассказа, есть образы и они-то говорят.

Говорил о противоречивости в монологах Сосноры – естественном его состоянии. Природа этого противоречия в желании увидеть вещь, явление, человека – объёмно, с разных точек. Отсюда точные замечания, правда, с разными знаками, плюсы и минусы, и простым суммированием не обойтись, да и вычитанием. Говорят же: не убавить, не прибавить – совершенно, – но так и при рассмотрении с разных сторон, и рад бы что-то не заметить, убавить, да нет возможности это сделать без ущерба целому.

19.11.2013

Вчера приходил в мастерскую Овсянников, его разговор о письме, о лаконизме, орнаментальности, о спиральном принципе письма. Он прочёл стихотворение Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени...» – пример орнаментальности.

Я высказал ему свои соображения о книге «Прогулки с Соснорой».

Книга о субъективности художника, субъективности, возведённой в абсолют. Противоречия художника – контрапункт книги, позволяющий смотреть на творчество непредвзято. Субъективность, благодаря противоречивости, парадоксальности суждений о творчестве и творцах, предстаёт какой-то новой объективностью, объективностью художника.

«Прогулки» – опасное путешествие в параллельный мир, к художнику через чёрный ход, соприкасаясь с сущностью понятия «художник не от мира сего». Звучит красиво, на самом же деле, жизнь вне мира сего, даже те немногие часы творческого погружения в письмо ли, живопись, это колоссальные борения с соблазнами быстрых решений, долгих раздумий... битва с авторитетами, поиски компромиссов: вживить явное – самого себя, в тайное – влияние, ибо литература – это подверженность влияниям в большей степени, и как ты усваиваешь, как на тебя действует чья-то манера, образ мыслей, так ты чувствуешь себя свободным, так тебя чувствуют независимым, интересным или нет.

26.11.2013. «Прогулки с Соснорой»

«– Ну и что, прочитал ты эту книгу с высказываниями Айги? – спросил он. – Айги пишет, что книга Кандинского «О духовном в искусстве» должна быть евангелием всех художников. Это он у меня украл, только у меня о Малевиче сказано, что Малевич – евангелие художников. Малевич – высший художник мира. Айги милейший человек и уникальный поэт, но в живописи он совершенно не разбирается». С. 425

Далее Соснора перечисляет «художников мирового значения»: Вейсберг, Кулаков, Целков, Грицок, Михнов, Зверев...

По-моему, Соснора сам не далеко стоит от Айги в понимании живописи. Он понимает Гоголя, но не понимает великого художника Александра Ив́анова, автора «Явления Христа народу» – какая у него живопись! Вечная история, безапелляционные суждения в чём несведущ.

27.11.2013

Впрочем, на 485 с. он восхищается этюдами А. Ив́анова: «Какая красота, свобода, чудные краски!» Но при этом расхожее отношение – «Ужас!» – о картине «Явление Христа народу»: «Всё-таки поверхностно, общё».

«– Я вот думаю: почему я никогда не мечтал? – сказал он, глядя на меня своим немигающим взглядом. – Все ведь мечтают. А я – никогда, ни о чём. Даже не понимаю, что это такое, как это мечтают, о чём, зачем». С. 432

Мне кажется, это я написал. Мечтать – не мечтал, ничего мне особенно не виделось, не грезилось. Хотел быть художником? Да странно как-то: захотел, и тут же себя им почувствовал. Дело не в степени мастерства, известности, нет, именно в ощущении человека, способного видеть красоту, вот в чём ощутил себя художником. Никто и ничто не мешало в этом. Разве это мечта? А потом надо было учиться, учусь до сих пор, потому что мало чего умею. Делаю, конечно, но не с лёту, с большой тренировки.

Несколько раз, говоря студентам о цельности, приводил Леонардо. Его рисунки. Чем они лучше, скажем, Гольбейна? Кажется, ничем. Кроме цельности. По отдельности – глаза, нос, губы, овал лица – у Гольбейна, может быть, и острее, нервней. А цельно – у Леонардо, при том, что детали не так выразительны. Пропорция, мера – основа.

Книга В. Овсянникова «Прогулки с Соснорой» подвела к какой-то иной точке, с которой я посмотрел на Маяковского. Все видят, слышат его ритм, ходят по его лесенкам – строим. Но сам он шагал разнообразно в ритме. Вот это остаётся незамеченным.

«Если стих не громит вокзала, то к чему переменный ток...». Или, когда говорит: *генерала – к стенке, а Рафаэля? – забыли?* Почему Рафаэля забыли – расстрелять? В том, что эти стихи были отправлены варварам, неужели он этого не видел? И приняты были руководством к действию? Но что это за претензии? Из моего прекрасного далека.

Отчасти я согласен с Ходасевичем и даже с Ю. Карабчиевским, но тот зашёл слишком далеко в разоблачении Маяковского, домыслы. А если и правда? Опять, в какой форме её подать? Карабчиевский, кажется, не сориентировался во времени и в среде, что за общество, которому он открыл свои мысли о сложнейшем явлении – поэте Маяковском.

Бунин также. Его кипящая ненависть в «Окаянных днях». А строки о Маяковском – «Идиот Полиефемович»? Коробило, конечно, Бунина, по-другому он не мог. Но, хотя бы изредка – оговорки, сомнения. Нет. В итоге брызжание, ужасания, а не ужас.

03.12.2013

«Мечтать» – меч и тать – это Овсянников и Соснора.

Книги действий, мысль как действие, не рассуждение.

Метафора однозначна, образ – многослоен.

По мнению С. Эйзенштейна, шедевр монтажного мышления сцена Полтавского боя у Пушкина. Монтаж – это мышление с помощью образов-в-движении и образов-во-времени (по Делёзу).

Резкие скачки от одного кадра – события – к другому, пространственно-временные переключения, сочленение разнородных сцен и ситуаций, ввод «вставных жанров», прерывающих повествование о ходе событий.

ЕСТЬ ЛЮДИ

Есть люди, от них Господь ничего не скрывает. Тьма для них – вырезающий свет, они видят вещи... не такими, как большинство из нас – пазлами в картине мира, не довольствуются фрагментами мудрости, прозревая её неделимой.

Им не надо втягиваться в воронку прямой перспективы, чтобы достичь предела видимости. И они не выворачивают себя наизнанку перспективы обратной, как это делали бы мы, показывая способность вмещать тайные знания прописных истин «от и до».

Тогда, как мы ютимся по углам чёрных квадратов скромных способностей, эти люди не отказывают себе в свободном перемещении в прозрачных лабиринтах сферы возможностей почти нечеловеческих.

Если для нас символ кратчайшего пути – прямая, соединяющая две точки, то они пользуются спиралью, спираль даёт пружинистое движение в пространстве – прыжок вглубь и ввысь.

Пока мы переживаем превратности пути из пункта А в пункт В, они развлекают нас, уверяя, что снег чёрный. И почему не верить, коли снег – замёрзшая вода, а – в Неве, во всяком случае, вода всегда черна?

Сложнейшие вещи открываются им с лёгкостью лопающейся в срок почки, мы же – простейшие сведения, как правило, добываем, выходя из себя, рискуя при этом не найти дорогу обратно.

Есть такие люди, умеющие сосредоточиться на внешнем, и рассеяться во внутреннем. Я тянусь к этим совершенным. Но, отчего же, Господи, рядом с ними мне так одиноко?

Мысли по прочтении книги Вячеслава Овсянникова «В тени Водолея»

Водолей – знак гениев.

Водолей – совокупность ангела и дьявола.

I

Знак есть результат своеобразного договора между людьми, когда изображение начинает означать сверх очевидного нечто ещё. Люди видят мир собранием знаков, широко понимаемых и тайных. Одни неизменны, о других время толкует расширенно. Трактовка зависит и от личности, читающей знаки. Греки раскрашивали мраморных богов, любопытство побуждает представить статуи в цвете, но, вкус и обаяние тайны возвращают к белизне, уводя от натурализма, – современная палитра не равна древней. Да и греки воспринимаются знаково, в преломлении классических изваяний, поскольку людей безукоризненно сложенных не сыскать и в античности (Плиний Старший извещал о скульпторе, находившем канонические пропорции образа в сумме деталей внешности пяти-шести моделей).

II

Где нет условности, там нет искусства. Условность – результат усилий. Не многие дерзают стирать случайные черты, желая видеть мир прекрасным, ибо мир и так прельщает неисчислимыми вариациями линий, красок и тонов. К тому же мистик скажет: нет ничего случайного, а прагматик добавит – и запас карман не трёт. Не исключено, что их советы помогут создать гениальное произведение, ведь и бессмыслица бывает гениальна. Однако, если люди (всё ещё!) ищут смысл в безграничной жизни, то почему бы не искать его и в искусстве, продукте ограничений? Ищут – особо тщательно. И, чем меньше в произведении детективного, приключенческого, морализаторского и игривого груза прописных истин, тем с большим увлечением в нём отыскивают скрытые смыслы, знаки, созвучные неуловимому времени, а то и опережающие его. Вспомним, чьи пьесы не сходят с европейской сцены, несмотря на отсутствие в них интригующего сюжета и мигающих маячков фрейдистских комплексов? Фрейд не обратил внимания на Чехова, возможно, лишь по причине глубокого погружения в ярко-фабульные истории болезней «стационара Достоевского». Иронией Пушкина по поводу читателя, ждущего определённую рифму, и поэта, всегда готового дарить её, можно объяснить популярность произведений в духе Достоевского – интрига чётко обозначена и разворачивается предсказуемо. Чеховский метод иной. Обычно дело идёт о жизни, как о напрасном ожидании после мороза роз, и потому не все читатели охотно принимают цветы запоздалые приглушённого колорита лаконичного пьесма о чём-то несостоявшемся. Впрочем, данный метод не ведёт к снобизму, серьёзный писатель не почтёт зазорным зарифмовать висящее на стене ружьё и последующий выстрел – на вот, лови его скорей!..

III

Писатель Вячеслав Овсянников, владеет выразительными средствами, чтобы вызвать и поддержать интерес читателя – развешенные им ружья в свой час безотказно стреляют. Структура его рассказов и повестей напоминает взведённую пружину, притворившуюся плоской спиралью. Стилистический завиток вальсирующего письма внезапно возносит читателя в сферы поэзии и также внезапно низвергает в бездну низких истин так называемой правды жизни. «В тени Водолея» (2017) амплитуда колебаний этой пружины сложнее, и прочитывается многослойной каллиграфией пульса человека – в покое, волнении, в боли, тоске и радости. Широко используемый приём «рассказа в рассказе» у Овсянникова получает форму сюиты – концентрированных эскизов состояний природы и души лирического героя с неизбежными мечтами о загадках Слова и Звука и покорностью закону «довлеет дневи злоба его» (довольно для каждого дня своей заботы). Эскизов пёстрых, но связанных общей художественной мыслью. Автор переносит центр тяжести повествования с развития события на бессобытийное течение жизни. Начинаемые действия не получают ожидаемого завершения, картины жизни пишутся словно по логике сновидения, то есть в отсутствии таковой. Однако произведение держит довольно прочное связующее, пространство и время «В тени Водолея» связаны орнаментально. Так человек, глядя на реку с моста, в какой-то момент начнёт ощущать себя в движении; течением мысли он уносится то в прошлое, то в будущее, и едва не растворившись в их соединении – в открытом Овсянникове Никогдавле – вдруг очнётся стоящим на мосту, но совершенно не той реки и в ином году. В этот орнамент тонко вплетены узелки Достоевского, те, леденящие душу его героев ощущения двойничества, которое исходит от города, расщепляя божественное равновесие светотени, когда уже пугает не только тень, но и свет блазнится люциферовым маревом.

«Медный Всадник – мы все находимся в вибрации его меди. Петербург лежит почти на 60 параллели. Эта параллель – критичная для самого существования человека. У живущих на ней состояние психики всё время напряжённое, тревожное, сон сбивается. Границы реального и потустороннего размыты. Невротическое состояние, напряжённое ожидание неизвестного, неопределённость границ возможного и невозможного порождает пограничные феномены психики, близкие к галлюцинациям».

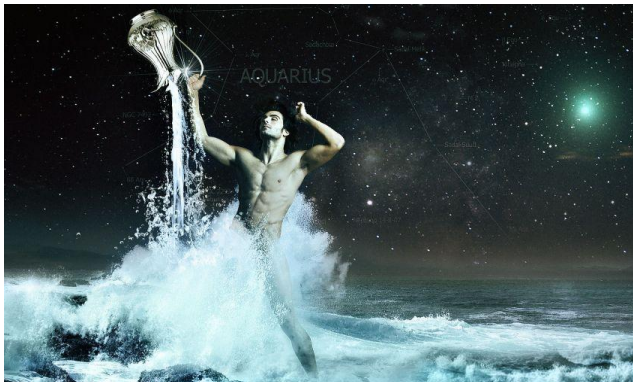
Внимание с внешних коллизий – висящего ружья – перенесено автором на психологию героев, на их настроение, чувства и переживания эмоционального напряжения от аритмии – беззвучных выстрелов – реального и воображаемого. О характере, образе мыслей героев сообщается опосредованно: в письме Овсянникова получает калейдоскопическое отражение блеск осколка, вместившего лунную ночь, набирает обертоны звук лопнувшей струны, вестник скорых перемен. О героях рассказывает отражённый в реке или в окне электрички или в бокале вина мир бессмысленных, случайных форм, близких к натурализму, если бы не

намеченные писателем пути к обобщениям, то есть к знакам. Внутренний монолог произведения дан через деталь. Повседневность фиксируется как сложная композиция безграничности внешнего мира, видимая реакция на его проявления, и безграничности «Я» в мировом культурном расширении. Композиция динамична, неохватное «Я» в потоке быстротечного времени – не яркий ли это знак одиночества? Каким бы путём ни шёл писатель, наследуя тому ли, другому гению, ему не миновать темы состояния один в ночи. Бесконечные проявления одиночества – основной художественный конфликт «В тени Водолея» Вячеслава Овсянникова.

«Вижу перед собой образ другого себя. Этот другой стоит на последней, седьмой ступени; он смотрит на меня с высоты лестницы грустным взором. Он прощается. Он говорит: книга написана. Книга для всех и ни для кого. Твоя и моя, наша с тобой книга. Поворачивается спиной и уходит в неё, в книгу, в её призрачную, мгlistую даль, и там исчезает».

IV

Рваная, шероховатая, гибкая и звенящая – линия, которую своими произведениями ведут авторы, в итоге спрессуется в короткую горизонталь – тире в датах жизни. Читатель увидит её олицетворением реки времени. В её воды входит он вслед автору и пересекает её. Возникает вертикальная линия – «стоящий человек» – мост между верхним и нижним миром. В целом же получается крест, знак материального мира, вещиности, четырёх стихий. Но и не только. Крест – животворящий – возвещает, что страдание предваряет воскресение. А это уже вопрос веры. И писательской – надежды.

Мария Амфилохиева

СТИХИ

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ

Маргарита Токажевская

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ

Редакторы-учредители журнала
Маргарита Токажевская и Мария Амфилохиева

Мария Амфилохиева

СТИХИ

Чертёж листа каштана
Античностью манит.
Окно кафешантана
Зеркалит аконит.

Смешались желть и зелень
И, распахнув ладонь,
Кружа, как крылья мелен,
Кося, как дикий конь,

Всё ближе лист летучий.
Отбросив лёгкий страх,
Ловлю счастливый случай,
Что на семи ветрах

Спустился с грёз случайно,
Как резвая кефаль,
Сверкает влажной тайной
И щупает асфальт.

Твой черенок изогнут,
Как лукоморья вид.
Летим! Куда угодно
Летим! Меня лови!

На тонком коромысле
Средь пёстрых лопастей
Моё сознание виснет.
Поймай, прими скорей...

Лечу листом опавшим.
Хоть осень – не весна,
И жить уже не страшно,
И гибель не страшна.

Накидки у берёз лимонно-сочны,
Оскомина от пьяной желтизны.
Роскошный клён хвост распустил, что кочет,
Ища с соседом ссоры и войны.

Оглянешься с холма – рыжеют балки,
Осиновый узор кровит в лесах.
Себя ли мне или деревьев жалко,
Но подползает кошкой пёстрой страх:

Желтушности цыплячьей не сберечься,
Разгулов багреца недолог век,
И я спешу своей сумбурной речью
Заполнить белый лист, что стелет снег.

Придёт зима – читай тысячелетье
Молчания, покой небытия.
Она вслепую ловит чёрной сетью
Всё то, что описать не в силах я.

Застыв у облетающей берёзы,
Шепну, встряхнув чужих словес багаж:
«Как хороши, как свежи были розы...» –
И вдруг пойму: бессмертье – не мираж.

Из темноты бездонной неба
Вдруг – дождь –
Нешадно, косо и нелепо
Похож
На мокрого ежа-лохматку –
Фырчит.
Раскину зонтика палатку
В ночи
Ты занырни под пёстрый купол –
Вдвоём
Нам будет весело и глупо.
Пойдём
По разлинованным пунктирам –
Держись
К обетованным не-квартирам
Вверх, ввысь!

Отправка от девятого причала...
Перрона? Да не всё ли нам равно.
Морская зыбь, земля ли раскачала,
Ночная тень иль яркий луч дневной...

Как будто маяки в тумане, светят
Огни летучих сёл и городов,
И тонкие невидимые сети
Сплетают перекрестья проводов.

Трассирующих пулей эсэмэсок
Не счесть в пространстве сумеречных волн.
Шаг времени сегодняшнего весок,
Шаг будущего тайн неясных полн.

А прошлое осталось за кормою,
Забыто, как мельканье чуждых лиц.
Я памяти извилины промою
Солёною водой из-под ресниц.

Что было и что будет – породнятся,
В двойкой нереальности скользят.
А нам в сиюминутности качаться,
Вслепую плыть. Иначе жить нельзя.

Silentium**Молчи, скрывайся и таи...****Ф.И.ТЮТЧЕВ****(пародийное)**

Брильянты слов раздать готов
Мудрец в большом волнении.
Но сто голов, как сто коров,
Мычат в недоуменье.

Мудрец не рад: опять мычат,
Но суть не ловят люди.
Умов палат неровный ряд
Его стократ осудит.

Потешный полк зубами щёлк –
Грызёт гранит науки.
Не видя толк, матёрый волк –
Мудрец завыл от скуки.

Скрывай, таи мечты свои,
Храни свой жемчуг росный.
В нём яд змеи, в нём соль земли,
Но нет на мудрость спроса...

Анкета на 8 марта

1. Не кажется ли вам, что женщины в России взяли на себя бремя сильного пола, оставаясь в то же время слабыми и прекрасными?
2. Но не женщины ли культивируют Подчинение и Преклонение перед царем на небе (Богом, Христом), перед царем на земле (президентом, начальником, князем...), перед силой – что воспитывает в человеке покорность?
3. В чем состоит долг женщины перед народом, семьей, детьми? И разве она должна мужчине?
4. Не надо ли переустроить общественно-государственную и семейную жизнь в России так, чтобы на мужчине лежало основное бремя обеспечения семьи, а на женщине – рождения и воспитания детей, и поэтому необходимо содействовать возрождению деревни и деревенской жизни?
5. В чем состоит общий долг человека как личности (или отдельно по отношению к семье, государству, культуре?) Есть ли долг перед Богом? Не слишком ли много Бог требует от человека жертв (в чем женщина ему помогает), и не становится ли он еще одним рабовладельцем? Так что мы уже не в силах снести сумму непосильных нош: перед семьей, обществом, культурой, друзьями, народом, государством? (А тут еще и Бог требует от нас десятины или даже больше?)
6. Нравственные требования к мужчине и женщине - одинаковы или различны? И в семье и в обществе?
В частности, надо ли женщине входить в политические отношения? Или быть, как монаху, вне политики?
7. Допустимо ли женщине служить в армии? (Лично я, редактор, считаю, что сие противостоит естеству)

ОТВЕТЫ на Анкету Марии Амфилохиной

1. Этот вопрос – только констатация действительности. В первой его части – точно. Взяли на себя очень многое. И это не кажется, а факт. Во второй – сомнительнее. Конечно, прекрасным полом остались – природу трудно сломить. А вот слабым полом – черта с два! Невозможно взять на себя двойное бремя, будучи слабым. Наверное, есть где-то сильные мужчины, которые способны взять на себя мужскую роль и играть ее с честью. Справляться с ней, а не пускать пыль в глаза. Лично мне такие почти не попадались. Ну, один-три, возможно. Это я не о высоких постах, а об обычной бытовой жизни в кругу работа-дом.
2. А кто проводил статистику? А если проводили, то насколько можно доверять подсчетам? По поводу Бога, – возможно, верующих женщин больше, чем мужчин, но я не стала бы это приравнять к культивации подчинения и преклонения. Иногда просто хочется хоть в чем-то найти поддержку на небе, если на земле ее нет. Вспомним Сонечку Мармеладову: «Что бы я без Бога-то была?» Между прочим, у Сонечки силы духа на всех хватило, включая Раскольникова. Ну а по поводу покорности президентам и начальникам, так тут раболепства, по моим наблюдениям, в мужчинах даже больше. Или оно откровеннее проявляется.

Ну вот, опять про долги наши... Никак не могу понять, – это только в русском менталитете принято все время с кого-то долги спрашивать? Получается, что ты все время в долгах. Так жить трудно и противно. Невыносимо так жить. Нормальная женщина чувствует, что если создала семью, значит, живет в ней и старается, чтобы вокруг нее всем было хорошо – тогда и ей хорошо будет. Любить надо ближнего своего – и все. В идеале именно так! Ну, а если мы не-идеальны, – вот тут начинаются юридические меры регулирования. И вот мы уже все в долгах!

Переустривать жизнь в России насильственным путем уже неоднократно пытались, – и ничего хорошего из этого, по-моему, не получалось. У Салтыкова-Щедрина есть милая сказочка «Медведь на воеводстве». Там всем в лесу жилось лучше всего при Топтыгине-третьем, который залез в берлогу и ничего не делал – жить никому не мешал. И всё как-то естественным путем шло не хуже, чем при других. Может, перенять опыт? Но это я так, смеюсь... А про возрождение деревенской жизни много говорят, вот только непонятно, как ее возродить. И что именно возрождать? И зачем? Ведь жизнь-то меняется и далеко не каждая женщина захочет ограничиваться семьей и детьми... Кстати, откуда такое представление о роли женщины в деревне? На ней, насколько можно понять из прочитанных книг, обязанностей лежало – ой-ой! А детей, кстати, воспитывали старики и старшие дети. Бабе просто некогда было ими заниматься. Так что овчинка выделки не стоит. Да, кстати, если по какой-то причине люди хлынут в деревню из города, то от природы вообще ничего не останется. Экологическое сознание у среднего человека на нуле. Не потому что он такой плохой, а потому что ни знаний, ни опыта в этом отношении не имеет, а чутье утрачено давно.

Оставьте вы Бога в покое – это дело каждого, вопрос очень интимный! Какое человек – таков и Бог его, вот и весь, в сущности, секрет.

А нравственные требования к мужчине и женщине по отдельности – это про что? Мне кажется, нравственность для всех одна – не делай гадостей ближнему, тогда и он, если тебе повезет, гадостей делать не станет. А может, и любовь случится тогда.

Ну, зачем быть вне политики «как монаху»? Это же несвобода. Если женщине хочется и может заниматься политикой – флаг ей в руки. Но это совершенно не для меня. С одной стороны, иногда думается, что наш политический мир по преимуществу мужской, и жить в нем неуютно, так не лучше ли установить матриархат – вдруг у женщин лучше получится обустроить жизнь в мире. Но, с другой стороны, посмотришь на нынешних женщин-политиков – и тошно становится. Хотя, конечно, средствам массовой информации верить нельзя. Они высвечивают всем на посмешище Меркель или Тимошенко. А кого мы еще видим?

Ну, а почему бы и не служить в армии? Служат же... Смотри чем заниматься. Сестры милосердия – это давно оправдавшая себя идея. Связистки, поварахи, шифровальщицы, бумаги всякие перепечатывать – да мало ли нужных в военной сфере профессий, когда непосредственно убивать никого не надо. По большому счету, и мужчинам бы лучше войной не заниматься, да такого, к сожалению, на нашей планете никогда не было.

Анкета и Ответы Маргариты Токажевской

1. Не кажется ли вам, что женщины в России взяли на себя бремя сильного пола, оставаясь в то же время слабыми и прекрасными? - *Взяли. Оставаясь.*
2. Но не женщины ли культивируют Подчинение и Преклонение перед царем на небе (Богом, Христом), перед царем на земле (президентом, начальником, князем...), перед силой - что воспитывает в человеке покорность? – *Точно не женщины культивируют. Хотя я сама за монархию, больше поклонников у этого строя – среди мужчин точно*
3. В чем состоит долг женщины перед народом, семьей, детьми? И разве она должна мужчине? – *Долг женщины перед детьми - в нашей стране точно главнее любых других долгов...*
4. Не надо ли переустроить общественно-государственную и семейную жизнь в России так, чтобы на мужчине лежало основное бремя обеспечения семьи, а на женщине - рождения и воспитания детей, и поэтому необходимо содействовать возрождению деревни и деревенской жизни? – *Надо содействовать. Я всю жизнь просто шаю за пятерых точно. за того парня, оставившего меня с детьми-подростками без попечения, точно. Но я всегда хотела только быть мамой и женой, обожаю домашнюю работу, кулинарию, рукоделие, всё это умею. Мечтала о десятирех детях. Одна смогла вырастить двоих сыновей и дать им академическое образование. Один Бог знает, чего мне это стоило. Однозначно, детям не хватило отца, детям даже деды необходимы, а нашу страну вполне можно назвать бездедной точно... Деревенская жизнь - я за неё, но связь, наверное, не прямая.*
5. В чем состоит общий долг человека как личности (или отдельно по отношению к семье, государству, культуре?) Есть ли долг перед Богом? Не слишком ли много Бог требует от человека жертв (в чем женщина ему помогает), и не становится ли он еще одним рабовладельцем? Так что мы уже не в силах снести сумму непосильных нош: перед семьей, обществом, культурой, друзьями, народом, государством? (А тут еще и Бог требует от нас десятины или даже больше?) - *Десятина или нет, но если человек может поделиться, если он хоть как-то может, то он должен перед совестью, которая может называться и Богом, помочь страждущему... Долг Богу - через то, что мы делаем в миру. То есть долг совести, делу добра... Например, снег можно и почистить, помочь городу, хотя бы около своей работы, а не только критиковать власти, даже если они виноваты. В деревне же не ждут. пока дома занесёт полностью, ходы копают...*
6. Одинаковы или нет нравственные требования к мужчине и женщине? И в семье и в обществе? В частности, надо ли женщине входить в политические отношения? Или быть как монаху вне политики? – *Если женщина может выдержать тяжелейшую и неестественную для женской психики мужскую нагрузку - решать судьбы людей (политика) - пусть идёт в политику. Но для меня это было бы тяжело, даже вести вечера поэзии и то тяжело...*
7. Допустимо ли женщине служить в армии? – *Женщины как медсёстры и санитарки незаменимы. А вот стрелять – не надо бы им. Мне кажется, это и мужчины тяжело несут в себе, а как женщине... Но многие женщины воевали и потом рожали деток. Прямо больно думать обо всём этом...*

Письмо Редактора о превосходстве женщин над мужчинами

В связи с праздниками, посвященным женщинам, и ответами на Анкету, хотел еще привести отрывки из женских писем, показывающие, до чего хороша женщина просто в быту, если смотреть на нее не спеша и не эгоистично, а как в Русском музее или в фойе театра – но нет, даже самые безличные отрывки публике показывать неловко. Поэтому приведу отрывок из своего письма, моей репутации оно уже не повредит.

... иногда кажется: хорошо, что так плохо!

Особенно хорошо на концерте симфонической музыки, она пронизывает душу сильнее всего, когда душа болит. Только надо ведь, чтобы хватало сил еще тащить телегу жизни, не каждый день на концерте, повседневность хуже.

Христос говорил, что и враги человеку домашние его. Я ему возражаю по поводу домашних, но и действительно, от посторонних не испытываешь столько ссадин, свои ранят сильнее, даже просто необдуманном словом, иногда сгоряча, иногда от усталости, иногда от раздражения.

Огорчают и товарищи (мужчины), многих я не выбирал, сами выбрались, а я мне жалко каждого человека, который, как мне кажется, нуждается во мне. Один одинок. Другой неуживчив. Третий несчастен. Четвертый... Диву даюсь, какие иногда не подходящие люди собрались в моей приятельской корзине! Временами думаю: надо их разогнать, сил моих больше нет выслушивать их глупости! Жалуюсь подругам. Одна говорит мне: Ты сам глупый. Они не сладкие – но невозможно есть один сахар. Вот, например, *. Он тебе в тюрьму носил сибирское сало, хотя сам его терпеть не мог, и меня как-то (мы замерзли в очереди) повел пить кофе. Он тебя любит, а ты на него раздражаешься. Он что, непременно должен быть Лобачевским или Флоренским? Тогда почему ты с детьми любишь разговаривать, они же еще меньше знают?

Да, жаль, что Иисусу женщина не объяснила то же самое (у него не было подруг, какие подруги из бывших блудниц?)

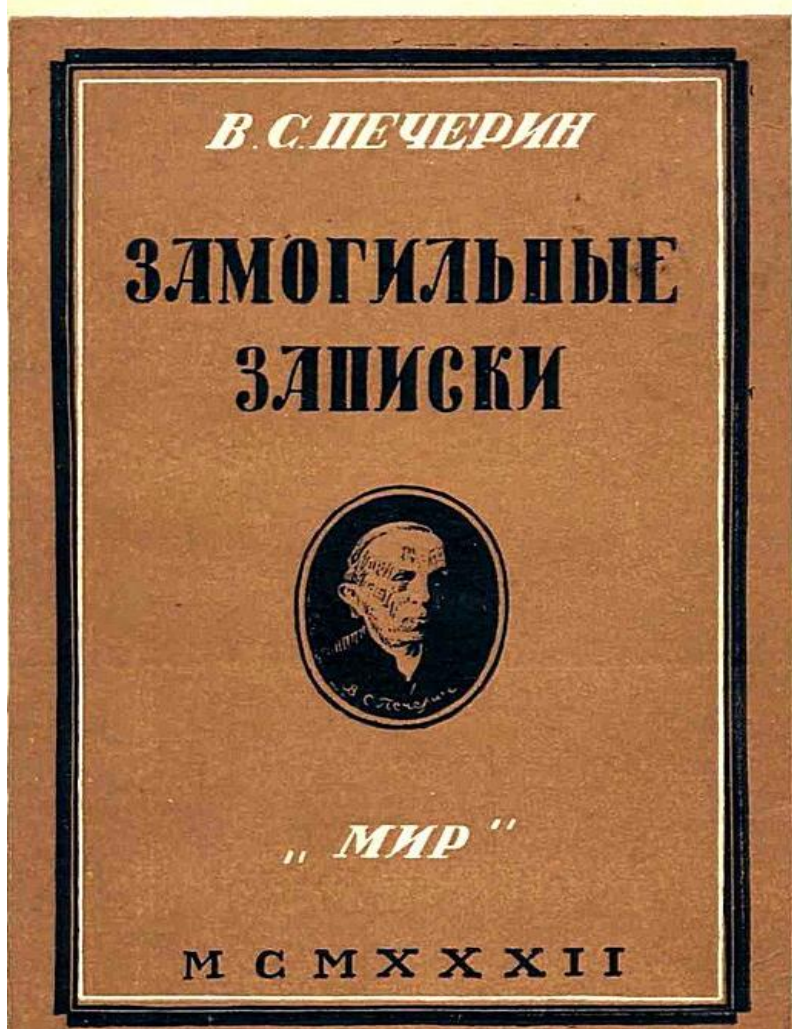
Но мужчин вытерпеть не так легко. С женщинами не только легче и лучше, только с женщинами хорошо. И вот что удивительно: я влюблялся, бегал за девицами со своей любовью, а они ценили мою дружбу, и я со вздохом говорил: ну ладно, пусть будет дружба!

Оглядываюсь назад, и вижу, что как хорошо, что я не был настойчив в своих увлечениях, более того, я даже старался повернуть дело так, чтобы не дай бог они ко мне не привязывались. Но бывало и так... Теперь меня терзают угрызения совести. Счастье еще, что они мне все прощали.

Мне тоже иногда не по себе, и я себе говорю – *большинству людей хуже*, потому что «некому руку подать», а тебе пишут теплые письма! (А с одной даже сидел на бревнышке и мы пили «горькую», я жаловался, а она меня редактировала).

О чем ни начну писать, скатываюсь на себя. А начал писать, чтобы сказать, что я не так уж плохо отношусь к людям, я горячусь из-за идей, но никого не стал бы расстреливать, даже если бы в составе какой-то революционной банды и мне передала бы власть над людьми. Нет, топор хотя и висит на обложке, но головы им рубить я не буду... мне кажется..., пожалуй...

І. V. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ
("Лишние" русские люди)

Продолжение. Начало в №8, №9, №10, 11

В. С. Печерин. ЗАМОГИЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ
(продолжение. Начало см. в №8, №9, №10, «11)

Сказание о Капитане Файоте и его Камердинере
Глава II. О камердинере.

«Случалось ли вам когда нанимать слугу? – я говорю *нанимать*, потому что теперь крепостных уже нет». – Разумеется; нельзя же быть без прислуги. – «Очень хорошо. Ну, скажите пожалуйста: с какою целью вы нанимали слугу?» – Как, с какою целью? Для того, чтобы он мне прислуживал: чистил бы мне сапоги, подавал бы умываться, прислуживал бы за столом, да ходил бы на разные посылки – мало чего не найдется делать в доме? – «К крайнему моему сожалению вижу, что у вас все еще старые эгоистические предрассудки. Нет! не так понимал вещи мой капитан! Он нанял себе слугу, – (или лучше: *камердинера* – это как-то *благороднее*) вовсе не для того, чтоб он ему прислуживал». – Ну да для чего же? – «А для того, чтоб он был ему товарищем, другом или лучше сказать сыном. Не забудьте, что капитан был нечто в роде Сократа. По Сократовой методе, он решился сделаться *повивальной бабкой* бессмертной души этого камердинера, – внутренне образовать, развить, вывести на божий свет и собственными руками вспеленать эту новую душу, его же стараниями украшенную всеми лучшими дарами чистейшего либерализма, высокой честности и христианской любви – вот какую он себе задал задачу!»

Тут мне вдруг пришло на мысль, что капитан был немножко мне сродни... «Помилуйте! да как же это возможно? – Вы где родились?» – Да там где-то в Козелецком *повете* Черниговской губернии. – «Ну, а капитан где?» – В каком-то английском *шире*, не помню именно где. – «Какое же тут может быть между вами родство? Ведь вы стоите на двух противоположных концах Европы!» – Извините: есть плотское и есть духовное родство. По духовному родству капитан был мне очень, очень близок. Мы оба вели свой род от одного знаменитого предка: пресловутого рыцаря ламанчского, воспетого Сервантесом. Да, да, капитан был мне сродни. –

Вот поэтому-то мы сразу поняли друг друга.

Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Он тотчас же подарил меня своею доверенностью и взял меня в сотрудники не только своей литературной деятельностью, но даже и в деле воспитания, так что я сразу попал в министры просвещения и духовных дел. После этого вам не покажется удивительным, что капитан пригласил меня каждое утро завтракать с его камердинером для того, чтобы влиять на него назидательными речами и благими примерами и пр. Дон-Кихот да и только!

А у парня, т.е. камердинера, была препустейшая голова. Он был нечто в роде гвардейского офицера или петербургского гарсона: любил хорошо одеваться, густо помадил и ухарски завивал свои белобрысые кудри, посещал иногда театр и другие публичные места и был поклонником прекрасного

пола. Кроме женщин, мод и балов, едва ли можно бы о чем с ним говорить. Дело воспитания подвигалось очень медленно. Материалы были самые неблагодарные. Иногда мне случалось слушать длинные рассказы о любовных приключениях этого Алкивиада. Но все ж таки со временем я успел внушить ему уважение к себе и доверенность, а это мне помогло сослужить ему службу в одном важном случае.

Капитан, как отличный *директор совести* (*directeur de conscience*), не довольствовался тем, что управлял действиями своего камердинера у себя дома, но он непременно хотел еще завладеть всею его внешнею обстановкою, для того чтоб предохранить его от дурного общества. С этою целью он предпринял основать общество или клуб молодых людей, которые собирались бы по известным дням в неделю для взаимного обсуждения разных нравственных и политических вопросов, а в конце была бы небольшая закуска. Все было подготовлено по строгим правилам английских митингов – даже и деревянный молоточек для председателя, чтобы давать разные сигналы. На первый раз, когда сам капитан председательствовал, дело шло довольно порядочным образом, но после оно превратилось просто в бражничество. Помнится, я всего только один раз был в этом клубе. Некоторые очень порядочные люди, вступившие было в это общество, пришли жаловаться к капитану, что они ужасно как обманулись в своих ожиданиях, нашедши вместо чинного собрания какое-то сборище молодых шалунов. Бедный капитан был в большом замешательстве. «Ну что ж вы хотите с ними делать», говорил он: «ведь здесь в Бельгии вовсе не понимают, как должно вести себя в порядочном митинге!» Еще бы! Ожидать от француза или его обезьяны бельгийца чинного собрания, где не горланят и не размахивают руками, это просто донкихотство.

Бельгийцы ужасно обезьяничают французов – это не хуже нашего. Наши обезьяны – по крайней мере в мое время – очень удачно перенимали все хватки, приемы, замашки и произношение французских парикмахеров и гарсонов, и думали, что вот это самый лучший тон. Вот по случаю-то этого бельгийского обезьянничества мне удалось сослужить истинную службу этому молодому камердинеру. «Во Франции есть – *point d'honneur* и дуэль, следовательно и в Бельгии должны быть *point d'honneur* и дуэль». Последую этому правилу, мой камердинер, поссорившись с товарищем за какие-то пустяки, тотчас же вызвал его на дуэль. Это дошло до капитана. Вообразите себе его положение. У каждого англичанина есть свой конёк, а его особенным, специальным коньком была – *дуэль*. Он беспрестанно и писал и говорил в масонской ложе против дуэли; а теперь в его собственном доме его же собственное чадо впало в такой тяжкий соблазн. В ужасном переполхе он тотчас послал за мною и умолял меня ради Христа употребить все мое красноречие, чтобы их помирить. Я отправился парламентом между враждующими сторонами и нашел их в какой-то кофейне. Что такое я им говорил и какими доводами я старался их убедить – теперь вовсе не помню; но знаю только, что даже без большой затраты красноречия, мне удалось их помирить и даже они кажется внутренне радовались, что я помог им выйти из этой кутерьмы. И так я возвратил этого блудного сына под кров и в объятия его духовного отца.

Прошли дни, недели, месяцы, и наконец мы как-то разошлись с этим молодым человеком – вот по какому случаю. Я всегда был под влиянием той или другой философской системы: этот бес никогда меня не покидал. На этот раз он принял образ Пифагора. В библиотеке капитана было множество книг, относящихся к этой философии, между прочим целое житие чудотворца Аполлония Финанского¹. Все это я прочел от доски до доски, пережевал, проглотил, переварил, усвоил себе, превратил в сок и кровь и – сделался пифагорейцем. Из этого вытекли два последствия.

1-е. Совершенное воздержание от мясного; так было почти целый год: я ни куска мяса не ел.

2-е. Нежнейшее сострадание ко всему живущему.

В то время я считал бы уголовным преступлением умышленно убить муху. Вот в этом-то расположении духа прихожу однажды к завтраку и вижу – мертвая кошка лежит растянувшись на окне. «Ах, боже мой! как же эта бедная кошка погибла?» – А вот видите, – сказал камердинер с некоторым замешательством, – она злодейка, выпила все наши сливки, приготовленные к завтраку – вот я ее так и шарахнул об стену – вот она тут и лежит! – С этой минуты я возненавидел этого малого: он мне казался чудовищем, извергом человеческого или по крайней мере кошачьего рода. Под предлогом, что у меня были домашние уроки по утрам, я сказал капитану, что больше не приду к нему завтракать. Купил себе кофейник и сам варил себе кофе на спиртовой лампе. Да здравствует Пифагор! С тех пор мои сношения с этим молодым человеком не прекратились, но как-то холодели и медленно тянулись до конца... Через три года после того как я навсегда простился с капитаном, я встретился с камердинером, – где вы думаете? – В церкви редемтористов в Льеже. Тут была большая вечерняя служба, называемая Salut, с большим оркестром и полным освещением. На хорах подле самого органа стоял мой Алкивиад как-то небрежно, почти развалившись, опираясь на свою трость, и выпучив глаза с каким-то бездушным любопытством смотрел на то, что происходило у алтаря. А подле него – да вплоть подле него и неведомо ему – с преклоненною головою, в монашеской одежде, на коленях, стоял – frere Petcherine!² Кто из нас двух был глупее, трудно решить!

Макналли и К°

(иллюстрированное издание).

¹ Пифагор – греческий философ VI века до нашей эры, основатель религиозно-философской системы, основными элементами которой было признание загробной жизни, переселения душ и целостного строения мира, подчиненного законам «гармонии и числа». Учение П. известно лишь в мистико-фантастических изложениях его последователей.

Аполлоний Тианский – легендарный странствующий философ и чудотворец, фантастические, наполненные чудесами рассказы о котором относят его жизнь к 1-му веку. Легендарные рассказы об этом пророке чудотворце являются одним из источников христианских легенд об Иисусе.

² Брат Печерин.

*Ах! юность, юность удалая!
Житье в то время было нам,
Когда, погибель презирая,
Мы все делили пополам.*

Братья разбойники.

Cirage anglais, première qualité maison de Londres.

Эта скромная вывеска выставлена была в окне первого этажа небольшого домика в улице *** в городе Льеже.

Кто такой Макналли – это уж вы знаете: это тот самый ирландец, что откомендовал меня капитану Файоту. А кто ж это и К⁰? Никто иной, как ваш смиренный раб и богомалец Владимир Сергеев сын Печерин; сколько мне известно, другого сотрудника или *сообщника* у Макналли не было. Вот на какие хитрости люди поднимаются! Материалы для этой первоклассной Лондонской ваксы покупались на рынке в Льеже, да к тому же еще самые дрянные. Макналли ничего не смыслил в этом деле. Я помогал ему в его химических упражнениях, а он между тем помирал со смеху. «Ха-ха-ха! Как же мы славно надуваем почтенную бельгийскую публику!» Изготовивши несколько бутылок, наполненных какою-то грязью, мы, перекрестясь, отправлялись на промысел, как истые братья-разбойники или *рыцари промышленности*. Не отрицай же теперь, что у меня есть способность к *делам*! Я нес под мышкою бутылку на пробу, как лучший образчик этого драгоценного лондонского продукта, а у Макналли за пазухою было несколько старых бритв, купленных на толкучем рынке, которые он тоже выдавал за настоящие английские. Без малейшей застенчивости мы втирались в самые значительные дома, даже к королевскому прокурору, Monsieur le Procureur du Roi. И мы очень удачно сбывали свой товар. В одном доме ни за что ни про что, вероятно из спекуляции, Макналли вдруг вздумал рекомендовать меня, как; *tranger distingué*³, что даже был профессором. Этот господин так и покатился со смеху: «Ха-ха-ха! вы были профессором?! vous professeur! ха-ха-ха.» – Тут я непременно должен сделать важное физио- и психологическое замечание.

Очевидно, что в самой сущности моего бытия было что-то несовместимое с профессорским званием. Вот этому другое доказательство. Был с нами в Берлине московский англичанин *Колли*: он очень был дружен со всеми членами профессорского института; он тоже никак не хотел верить, что я когда-либо мог быть профессором: «Это невозможно! это немыслимо!» А ведь он славно угадал!

Когда наш промысел шел удачно и мы выручали несколько денег, Макналли обыкновенно потчивал меня чаем а *l'anglaise*⁴, что в Бельгии считалось большою редкостью – это значило «гулять так гулять!» Мы

³ Известный иностранец

⁴ По-английски.

беседовали между тем о наших прошедших трудах и будущих надеждах. Мы перебивались кое-как на все возможные лады. Один француз винопродавец нанял нас на целый день переливать, не из пустого в порожнее, а вино из бочки в бутылки. После этого у меня ужасно как болела голова от винных паров. Но этот торговый промысел не долго продолжался. Макналли вообще не любил оседлого честного труда; ему хотелось приключений и бродяжной жизни; вот он так и покинул меня и пустился искать более романтических ощущений. От этих не очень блистательных занятий я вынес один полезный урок: теперь я знаю по опыту, как бедные люди должны хитрить и перебиваться, чтобы зашибить копейку. Я был истым пролетарием не на словах, не в пышных фразах республиканского оратора, а на самом деле, в чертовой действительности... Все это, разумеется, происходило прежде, чем я окончательно уселся на канаве за письменным столом у капитана Файота.

Наконец я расстался с петушком и нанял себе квартиру на втором этаже, а внизу была кофейня. Мне дали какую-то странную комнату, всю набитую старую мебелью и какими-то фамильными портретами. Я вообразил себя испанским хидальгом⁵, доведенным до крайней бедности неприязненными обстоятельствами, но с истой испанскою гордостью, сохранившим древнюю мебель своего замка и портреты своих знаменитых предков. И действительно, испанский хидальго был в очень стесненных обстоятельствах: когда ему пришлось отдать свою рубашку в мытье, то он несколько дней должен был ходить с плотно застегнутым сюртуком по самое горло, так что даже с помощью микроскопа невозможно было бы открыть ни малейшего следа белья. В этом же маленьком доме остановился маленький живописец-сицилианец с сверкающими глазами и черными как смоль, курчавыми волосами. Он со мною подружился и брал у меня уроки французского языка. – Как будто нарочно нам пришлось читать вместе приключения *Жилблаза*⁶. Иногда во время урока он глядел на меня и помирал со смеху. «Ведь это ваша история!» говорил он. И в самом деле, занятия Жилблаза у Архиепископа Гранадского очень как-то подходили к моей секретарской должности у капитана Файота.

Но тут вдруг – ай! ай! – перелом. Об этом позже. *Довлеет дневи злоба его*. Il faut se faire désirer⁷.

⁵ Испанский дворянин; образ нищего, но гордого хидальго популяризировал Сервантес своим Дон-Кихотом, «хитроумным хидальго из Ламанча».

⁶ Т. е. знаменитый нравоописательный и сатирический роман «История Жиль Блаза» Лесажа (1668–1747); герой его, неунывающий бедняк, приходит в соприкосновение с самыми различными общественными группами, переживает ряд затруднительных положений, но благодаря своей энергии, бедности и остроумию из всех них выходит победителем.

⁷ Надо сделать себя желанным.

IV. ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

О ФЕНОМЕНЕ ЖИЗНИ

посвящается памяти Н.А. Козырева

Знаменитая книга известного физика Эрвина Шрёдингера, озаглавленная «Что такое жизнь?», впервые была издана в 1943 году, а последнее переиздание на русском языке датируется 2018 годом. Хотя история поисков ответа на этот вопрос уходит в античные времена, но краткого ответа на него пока нет, да он, очевидно, и не возможен. Однако за прошедшие десятилетия физики, химики, математики и, конечно, биологи получили много новых свидетельств специфики живого по сравнению с косными, неживыми, системами. Их обобщение и создает «портрет» *жизни* как феномена.

Современный этап развития исследований в этом направлении характеризуется тем, что анализ феномена жизни осуществляется, в основном, с двух позиций: процессы в живых организмах основаны на классических законах физики (например, на законах тяготения, термодинамики) либо – основаны на специфических законах, свойственных только живому. Очевидно, что общность базисных законов природы не исключает особенностей их проявления в условиях специфики биосистемы или механической неживой системы. К их числу, в первую очередь, следует отнести законы термодинамики, определяющие для любой системы *возможность* работы, а также такие *темпоральные характеристики* как *длительность* работы, а также *время существования (продолжительность жизни)*. Признавая справедливость законов термодинамики для всех объектов Вселенной, многие исследователи отмечают специфику проявлений второго начала термодинамики для живых организмов (Шредингер, 1972; Пригожин, 2002 и др.). Среди таковых, прежде всего, отмечается невозможность «тепловой смерти» для живых организмов вследствие стремления биосистем к стабилизации скорости производства энтропии посредством само-организации (Вернадский, 1988; Пригожин, 2002; и др.). Заметим, что множественность возможных определений энтропии для биосистемы подчеркивает и разнообразие путей ее регуляции.

Известно, что с точки зрения термодинамики эволюция биосистем как неустойчивых открытых систем, сопряжена с ростом энтропии (Л. Больцман), обусловленной увеличением интенсивности обмена веществ (принцип Ле Шателье). Однако, этому противоречит весьма небольшая величина энтропии: для организма человека она составляет около 300 энтропийных единиц ($1 \text{ эн.ед.} = 1 \text{ кал/град.моль}$). В чем причина противоречия?

Согласно второму началу термодинамики протекание процессов, идущих с понижением производства энтропии в замкнутых (косных) системах, невозможно. На этом основании сложилось убеждение (Шредингер, 1972; Климонтович, 1996; Пригожин, Стенгерс, 2000), что низкий уровень энтропии у живых организмов обусловлен их «самоорганизацией», возможной лишь благодаря поступлению извне энергии, компенсирующей потери, и организующей ее информации (как негэнтропии, согласно Л. Брюллину).

Однако современные знания о структуре и функциях живых организмов свидетельствуют о существовании у них ряда конкретных механизмов, направленных на снижение роста энтропии.

Одной из характерных черт живого организма, обеспечивающей его относительную независимость от внешних источников энергии, является множество *собственных источников энергии*. Так, энергия выделяется при изменении структуры белка, межмолекулярных взаимодействиях, пищеварении, сокращении мышц и многих других биохимических и физиологических реакциях на уровне клеток, тканей, органов и организма в целом. Большинство структур организма животных и человека, – легкие, сердце, сосуды, печень, мышцы, кожа, пищеварительный тракт и другие, – участвуют в продуцировании энергии. При этом печень дает до 60%, а скелетные мышцы – до 15% общего термогенеза организма. В основном эта энергия идет на образование новых химических соединений, хемо-механические сопряжения в мышцах, процессы обмена веществ и т.д., однако частично химическая и другие виды энергии диссипируют в тепловую. Следовательно, структуры организма *одновременно* играют роль генераторов энергии и диссипативных структур. Динамика этих процессов в клетках и жидкостных средах строго поэтапно регламентируется ферментами, что предотвращает *значительные скачки температуры и роста скорости производства энтропии*. Кроме того, в отличие от механических систем, диссипированная в тепловую энергию рассеивается не только во внешнюю, но и во внутреннюю среду, где она (как энтальпия) *используется* для поддержания температуры тела, активности ферментов, тонуса мышц, возбудимости нервной системы, генеза эмоций. Этим объясняется необходимость *оптимального уровня* производства энтропии для жизнедеятельности.

Морфо-функциональная организация дыхательной, пищеварительной и сердечно-сосудистой систем на уровне организма *обеспечивают направленность и структурированность потоков энергии*, что снижает рост производства энтропии. Этому способствует и активность хемо-, механо- и терморцепторов этих физиологических систем, которые, следовательно, являются *постоянным источником* эндогенной информации (негэнтропии). Поскольку рецепторы структурно взаимосвязаны с чувствительными нейронами, эта периферическая информация поступает в итоге в головной мозг. Его структуры – другой источник эндогенной информации, хранимой в памяти, которая может быть также использована как протектор роста энтропии в организме. Свидетельством тому служат сновидения и галлюцинации как эпизоды памяти, извлекаемые при гипоксии или нервном истощении (вследствие процессов, взаимосвязанных с ростом скорости энтропии).

Наличие эндогенных источников энергии и информации делает понятной другую важную особенность живого организма: *саморегуляцию «меры открытости»* его как термодинамической системы в процессах обмена с окружающей средой энергией, веществом, информацией и временем. Например, терморегуляция в условиях холода приводит к усилению

теплоизоляции, снижению теплоотдачи и уменьшению чувствительности терморцепторов. Следовательно, стремление к гомеостазису как состоянию, близкому к стационарному, сопряжено в данном случае с направленностью функций организма на относительную «замкнутость» или изоляцию организма, что снижает уровень обмена энергией с окружающей средой. Другими примерами снижения уровня взаимодействия с окружающей средой может служить усиление интровертивности у женщин в состоянии беременности, у людей с патологиями внутренних органов или у здоровых людей во сне. Использование энергии, диссипированной в тепловую, для жизнедеятельности организма является одним из конкретных механизмов сопряжения термодинамически необратимых процессов, протекающих с возрастанием скорости производства энтропии, и относительно обратимых, реализуемых при относительно постоянном ее значении. По мнению В. А. Опритова (1998) такое сопряжение является одним из «изобретений» живых организмов, позволяющих обойти «запрет» второго начала термодинамики на самопроизвольное снижение уровня энтропии. На примере известного феномена сопряжения процессов окисления с фосфорилированием у растений при фотосинтезе автор подчеркивает, что для такого сопряжения необходимо соблюдение двух условий: 1) сопрягаемые процессы должны различаться по уровню энергии, чтобы энергия могла перейти от одного процесса к другому; 2) процессы должны иметь общий компонент (-ы) (химический или структурный). Первое условие основано на том, что необратимые процессы, характерные для неустойчивых открытых систем, служат донором энергии для процессов обратимых, собственных открытым системам в состоянии, близком к стационарному. Примеры подобного сопряжения многочисленны на всех структурных уровнях организма животных и человека – от молекулярного до системного. На уровне целостного организма в этом плане интересно сопоставление состояния *гомеостаза* или относительного постоянства внутренней среды и *стресс-реакции* на стрессорное воздействие.

Состояние гомеостаза можно рассматривать как условный аналог стационарного состояния, описанного для открытых неустойчивых термодинамических систем как «норма хаотичности» (Климонтович, 1996). Оно характеризуется варьированием основных параметров жизнедеятельности (температуры, содержания сахара в крови, уровня тревожности и т.п.) в границах их оптимальных значений. Эти границы определяются *геномом* данного организма и, в свою очередь, обуславливают возможности *адаптации* его к воздействиям окружающей среды. Адаптивность врожденных и выученных реакций позволяет сдерживать рост энтропии на *оптимально* стабильном уровне. Так, при повторном воздействии на организм какого-либо фактора окружающей среды из *памяти* извлекаются наиболее адаптивные к нему реакции без дополнительных затрат энергии на их формирование. Это способствует сохранению относительно стабильного уровня гомеостаза организма и оптимального уровня производства энтропии. Следовательно, врожденную («геномную») память, характерную для живых организмов, а также память, формируемую индивидуально в процессе обучения, можно

рассматривать как один из механизмов, обеспечивающих *возможность относительно обратимых процессов* (например, воспоминаний о событиях в прошлом) и их сопряжения с необратимыми (в силу роста скорости производства энтропии) метаболическими, висцеральными и двигательными реакциями.

Адаптивность реакций живого организма на воздействия обуславливает целостность его структур и способствует увеличению продолжительности жизни. Воздействие экзо- или эндогенных стресс-факторов и формирование и реализация ответных адаптивных реакций, требующие затрат энергии, нарушают гомеостазис организма, повышая его термодинамическую неустойчивость. Это отражают характерные для стресс-реакции активация нервной, эндокринной и висцеральных систем организма, повышение уровня обмена веществ и энергии. Регистрируемые при этом повышение температуры тела, рост возбудимости нервной системы и эмоциональные реакции свидетельствуют о росте обобщенной энтропии. Следовательно, термодинамический аспект стресс-ответа организма отражает его соответствие состоянию открытой системы с повышенной неустойчивостью, выполняющего функцию *энергетического донора* прежде всего для механизмов восстановления гомеостазиса. Это соответствует представлениям творца теории стресса Г. Селье (1982) о необходимости стресса (эустресса – стресса без патологий) для поддержания жизнедеятельности биосистем и, с другой стороны, созвучно представлению В.И. Вернадского о том, что эволюция биосферы «питается энтропией» (1988). Соотношение относительно обратимых и необратимых процессов, относительно стационарных и неустойчивых состояний при гомеостазисе и стрессе представлено в таблице I. Эти термодинамически различные процессы/состояния несомненно сопряжены не только структурно, через общие жидкостные среды и физиологические системы, но и функционально. Характерно, что в состоянии, близком к максимально неустойчивому, при стресс-ответе, активируются механизмы структурирования потоков энергии. Это наиболее наглядно в отношении одной из трех регулирующих функции организма систем, нервной.

Таблица I. Сравнительная термодинамическая характеристика функциональных состояний гомеостазиса и стресс-ответа организма

ГОМЕОСТАЗИС	СТРЕСС-ОТВЕТ
состояние, близкое к стационарной открытой системе: минимум роста производства энтропии,	состояние, соответствующее неустойчивой открытой системе: максимум роста производства энтропии
реципиент энергии, накопление энергии	донор энергии, увеличены диссипация энергии и теплоотраживание
преобладают относительно обратимые (в пределах нормы реакции или нормы хаоса) процессы	преобладают необратимые процессы

В эволюции нервной системы прослеживается усиление роли и другого фактора снижения производства энтропии, – *развитие тормозных систем* и увеличение разнообразия тормозных веществ, выделяемых нейронами. На активную роль торможения в организации живого организма как биосистемы, особенно в связи с концентрацией внимания и формированием доминанты, впервые указывал А.А. Ухтомский (Ухтомский, 1966).

Еще одним механизмом снижения энтропии в живых организмах является феномен *асимметрии* (Чернышева, 2003). Хотя структурно-функциональная асимметрия является одним из характерных свойств многоклеточных, но ее энергетическая «выгодность» по сравнению с симметрией была показана и на атомарном уровне (Moller e.a., 2002): при асимметричном делении лучом лазера ядер гелия и фермия энергетический порог ниже, а суммарная кинетическая энергия осколков ядер выше, чем при симметричном. В живых организмах асимметрия как феномен обладает уникальными свойствами. С одной стороны, она повышает неустойчивость организма и, следовательно, его энергетический потенциал, способствуя увеличению уровня производства энтропии, скорости метаболизма, росту возбудимости и сопряженных с ними – сенсорной чувствительности и объема воспринимаемой информации. Последнее, с другой стороны, определяет вклад асимметрии в сдерживание роста энтропии. Этому способствуют и проявления морфо-функциональной асимметрии, описанные для парных структур. Например, межполушарная асимметрия головного мозга животных и человека (Бианки, Филиппова, 1994) заключается в различии не только ряда функций двух полушарий, но и уровня обмена веществ и энтропии. Так, правое полушарие обладает более высоким уровнем обмена веществ и обобщенной энтропии, тогда как левое – более низким (Петухова и др., 1994; Gur e.a. 2002; Andrew, 2002; Чернышева, 2003). Взаимодействие парных структур направлено на снижение энергозатрат как «цены адаптации».

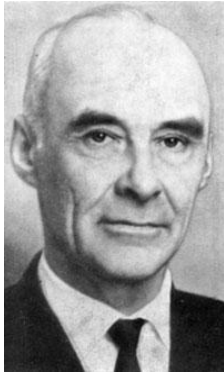
Взаимосвязь асимметрии с регуляцией уровня энергообмена организма подчеркивает усиление ее при стрессе (Чернышева, Ноздрачев, 2006), а также эволюция проявлений морфо-функциональной асимметрии на всех уровнях организации живого. Примером может служить быстрый переход в эволюции плана тела животных от пятилучевой симметрии к трехосевой асимметрии, что отражает процесс адаптации плана тела живых организмов к трехмерному окружающему пространству. Важно, что структурная асимметрия тела совпадает с асимметрией (по темпоральным характеристикам) *временных* процессов, реализуемых в разных плоскостях. Причины такой *временной* асимметрии многочисленны, например, направленное действие гравитации, лево-правая асимметрия внутренних органов. Последняя обуславливает различие кровоснабжения и иннервации левого и правого легких, печени и селезенки, создавая «вращательный момент» эндогенного времени как энергии, предсказанный Н.А.Козыревым. Этому способствует асимметрия локализации разных осцилляторов околосуточных ритмов в тканях латерализованных органов. Способность клеток, тканей, органов и физиологических систем *генерировать временные процессы*, совокупность которых составляет эндогенное (*биологическое*) *время биосистемы*, составляет еще одно важное свойство живых организмов, позволяющее ему адаптироваться к временной

структуре окружающей среды и динамике поступления извне энергии, вещества, информации и времени (Чернышева, 2014).

Итак, перечислим кратко свойства живых организмов, позволяющих им сдерживать рост энтропии и конкретизирующих процессы «саморегуляции» биосистем. Среди них: сопряжение обратимых и необратимых процессов, эндогенные источники энергии, вещества, времени и информации, память, концентрация внимания, доминанта, торможение, структурная и функциональная организация потоков энергии, асимметрия, способность регулировать гомеостазис и степень «открытости» организма как термодинамической неустойчивой открытой системы во взаимодействии с окружающей средой. Они определяют специфику живых организмов и позволяют поддерживать достаточно низкий уровень энтропии по сравнению с другими неустойчивыми открытыми системами, а также быть относительно независимыми от окружающей среды. Можно предположить, что термодинамическая «пластичность» и разнообразие путей «обхода» запрета второго начала термодинамики живыми организмами являются весомыми факторами, определяющими специфику живого. Это позволяет представить живые организмы и сам феномен *жизни* как один из ключевых компонентов механизма упорядочивания потоков энергии и снижения энтропии во Вселенной, дополняющий и противостоящий в этом плане ее неживым структурам. Логично предположить, что относительное «равновесие» и взаимодействие живого и неживого во Вселенной как целостной термодинамической системе может быть одним из факторов, снижающих вероятность ее тепловой смерти.

Литература

- Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука. 1988.
- Климонтович Ю.Л.* Об информации и энтропии в неравновесных системах// Успехи физических наук. 1996. Т.166. N11, P. 1231–1237.
- Опритов В.А.* Энтропия биосистем. // Соросовский образовательный журнал. 1998. №3, С. 61–68.
- Пригожин И, Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Эдиториал УРСС. 2000.
- Селье Г.* Стресс без дистресса. М. 1982.
- Страхов Н. Н.* Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб. 1886
- Ухтомский А.А.* Доминанта. М.: Наука. 1966.
- Чернышева М. П.* *Временная структура биосистем и биологическое время.* СПб, 2014: «Написано пером». 296 с.
- Чернышева М.П., Ноздрачев А.Д.* Гормональный фактор формирования свойств пространства и времени внутренней среды организма. СПб: Наука. 2006.
- Шредингер Э.* Что такое жизнь? М. 1972.
- Moller P., Madland D.G., Sierk A.J., Iwamoto A.* Nuclear fission modes a fragment mass asymmetries in a five-dimensional deformation space. // Nature. 2001. Vol. 409. N6822, P. 785–790.

ПРИЛОЖЕНИЕ (из Википедии): Трагическая судьба ученого в СССР

Николай Александрович Козырев родился 2 сентября 1908г. в Петербурге, в дворянской семье. В 1928 году окончил физико-математический факультет Ленинградского университета, был принят аспирантом в Главную астрономическую обсерваторию СССР в Пулково. По окончании аспирантуры (1931) зачислен в штат обсерватории специалистом первого разряда. Параллельно с работой в обсерватории читал лекции по Теории относительности в Ленинградском пед. институте. 8 марта 1936 года Н. А. Козырев был уволен из Пулковской обсерватории, 7 ноября 1936 года был арестован, а 25 мая 1937 года осуждён в связи с «Пулковским делом» на десять лет тюремного заключения. По словам Сергея Довлатова «Обвиняли его в попытке угнать реку Волгу. То есть, буквально угнать из России – на Запад. Козырев потом рассказывал: „...когда сформулировали обвинение, я рассмеялся. Зато когда объявляли приговор... было не до смеха“». Его мать и сёстры были отправлены в ссылку. Им предложили отказаться от сына и брата в обмен на невысылку: они этого не сделали; как и жена, оказавшаяся в сибирских лагерях.

Н. А. Козырев отбывал заключение в тюрьме города Дмитровск-Орловский, затем в Норильске и Дудинке. Весной 1940-го расконвоирован, а в декабре назначен начальником мерзлотной станции. 25 января 1941 года, якобы за враждебную агитацию среди заключённых, осуждён повторно, ещё на десять лет лишения свободы. Со слов Н. А. Козырева некоторые обвинения звучали следующим образом: *считает Есенина хорошим поэтом... не согласен с Энгельсом, что Ньютон – осёл ...* и т.д. Верховным судом РСФСР это судебное решение было пересмотрено, и Козырев был приговорён к «высшей мере наказания», но вскоре Верховный суд СССР вернул прежнее решение. 14 декабря 1946 года по ходатайству коллег-астрономов освобождён условно-досрочно, как талантливый учёный, а 21 февраля 1958 года реабилитирован.

10 марта 1947 года защитил докторскую диссертацию на тему «Теория внутреннего строения звезд как основа исследования природы звездной энергии». Оппонентами по диссертации выступили чл.-кор. АН СССР В. А. Амбарцумян, проф. К. Ф. Огородников и проф. А. И. Лебединский.

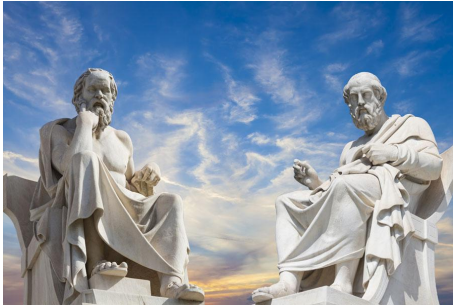
До 1958 года работал в Крымской астрофизической обсерватории, затем – в Пулковской обсерватории. В 1958 году написал небольшую книгу «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении», фактически ставшую продолжением его докторской диссертации, где обобщённо изложил свою **теорию времени**. Несмотря на признание теории ошибочной, обсуждение её продолжается до сих пор.

В 1979 году Козырев был уволен по сокращению штатов, оставшись без заработка и без пенсии, пока через несколько месяцев не принял нештатную должность консультанта. Умер Н. А. Козырев 27 февраля 1983 года, похоронен на Кладбище Пулковской обсерватории.

А. В. Осипов

***ФИЛОСОФИЯ и
РЕВОЛЮЦИЯ***

Глава 1. Записка Тютчева

*2-ой демон: На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушение усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.
М.Ю. Лермонтов. Пир Асмодея*

Среди бесконечного множества политических текстов последних двух столетий резко выделяются два противоположно направленных документа. Один из них был мало распространен в девятнадцатом веке в России из-за цензуры, но стал очень популярен в веке двадцатом. Это Манифест Коммунистической партии. Другому документу повезло гораздо меньше, он остался практически незамеченным за эти два столетия. Это статья Ф.И. Тютчева «Россия и революция». Это даже не статья, а записка, адресованная узкому кругу лиц, и уж тем более не предназначенная для чтения в советское время.

Первый документ опубликован в конце февраля 1848 года, второй был написан через полтора месяца после первого.

Оба документа впечатляют. Первый – своим жестким прогнозом.

Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

Второй – пониманием вызова и пониманием масштаба этого вызова.

Для уяснения сущности огромного потрясения, охватившего ныне Европу, вот что следовало бы себе сказать. Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества.

Оба документа недооценены до сих пор. Что касается записки Тютчева, то это понятно, она была малоизвестна. Опубликована она была в открытой печати лишь после его смерти в 1873 году, но и тогда не вызвала резонанса.

Манифест же столько раз подвергался препарированию, анализу, сравнанию; так подробно изучены все мелкие обстоятельства, сопровождавшие его создание, что, казалось бы, ничего не упущено. И тем не менее, партийные пристрастия апологетов и противников документа, слишком яркая и пафосная фразеология существенно запутывают дело. Остается много вопросов. Например, связанных с понятием так называемого пролетарского самосознания, ибо лица, призванные осуществлять диктатуру пролетариата после вхождения во власть, сами перестают быть пролетариями и даже очень легко разворачиваются в совершенно противоположном направлении.

Или относящихся к слову «неизбежность». Что делать? Смириться ли перед роковым течением событий или надо оказать сопротивление? Неизбежна ли эта неизбежность в самом мрачном варианте или можно смягчить удар? Или эта неизбежность внушенная?

Не в глупостях коммунизма заключается его сила; она лежит в вызываемом им убеждении, что положение может быть улучшено не доброю волей имущих классов, но только полным уничтожением всего существующего. И поистине, великую несправедливость относительно всего человеческого общества совершает тот, кто развивает и питает это убеждение.

Лоренц фон Штейн. 1850-е

Лоренц фон Штейн считает, что неизбежности нет, но она появится, если в нее поверят. Поскольку весь мир – театр, то в нем и действуют законы театра. И, следовательно, если в первом акте на стене висит топор, то, наверное, в третьем акте этот топор будет сечь головы *как берёзовые купола в лесной обители...* Театральные намеки имеют свойство реализовываться в самом театрализованном виде. А навязанные прогнозы сбываться.

С. С. Уваров, похоже, тоже верит в неизбежность, но пишет, что ему хотелось бы оттянуть ее хотя бы на пятьдесят-шестьдесят лет. В том же году он приглашает к себе в имение «Поречье» историков, чтобы поговорить о переходных эпохах в истории человечества. К сожалению, из этого проекта история сохранила лишь эмоциональное введение Тимофея Николаевича Грановского к лекции с тем же названием. Таким образом, вопрос остался открытым: как назвать происходящие в 1848 году события? Революцией, фазовым переходом или метаморфозом? А если это метаморфоз, то какова цель Создателя? Зачем из жирной гусеницы делать порхающую красоту? И каковы причины этого превращения? Устраивает ли нас то объяснение, что гусеница уже не может, а бабочка не хочет жить по-старому?

Нас интересует существование другой причины, более высокого статуса. О чем пишет Тютчев в своем экспромте:

*С горы, скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? никто не знает ныне –
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею чужой?*

О пролетарском характере революции

Тютчев ни разу нигде не обмолвился ни о Коммунистическом манифесте, ни о пролетариате. Он говорил о Революции как о некотором явлении общего характера, независимо от конкретных причин, обстоятельств и движущих сил. Может быть, он не хотел афишировать этот текст? В какой-то степени – это верно.

Пролетариат – термин, оформившийся более или менее точно лишь незадолго до появления Манифеста, а до этого имевший целый спектр значений: от обозначения тех, кто не имеет имущества для взимания налога, до ищущих работу, чтобы прокормиться. Для русского уха пролетарий – это прежде всего безземельный, бесприютный, бездомный. Накопленная критическая масса пролетариата в стране создает мощный взрывной потенциал. Об этом было известно задолго до появления Манифеста.

Безумная мятежная толпа есть злейший враг свободы; она порождает и поддерживает тиранию. Иногда она яростно сокрушает тиранию, – но лишь для того, чтобы тотчас же восстановить ее в иной форме.

Томас Мальтус. Опыт закона о народонаселении. 1798

Конечно, этот феномен знали и Екатерина Великая и ее внуки. Александр I, путешествуя по стране, обращал внимание спутников на крестьян в небольших городах, живущих как бомжи в ожидании возможной работы. Осторожную политику вели Александр и Николай Павловичи, осознавая большой риск, связанный с появлением потенциального пролетариата. В частности, благодаря экономической политике министра финансов того времени Егора Францевича Канкрин в России образовалось достаточное количество рабочих мест, из-за чего освобождение крестьян произошло сравнительно спокойно. (В то время как в США отмена рабства стоила полумиллиона жизней американцев и такого же количества искалеченных.)

Безземельные, а в промышленно развитых странах и безработные, составляли мобильную, легко воспламеняющуюся смесь. Поэтому мы читаем в трактате Джона Рёскина «Последнему, что и первому» (1860) пассаж, который не всем нравится. Рёскин предполагает выполнение, в частности, следующего правила:

Чтоб любой человек, безразлично мужчина, женщина, девушка или парень, оставшийся без работы, был обязательно принят на ближайшую государственную фабрику и снабжен той работой, к которой он по надлежащему испытанию окажется наиболее пригодным, получая определенную плату, установленную на целый год. Если человек оказывается неспособным к труду по незнанию, то он должен быть обучен какому-нибудь ремеслу, если по болезни, то ему должна быть предоставлена медицинская помощь; если же он просто отказывается от работы, то его следует строго принудить к самым мучительным и унижительным ее формам,

преимущественно в рудниках и т. п. местах, где труд сопряжен с наибольшей опасностью (хотя эта опасность должна быть доведена до минимума путем тщательного регулирования и дисциплины), но, за вычетом расходов по содержанию, вся плата должна быть в распоряжении работника, как только он придет к более здоровым понятиям относительно законов труда.

Отчасти Рёскин был сторонником идей Лоренца фон Штейна и много сделал для того, чтобы претворить его идеи в жизнь. Однако заявление все-таки не очень приятное. Оно подверглось резкой критике со стороны передовой, прогрессивной общественности. Но и после критики Рёскин настаивает на нем. Он как настоящий англичанин, знакомый с пролетариатом не только по трудам английских социологов, но и по жизненному опыту, понимает, что это взрывчатое вещество, количество которого может достичь критического уровня и тогда мало не покажется.

Чтобы уменьшить массу взрывчатого вещества, нужно было думать о многих вещах: о крестьянских наделах, о занятости и зарплатах рабочих, о войнах и колоссальном обогащении одних за счет военных заказов и обеднении других и так далее и тому подобное. Но проблемы нарастали – и в начале двадцатого века не только Англия, но и многие страны находились уже в воспаленном состоянии. В частности, и Россия. Когда у человека повышена температура, не рекомендуется делать операции. Аналогичная ситуация с социальным организмом. Стране как воздух нужны были хотя бы несколько лет покоя внутреннего и внешнего. Тем не менее смелые люди, которым обстоятельства как раз и доверили обеспечить стране это самое спокойствие, не нашли ничего лучшего, как создавать ту самую взрывчатую массу под флагом реформаторства. Я имею в виду аграрные реформы и, в частности, большое переселение крестьян. Бодрые прокламационные описания тех, кто лишь абстрактно представляет себе, что такое Сибирь и целена, как-то диссонируют с рассказами о реальном положении дел переселенцев. Считается, что вернулось «только» 18 процентов переселенцев. Но это немалое число. Многие из тех, кто вернулся, как и из тех, кто вернуться не смог, составили значительную часть пролетарской массы. Устранение общины и жесткие репрессивные меры относительно крестьян существенно «подсушили» этот взрывчатый состав. Так мы думаем. Другие думают иначе.

Не будем заводить спор. Отметим только, что еще за несколько десятилетий до этого проблемы пролетарской революции казались совсем далекими и не касающимися России.

Сказанное о пролетариате, социализме и коммунизме, очевидно, не имеет прямого отношения к нашему отечеству.

Несмотря на недавнее и несомненно благотворное умножение фабрик в плохих земельных местностях, например, около Москвы, Ярославля и т.д., у нас нет рабочих, некапиталистов – не собственников, как показывает слово: крестьянин – собственник. Мы указывали на логическую и практическую несостоятельность социалистических идей только потому, что идеи эти, вызванные на Западе возрастающей массой пролетариата, с некоторых пор

очевидно проникают к нам, у которых пролетария, то есть человека, привязанного к известной машине или форме труда, нет даже в зародыше. Наш труд вполне свободен, и никакой капитал не в силах предложить ему альтернативу минимит'а вознаграждения или голодной смерти. Поэтому мы прямо объявляем всякие толки об угнетении у нас труда капиталом не только несправедливыми, но, что гораздо хуже, бессмысленными. Надо быть слишком мало сообразительным, чтобы поверить, что в громадной стране с безлюдными плодоносными окраинами, изрезанной железными дорогами, можно было частному предпринимателю удержать рабочего к явной невыгоде последнего.

Афанасий Фет. Наша интеллигенция. 1878

Похоже, что Афанасий Фет не читал Манифест Коммунистической партии:

Если феодалы доказывают, что их способ эксплуатации был иного рода, чем буржуазная эксплуатация, то они забывают только, что они эксплуатировали при совершенно других, теперь уже отживших, обстоятельствах и условиях.

Теперь вернемся назад, во времена, которые были названы «Весной народов».

Манифест на манифест

Волна восстаний, прокатившаяся по странам Европы в 1848 году, внешне мало отличалась от предыдущих революций, в некоторых случаях выступления были даже слабее аналогичных выступлений тридцатых годов. Новой окраски, новых символов не было заметно. Марсельеза была написана еще в период Великой революции, картина «Свобода на баррикадах» Эжена Делакруа – в тридцатом году. Все лозунги известны.

И все-таки один новый символ появился. Но сначала простая хронология: 21 февраля – день, обозначенный в истории как день первой публикации Манифеста Коммунистической партии. Но в Лондоне. А в Париже еще 22 февраля казалось, что все под контролем властей. Войска выстроились вдоль бульваров и на площади Св. Магдалины. Всего 37 тысяч парижского гарнизона. Толпа понемногу строила баррикады, пела Марсельезу, но кровь пролилась только на следующий день, после чего события стали развиваться по классическому сценарию. 23 февраля – отставка Франсуа Гизо – либерала-консерватора. Как и полагается, часть гвардии перешла на сторону народа, после чего была создана легенда о том, что капитан роты гвардейцев, проникшей в Тюильри, вырезал на троне слова:

Парижский народ всей Европе: Свобода, Равенство, Братство!

24 февраля 1848 года

После этого трон был сожжен.

Одно внешне малозаметное, но вполне существенное отличие от предыдущих революций все-таки было: она была хорошо организована. Наверное, впервые это была Революция с большой буквы, мощное, серьезное явление. И, естественно, власти России отреагировали на него. Еще до записки Тютчева, 14 марта был опубликован Высочайший манифест. Он короткий, и мы приведем его текст полностью.

После благословений долголетнего мира, запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства.

Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости Правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в бешунии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России.

Но да не будет так!

По заветному примеру наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашею Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших.

Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный Наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предудажет нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем:

С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!

Смуты эти продолжались долго, обостряясь каждую весну. И некоторые выражения этого манифеста своеобразным образом повторились через два года в стихотворении Тютчева:

*Уж третий год беснуются языки,
Вот и весна – и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.
В раздумье тяжком князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской –
Мечты людей, как сны больного, дики.
Но с нами бог! Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина, –
Но твоего не помutilа зрака!..
Ветр свирепел. Но... «Да не будет тако!» –
Ты рек, – и вспять отхлынула волна.
Между 1 и 6 марта 1850*

И все-таки о Революции

Мы говорим не о научно-технической, демографической или о промышленной революции, а о революции социальной. И не о пролетарской революции, и не о той, о которой говорят философы, историки и всякие другие ученые. Нас интересует, как это слово отражено в народной речи, какие свойства при этом выделяются и как это обрабатывает поэтический гений.

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.*

Чума – это аллегория, предлагаемая Карлейлем в описании Французской революции, которую сопровождает «безбожный пир, безбожные безумцы!» Сталкиваются охранительный инстинкт и стихия. Две культуры, два мироощущения. Одно из них: *Буря! пусть сильнее грянет буря!*

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.*

*Итак, – хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы
И девы-розы пьем дыханье, –
Быть может... полное Чумы!*

Между этими стихами – несколько месяцев. Или, быть может, дней. Появилась поэзия людей, которые «перестали бояться». Это люди могучей стихии, люди передовые, люди будущего, люди гражданской активности.

И как антитела в крови, так и в организме общества появились люди, которых стали называть охранителями, а затем и реакционерами, и ретроgrадами. Это трусливые гагары, которым недоступно наслаждение битвой жизни. Эпиграммы и пародии на них были в моде.

*В каком-то мрачном полусвете
И недовольный сам собой,
Один, в роскошном кабинете
Сидит Уваров молодой
Не может скрыть своей печали,
Он думой тяжкою томим
Столбцы и грамоты, медали
Лежат раскинуты пред ним.
.....
Но кубок горя и несчастья
Я не допил еще до дна,
Как туча черная ненастья
Висит над родиной она.*

*Я зрю: настанет скоро время,
Надежды сгинут все мои!
Один нести я буду бремя:
Все онемечутся они!*

*....
И не вотще мои мученья:
Увы! От Фонов нет спасенья!
Не защитит России слава!
Погибнет Русская держава!*

*М.Мордвинов. Первый плач Уварова
(Архив А.В. Никитенко)*

Появились «Бесы» Достоевского, но почти одновременно стали модными слова «Буревестник» и «Ледоход». Противостояние стало нарастать, и было много людей, которые понимали, что происходит. Более того, если можно было бы представить, что сработала машина времени и появился человек, который стал бы рассказывать, к каким ужасным последствиям приведет революция, его бы слушали, но это ничего не изменило бы. Даже если бы и поверили, что он из будущего. Революция – самостоятельное явление, стихия, аравийский ураган. Она захватывает, и все пророки смешны со своими предупреждениями, как старый священник, старающийся усостыжить Вальсингама.

Революция как инструмент русофобии (или наоборот)

Через несколько дней после опубликования царского манифеста последовал комментарий, напечатанный в «Journal de St. Petersburg» – официальном печатном органе Министерства иностранных дел России, который долгое время курировал С. С. Уваров. Этот комментарий обращает внимание на обострение русофобской волны, поднятой во время «Весны народов».

Мы на днях сообщили Высочайший Манифест, изданный по случаю смут, волнующих ныне Западную Европу. Всякий верноподданный Царя, конечно, понял значение сего Манифеста. Это возглас веры, возглас отечества, нам сродный язык, которым Русские Цари во дни испытания обыкновенно зывают к своему народу. Но за границей, как действия, так и объявления нашего Правительства перетолковываются совершенно в превратном смысле, и потому мы считаем не излишним войти в некоторые объяснения, дабы предупредить те ложные заключения, которые иностранцы вздумали бы выводить из означенного Манифеста.

Весьма заблуждались бы те, которые полагали бы, что в этом Манифесте заключается что-либо, могущее возбудить опасения касательно нарушения мира. Ничего подобного нет в помыслах нашего Правительства. Но при неприязненных чувствах, явно возбуждаемых против нас за границу, ничего не могло быть естественнее воззвания Царя к русским сердцам. В

самом деле, не токмо во Франции, где даже власти принимают участие в замыслах польских выходцев, но в Венгрии, в Пруссии и в Германии везде раздавались враждебные против России клики. Эти клики повторяемы были в публичных совещаниях разных сословий, в представительных собраниях, даже в полуофициальных газетах. Правительствам, кои низвергнуты или преобразованы были мятежом, ставили в вину, что они находились в дружественных сношениях с нашим Двором. Лишь только узнали о событиях, имевших последствием провозглашение республики во Франции, нам тотчас стали приписывать воинственные замыслы. Громогласно отвергали союз с Россиею, тогда, когда не могли даже знать, намерены ли мы проливать кровь свою за чуждые нам распри. Россию старались представлять каким-то страшилищем. Тогда как мы никому не думали грозить, стали угрожать нам самим, как бы желая тем предупредить всякое со стороны нашей вмешательство.

Мы только можем удивляться подобным изъяснениям; ибо мы не помним, чтобы в наш век, Россия когда-либо нарушила права Германии, или в чем-либо посягнула на ее независимость.

Достопамятные события 1812 года свидетельствуют о том, с чьей стороны предпринято было неприязненное нападение; история указывает в пользу или во вред германским народам послужило участие, тогда принятое нами в их делах.

Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни в Германии, ни во Франции, Россия не намерена вмешиваться в правительственные преобразования, которые уже совершились, или же могли бы еще последовать. Россия не помышляет о нападении: она желает мира, нужного ей, чтоб спокойно заниматься постепенным развитием внутреннего своего благосостояния.

Пусть народы Запада ищут в революциях того немногого благополучия, за которым они гоняются. Пусть каждый из этих народов по своему произволу избирает тот образ правления, который признает наиболее себе свойственным. Россия, спокойно взирая на таковые попытки, не примет в них участия, не будет противиться оным; она не позавидует участи сих народов даже и в том случае, если бы и действительно из недр безначалия и беспорядков возникла наконец для них лучшая будущность.

Что касается до России, то она спокойно ожидает дальнейшего развития общественного своего быта как от времени, так и от мудрой заботливости своих Царей.

Всякое общественное устройство, всевозможные, даже самые усовершенствованные формы правления, имеют свои недостатки. Зная это, Россия почитает первым для себя благом неизблемость существующего в оной законного порядка; так как без этого не может существовать ни политического могущества вне государства, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народного богатства внутри оного, то Россия не попустит, чтоб поколебали благонадежные и прочные ее установления, столь для нее драгоценные. Она не потерпит, чтоб чужеземные возмутители раздували в пределах ее пламя мятежа; чтоб под предлогом

восстановления исчезнувших народностей, покусились бы отторгнуть какую-либо из частей, составляющих в совокупности своей целость и единство Империи.

Если же наконец из хаоса всех возбужденных вопросов о взаимных правах, всех противоположных стремлений суждено возникнуть войне, то Россия в свое время рассматривает, соответственно или нет ее выгодам, вмешаться и до какой именно степени, в распри между тем и тем государством, тем и тем народом.

Но, она не упустит из виду того распределения границ между государствами, тех взаимных прав владения, кои освящены ее ручательством и решительно не потерпит, чтобы в случае изменения политического равновесия и иного какого-либо распределения областей, подобное изменение обратилось бы к ущербу Империи.

Дотоле она будет соблюдать строгий нейтралитет. Не предпринимая никаких неприязненных действий, она будет бдительным оком следить за ходом событий. Одним словом: Россия не станет нападать ни на кого, если только на нас самих нападать не будут; она строго воздержится от всякого посягательства на независимость и неприкосновенность соседственных областей, если и соседственные области со своей стороны не посягнут на собственную ее неприкосновенность и независимость.

Как тут не вспомнить Федора Ивановича:

*Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток, –
О, как поймут тогда значенье
Великодушных этих строк!*

Ф. И. Тютчев. По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в «Journal de St. Petersburg».

Похоже, что и приведенный комментарий полностью отражает позицию Тютчева.

Здесь следует отметить, во-первых, констатацию факта существования «неприязненных чувств, явно возбуждаемых против нас за границу». Такое отношение существовало всегда, и в средневековые времена, и во времена новейшей истории, независимо от формата власти. Это общее место, часто обсуждаемое в публицистике, и существует множество объяснений устойчивости такой политики. Но вряд ли этот известный факт стал бы темой комментария к Манифесту, если бы не очевидное обострение этого отношения в сороковые и пятидесятые годы – как раз перед Крымской войной.

Существует много описаний и объяснений этого обострения, и мы добавим к ним еще одно.

Заметим, что обсуждаемое время отмечено появлением на сцене еще одного важного персонажа – теории Дарвина. Конечно, нас при этом интересует не строение костей обезьяны, а социальный дарвинизм, который расцвел в это

время на почве, хорошо удобренной колониальной политикой «цивилизованных стран». Из книги самого Чарльза Дарвина «Происхождение человека и половой подбор», опубликованной в 1871 году, мы сможем многое узнать о противопоставлении цивилизованных и варварских народов. На этой почве распространилось представление о варварских народах, которые поедают своих сородичей и делают всякие другие гадости. Соответственно, авторитет Дарвина позволил ему делать наивные заключения, оформляя их научно-образным рассуждением.

Человек накапливает собственность и передает ее своим детям, так что дети богачей обладают преимуществами над бедняками того же племени, независимо от телесного или душевного превосходства. С другой стороны, дети недолговечных родителей, стало быть, в среднем отличающиеся недостаточным здоровьем и крепостью, раньше приобретают возможность распоряжаться имуществом, нежели другие дети, и, по всей вероятности, раньше женятся и оставляют более многочисленное потомство, могущее унаследовать более слабое телосложение. Но наследование собственности само по себе далеко не составляет зла; действительно, без накопления капитала, искусства не могли бы прогрессировать: а они-то главным образом позволили цивилизованным расам распространиться и теперь еще повсюду распространять свои пределы, вытесняя низшие племена.

Чарльз Дарвин. Происхождение человека и половой подбор

Цивилизация показала себя при покорении Америки, Индии, в опиумных войнах в Китае – в самых разных частях света. И каждый раз, благословляя колониальные походы, парламенты и правительства западных стран провозглашали поход цивилизации против варварства. Не столько книга Дарвина произвела воздействие, сколько общее состояние умов стимулировало появление книги. Впрочем, книга Дарвина была, разумеется, не единственным трактатом такого рода.

Любая колониальная экспедиция объявлялась священной войной против варварства. Так оформлялась британским парламентом и Восточная война против России. Русский человек и до, и после Восточной войны постоянно сталкивался с этим эффектом, поэтому настороженно и неприязненно воспринимает всякую демонстрацию подобного рода. Тем более, когда эта демонстрация происходит от самого что ни есть русского человека.

А мы? Что такое мы, русские? Не будем обманывать себя; постараемся понять, каким взглядом должны смотреть на нас поляки и даже вообще европейцы. Они до сих пор не причисляют нас к своей заповедной семье, несмотря на наши усилия примкнуть к ней. Наша история совершалась отдельно; мы не разделяли с Европой ни ее судеб, ни ее развития. Наша нынешняя цивилизация, наша наука, литература и пр. – все это едва имеет историю, все это недавно и бледно, как запоздалое и усиленное подражание. Мы не можем похвалиться нашим развитием и не смеем ставить себя наряду с другими, более счастливыми племенами. Так на нас смотрят, и мы сами чувствуем, что много справедливого в этом взгляде.

...

И потому, на нашу похвалу нашему государству нам могут отвечать так: никто не спорит, что вы варвары, подающие большие надежды, но, тем не менее, вы все-таки варвары.

Н.Н. Страхов. Роковой вопрос. 1863

Эти пассажи тем более оскорбительны, что в тот момент были живы еще многие, помнившие пожары Москвы и Смоленска. Те, кто мог бы сопоставить разграбление церквей и усадеб России и въезд варваров в Париж 31 марта 1814 года.

Однако, с другой стороны, помимо колониального инстинкта появились уже другие критерии разделения мира на цивилизацию и варварство.

Война в Дании, война в Италии и война – в больших масштабах, чем где-либо – в Венгрии – конфликты, каждого из которых в теперешние времена, столь роковые для всех существующих властей, хватило бы, чтобы вызвать европейскую войну. И эта война начнется, она должна разразиться. Она расколется Европу на два военных лагеря не по национальной принадлежности и племенным симпатиям, а по уровню цивилизации: на одной стороне революция, на другой – коалиция всех отживших сословных групп и интересов; на одной стороне цивилизация, на другой – варварство. И несмотря на все испытания, победа не вызывает сомнения.

Ф. Энгельс. 2 марта 1849

Что ж! Понятие цивилизации постепенно превращается в слово-плетку, теряя свое предполагаемое значение, как и многие иностранные слова. Может быть, лучше использовать выражение «термин-маска». Термин, который используют для того, чтобы замаскировать какие-то более простые инстинкты.

Но оставим все эти интересные и достаточно острые вопросы. Мы о них поговорим в отдельных главах. Вернемся к тексту записки Тютчева. Ее второй абзац не менее силён, чем первый.

О самоотречении и самопожертвовании

Прежде всего Россия – христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего – враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления – все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром. Кто этого не понимает, тот уже в течение шестидесяти лет присутствует на разыгрывающемся в мире спектакле в качестве слепого зрителя.

В этом абзаце два тезиса. Во-первых, Тютчев выделяет два близких друг к

другу качества русского народа, по сути одно свойство, – способность к самоотречению и самопожертвованию. Из всех слов, которые пытаются приложить к русскому человеку, рассуждая о русской идее, это, наверное, самое точное попадание. И при этом еще не было обороны Севастополя, не было Шипки, крейсера Варяг, не было Брестской крепости и Сталинграда.

В бескрайнем море общественного мнения существует мощное течение, воспринимающее это свойство как недостаток, а его выделение, подчеркивание – как «скользкий путь», куда толкают народ, который должен принести себя в жертву. Это течение особенно проявилось в последние десятилетия, когда со снятием цензуры появилась возможность трактовать по-своему ход событий Великой Отечественной войны. «Варварство» русского человека проявилось особенно сильно в ходе этой войны.

Однако заметим, что Тютчев говорит не о тех свойствах, которые вымучивают пропагандисты. Хорошее свойство или плохое, но оно характеристическое и его существование является просто «физиологическим фактом». Конечно, в той или иной степени, в тех или иных обстоятельствах оно может проявляться не только в русской истории. Мифы и аллегории, посвященные таким проявлениям, достаточно разнообразны. Это и римская легенда о Муции Сцеволе, и библейский рассказ об Аврааме, приносящем в жертву Богу своего сына. Символической реализацией этой аллегории было создание легенды о том, что Раевский в одну из атак увлек своих сыновей (что, впрочем, вполне правдоподобно).

Можно было бы долго обсуждать эту тему, но наш век, отупевший от «рассудочных силлогизмов», вряд ли можно будет переубедить библейскими историями. Рассудочный век не поймет, что способность к самопожертвованию и самоотвержению – не цель и не средство. Это просто черта характера народа.

Что касается «антихристианского духа» всякой революции, то проявления это духа столь яркие и столь известны, что напоминания излишни. И это действительно сущностное, отличительное свойство. «Но озлобленное сердце никогда не заблудится». Революционизирование масс, настрой на озлобление, на выращивание протестной энергии – это правило революции. Безбожный пир, безбожные безумцы.

Величайшая решительность, величайшая энергия, немедленное использование всякого подходящего момента, немедленное разжигание революционной страсти толпы, направление ее на более решительные и самые решительные действия – таков первейший долг революционера.

Ленин В.И. Задачи отрядов революционной армии. 1905

Не Столыпин и не Первая мировая война – главные враги революционера. Главный враг – мягкотелость и слабохарактерность народа, вставшего на путь борьбы с властью. Недаром Владимир Ильич Ленин посвятил три своих обширных статьи Льву Толстому. Но это проблема не только русской революции.

*Когда же битва началась,
Остались вы верны себе:*

*Хватали за руки вы нас,
Пытались помешать борьбе.
«Назад, назад! – вопили вы,
И подняли трусливый вой; –
Зачем стрелять? Зачем стрелять?
Нам страшен дым пороховой!
Назад! Еще ведь время есть,
Возможность есть, возможность есть,
Бежать домой, бежать домой
И тихо возле печки сесть!
Уж лучше пусть нагайка бьет,
Чем сабля голову снесет.
Домой скорее, ибо кнут –
Не сабля, до смерти не бьет!»
Шандор Петефи. Консерваторы.*

Впрочем, ...

Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения.

Манифест Коммунистической партии

О самовластии

Человеческое я, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое я, заменяющее собой Бога, конечно же, не является чем-то новым среди людей; новым становится самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом. Это новшество и получило в 1789 году имя Французской революции.

Очень многие смыслы слов, относящихся к государственному строительству, политическому и общественному праву, управлению страной, описанию общественно политических формаций, раздваиваются. При этом обычно присоединяется негативная коннотация, которая впоследствии и становится доминирующей. Например, выражение «разделяй и властвуй!» («divide et impera») вполне себе нормальное. Империя должна быть разделена на области, в каждой из которых управляет губернатор. Расходы и доходы страны должны быть разделены по отраслям и т.д.

В средние века стал сознательно осуществляться макиавеллиевский принцип государственной власти, согласно которому лучший метод управления разноплеменным государством – разжигание национальной розни между народностями. Это и проявилось на Балканах и на территории, которая позже стала Австро-Венгрией, а в средние века находилась долгое время под властью Османской империи.

Другое выражение: «государство – это я». Оно появилось в эпоху просвещения, как и похожие формулы и обороты речи. (Например,

«общественный договор».) Это выражение подчеркивает отказ от пассивной роли гражданина в своей стране. Негативный же смысл хорошо известен.

Раздваивается слово «самодержавие», означающее страну, которая самостоятельна, «сама держится», в отличие от стран, нуждающихся в покровительстве.

Раздваивается и слово «самовластье». Тютчев указывает, что означает его «самовластье». То же самое понимание скрыто в стихотворении, посвященном декабристам («Вас развратило самовластье»).

Рассудочные силлогизмы не дают возможность нам понять, что такое «власть от Бога» и мы строим власть либо подражанием, либо своими умозрениями, удивляясь потом, как быстро эта искусственно построенная власть нам надоедает. Умозрительными построениями полны трактаты Гоббса и Локка, энциклопедистов и Монтескье, Радищева и Пестеля. Может показаться, что мы умозрительность в политике или социологии рассматриваем как обвинение, но нет, мы и в этом случае хотим отдать ей должное. Умозрительные модели, умозрительные рассуждения нужны, без них невозможны серьезные обсуждения живого процесса, с них начинается поиск стратегии решения той или иной социальной задачи. Все бы ничего, пока эти умозрения остаются на бумаге или в умах конструкторов. И «Русская правда» Павла Пестеля могла бы быть основой для обсуждения, там есть, что обсуждать. Но когда она предлагается как программа революционных преобразований, то становится не по себе.

Бывают блестящие идеи, которые быстро тускнеют при своем осуществлении и становятся даже мрачными или злоецими. Каждый знает и множество теорий, обещающих обновление, созидание и прогресс, а при своем приложении оказавшихся мертвящими и разрушительными. Еще более таких «практических» проектов, которые манят творческой активностью, на деле же получается, что это – вздорные фантазии, вносящие хаос и ужас. И бесконечно количество этих страшных и мучительных контрастов, терзающих и калечащих всю человеческую историю. Только сама жизнь дает истинную, этически-фактическую ценность нашим замыслам, которые оправдываются ею и в свою очередь сообщают всякой феноменальной реальности внутреннюю устойчивость и принципиальное достоинство.

Н.Н. Глубоковский. Святой апостол Лука – евангелист и деесписатель. 1932

Это живой процесс: жизнь разрушает умозрительные замки, но тем не менее человек – так уж он устроен – снова их воздвигает в еще большем количестве.

Тютчев – гений формул. Очень точные и порой неожиданные формулировки, которые, как нам представляется, вполне оправдываются опытами быстротекущей жизни. Но мы пропустим возможность прокомментировать их и перейдем к практической истории – к событиям, непосредственно следовавшим за февральской революцией. И к ключевому событию – венгерской революции, о которой речь идет в самом конце записки.

Из всех врагов России Венгрия, возможно, ненавидит ее особенно яростно. Магьярский народ, самым странным образом соединивший

революционный пыл с дикостью азиатской орды (о нем можно сказать столь же справедливо, как и о турках, что он лишь временно разбил свой лагерь в Европе), пребывает в окружении славянских племен, одинаково ему ненавистных. Личный враг этих племен, чьи судьбы им так долго ломались, он вновь, после веков брожений и смут, все еще видит себя заточенным среди них. Все его соседи (сербы, хорваты, словаки, трансильванцы, вплоть до карпатских малороссов) составляют звенья одной цепи, которую он считал навсегда разорванной. А теперь он чувствует над собою руку, которая сможет, когда и как пожелает, воссоединить эти звенья и стянуть цепь. Отсюда его инстинктивная ненависть к России. С другой стороны, нынешние партийные вожаки, поверив иностранным газетам, всерьез внушили себе, что мадьярскому народу предстоит исполнить великое призвание на православном Востоке, словом, противодействовать исполнению судеб России...

Ф.И. Тютчев. Россия и революция. Апрель 1848

Глава 2. Венгерская революция

«От стрел венгерских спаси нас, Боже!» – средневековая поговорка.

Немного истории

Венгерцы! Тысячу лет назад двинулся из Азии народ с намерением найти самые прекрасные, самые плодородные земли и завладеть ими для своего потомства. Долго, очень долго блуждал сей народ, куда обрел эти земли. Наконец он все-таки нашел их и захватил. Но как же он их захватил? Бесперывно боролся он четыре или пять долгих лет. Целых пять лет гибли люди, реками лилась кровь.

Венгерцы! Так завоевали наши предки эти прекрасные владения, ибо витязи, пришедшие из Азии, были нашими предками.

Шандор Петефи. Прокламация «общества равенства». 17 сентября 1848

Горы заселены преимущественно Славянами, но менее значительные поселения их встречаются и на равнинах Тейсы между Мадьярами, отдельными деревнями, и в самых мадьярских местечках. Мадьярская орда во время завоевания ею здешних мест (891 года по Р. Х.) поселилась главною сплошною массой на равнинах левой стороны Тейсы, вероятно, как на луговых местах, более удобных для кочевой жизни, и вытеснила значительную часть прежде живших здесь Славян. И теперь Мадьяры живут на этих равнинах; но отдельные и значительные поселения их заняли более ровные места и в Карпатах, преимущественно по более широким долинам рек, Мадьяры завладели самыми плодородными местами.

По статистике, в Венгрии и Трансильвании считалось жителей: Мадьяр, живущих только в Венгрии, 4.500.000 и родственных им выходцев из Азии,

населяющих собственно Трансильванию, Секлеров, потомков Печенегов – 660.000; Славян, живущих в одной только собственно Венгрии – 4.800.000 и в том числе: Словаков 2.300.000, Русинов 400.000, Краинцев и Вендов 50.000, Кроатов 700.000, Сербов Далматинцев 800.000 и Болгар 10.000; Немцев: живущих преимущественно в городах 1.000.000, Саксов (немецкое племя), живущих в Трансильвании, 250.000; Румынов (в Трансильвании же) более 2.000.000; и в менее значительном числе Армян, Греков, Евреев и Цыган. Надо полагать, что мадьярские и немецкие статистики намеренно преувеличивают свою и уменьшают численность Славян; на месте Славян, кажется, гораздо более, чем Мадьяр, Немцев и других взятых вместе.

Мадьяры и Секлеры занимают господствующее в государстве положение; Немцы, Греки, Армяне и Евреи имеют общие с Мадьярами интересы. Низшее положение в обществе занимают Славяне, Румыны и Цыгане; они были прежде рабами, крепостными, а до настоящей революции 1848 года не имели права покупать имений и поступать в гражданскую службу; для получения этих прав они должны были приобрести полную венгерскую национальность, т. е. даже забыть свой язык, что, в сущности, осталось и после революции. Хотя они теперь получили личную свободу, но вся земля, которую они возделывают, принадлежит Мадьярам, прежним помещикам, и возделывается, как работниками, за небольшими исключениями. Впрочем, случалось встречать помещиков Немцев и Поляков, водворившихся здесь, вероятно, покупкою имений или родством с Мадьярами.

Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году

Венгерская революция. Хронология Шандора Петёфи

*... Уж вы вейте веревки на барские головки.
Вы готовьте ножей на сиятельных князей,
И на место фонарей поразвешивать царей,
Тогда будет тепло, и умно, и светло. Слава!*
К.Ф. Рылеев. 1824-25

*Пусть и для нашего объявятся народа
Честь, Разум, Равенство, Достоинство, Свобода.
Свобода! Этот клич весь шар земной потряс,
Он близок, он грядет, давно желанный час.*

*И троны из костей, скрепленных кровью наций,
Везде уже дрожат, готовы зашататься.
Глядят, куда бежать, коль скоро рухнет трон,
Убийцы жадные, носители корон.*

*Ликуй, печальный ум, мир обновится ране,
Чем этот век придет к своей последней грани.
Янош Бачани. 1789*

Так будет! Меч, что с плеч Луи Капета

*Снес голову на рынке средь Парижа,
Не первая ли молния грядущих
Великих гроз, которые я вижу
Над каждой кровлей царственного дома?
Не первый грохот этого я грома!*

Шандор Петефи. Против королей. 1844

Я верю, что частная собственность исчезнет и ее... сменит коммунизм... кто же из трезвых людей посмел бы отрицать, что всеобщая нужда порождена неравенством, словом – частной собственностью...

Михай Танчич. 1844

...Даже противоестественные политические системы могут держаться долго, потому что между долготерпением народов и их отчаянием лежит долгий путь... но в конце концов настанет мгновение, когда и эти системы рухнут...

Лайош Кошут. 3 марта 1848

Революция – это такое оружие, к которому можно прибегнуть лишь с отчаяния, потому что за светлым днем революции следует зачастую долгая ночь рабства.

Лайош Кошут. Начало 1848 года

*Баре, вы веками пили кровь рабов,
Нынче вашей кровью напоим мы псов.
Вилами на свалку! Догнивайте там,
Нынче пир великий будет нашим псам!
Петефи, 11 марта 1848*

У этого стихотворения несколько окончаний. Одно из них было придумано позже.

*Впрочем, нет! Не надо! Подожди, народ,
Ты ведь благородней и добрей господ!
Бог всего превыше, после бога – ты.
Будем же достойны этой высоты!
Будем благородны и на этот раз,
Чтоб господь с любовью поглядел на нас!
Радостной десницей осенив народ,
Нам благословенье он да ниспошлет.*

...Надо действовать. И завтра же. Послезавтра, быть может, будет уже поздно. Петефи, 14 марта 1848

*Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно:*

*Примириться с рабской долей
Или быть на вольной воле?
Богом венгров поклянемся
Навсегда –
Никогда не быть рабами,
Никогда!
Мы живем на белом свете
Перед дедами в ответе!
Вольным предкам нет покою
Здесь, под рабскою землею.
Богом венгров поклянемся
Навсегда –
Никогда не быть рабами,
Никогда!
Низок, мерзок и ничтожен
Тот, кому сейчас дорожке
Будет жизнь его дрянная,
Чем страна его родная!
Петефи, 15 марта 1848*

*Как здоровье ваше, баре-господа?
Шею вам не трет ли галстук иногда?
Мы для вас готовим галстучек другой,
Правда, он не пестрый, но зато тугой.
Петефи, 17 марта 1848*

*Иноверцам умереть придется!
Бог у нас теперь один – свобода!
Петефи, март 1848*

Вот уже многие годы моим единственным чтением, утренней и вечерней молитвой, хлебом насущным стала история французских революций.

Шандор Петефи. Дневник. 17 марта 1848

Что же касается моего стихотворения «Королям», послужившего главной причиной моей непопулярности, то оно было первым откровенным выражением республиканских взглядов в Венгрии, и очень ошибаются те, кто думает, что оно окажется последним и единственным. Монархия в Европе приходит к концу, и даже всемогущему богу ее не спасти. Ежели какая-нибудь идея становится всемирной, то скорее можно уничтожить мир, нежели выкорчевать из него эту идею. Такова сейчас идея республики.

Шандор Петефи. Дневник. 27 мая 1848

28 сентября 1848 гибель на мосту через Дунай фельдмаршал-лейтенанта, одного из видных военачальников антинаполеоновской коалиции в 1813-14 годах Франца фон Ламберга.

*Нет больше Ламберга – кинжал покончил с ним.
Латура вздернули. Теперь черед другим.
Все это хорошо, прекрасно – спору нет!
Народ заговорил, и вот залог побед.
Но мало двух голов! Смелей, друзья, смелей!
На виселицу королей!*

*Косарь скосил траву, но завтра вновь она
В полях расстелется, свежа и зелена.
Садовник обрубил деревья – через год
Их ветви новые дают и цвет и плод.
Когда корчует лес – не оставляй корней.
На виселицу королей!*

*Когда же, наконец, о глупая земля,
Возненавидишь ты и свергнешь короля?
О, неужели я в народ мой не волью
Неисчерпаемую ненависть мою?
Клочок, как прибой, она в груди моей.
На виселицу королей!*

6 октября 1848 толпа растерзала военного министра, одного из видных военачальников антинаполеоновской коалиции в 1813-14 годах Теодора фон Латура.

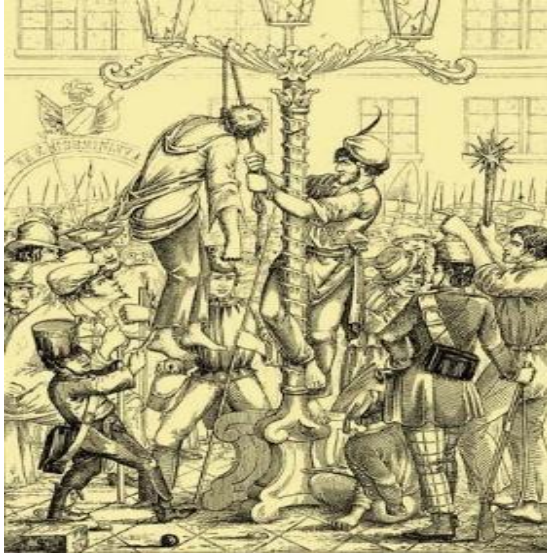
*Природа яд взяла, чтоб кровь его создать,
Преступной подлостью его вскормила мать.
В позоре он зачат, и жизнь его – позор,
Чернеет воздух там, куда он кинет взор,
Гниет земля, как труп, вокруг его костей.
На виселицу королей!*

*Война свирепствует во всех концах страны,
Пылают города, деревни сожжены,
От воплей в воздухе немолчный гул стоит –
Довольна жатвой смерть, один король не сът,
Виновник стольких бед, убийств и грабежей.
На виселицу королей!*

*Напрасно льешь ты кровь, о мой народ-герой!
Корону с головы, и голову долой!
Не то чудовище поднимется опять,
Тогда придется все сначала начинать.
Покуда время есть, о жертвах пожалей.
На виселицу королей!*

*Всем наша дружба, всем прощенье и привет.
Одним лишь королям вовек прощенья нет.
И если некому повесить их – добро!
Я саблю отложу, оставляю я перо,
Сам стану палачом, но только бы скорей!
На виселицу королей!*

Петефи, октябрь 1848

Из десяти заповедей сохрани лишь одну, а из этой одной – только одно слово: «Убей, ибо, если ты не убьешь, убьют тебя!»

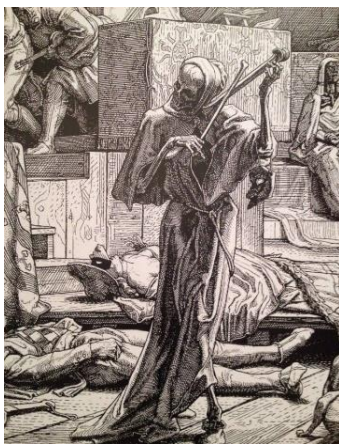
Петефи. 10 января 1849

*Явилась смерть, чтоб нас смести бесследно
С лица земли. Повальный этот мор
Из сатанинской гнилостной утробы
Злодей-король дохнул на нас в упор.
Смертельный вихрь летит со страшной силой,
Как будто в день последнего суда.
И гнемся мы, как лес во время бури,
Но – живы! Не сломить нас никогда!
Венгерец жив! Стоит еще отчизна.
Заговорили сабель голоса,
И отзвук их летит по всей Европе,-
Венгерец, сотворил ты чудеса!
Кто прежде знал, что где-то на Дунае
Живешь ты, унижаясь и скорбя?
А вот теперь первейшие из наций
Взирают с изумленьем на тебя!*

Петефи. 21 мая 1849

*Ужаснейшие времена!
Кошмарами полна страна...
Быть может, был*

*Приказ небес,
Чтоб все это случилось,
Чтоб отовсюду кровь лилась?
О, так и есть! Ведь против нас
Полмира ополчилось!
Лицом к лицу стоим с войной.
Но разве горе в ней в одной?
Война – войной,
А за спиной
Ужасный призрак мора!
Сплеча господь отчизну бьет,
Двумя руками гибель жнет –
Всё на ее просторах!
Погибнем все? А может стать,
Кто выживет, чтоб написать рассказ
Про самый черный час
На белом свете?
Вот только бы хватило слов,
Чтоб был рассказ его толков
Про злодеянья эти!
А если хватит слов, так все
Ему ответят:
«Это ложь! Ведь это бред,
Чтоб столько бед
Навалилось разом!»
И, выслушав рассказ такой,
Подумают, махнув рукой,
Что помутился разум!
Петефи. июль 1849. Последнее стихотворение*

Венгерская революция. Причины поражения. Пара замечаний

Замечание 1. Эффект белки в колесе. Прежде всего нужно себе задать вопрос: а было ли поражение? С точки зрения Карла Маркса и Фридриха Энгельса – да, конечно! После того, как заглохло революционное движение в Западной Европе, оба автора Манифеста Коммунистической партии возлагали большие надежды на венгерскую революцию. Маркс приезжал в Венгрию несколько раз, Энгельс практически каждый день получал «сводки с фронтов» и, обработав их, публиковал в «Новой Рейнской газете». Но в чем состояли эти надежды? Пролетарской революции быть не могло – не только пролетариата, но и вообще рабочего класса в Венгрии не было. Были ремесленники, но их было немного, около ста тысяч, и они не были заинтересованы в осуществлении программы, начертанной Марксом и Энгельсом. Призыв к уничтожению частной собственности на средства производства мог их только смутить.

Крестьяне добились кое-чего, став из крепостных свободными батраками, но это уже произошло в марте-апреле 1848 года. Этот переход произошел безболезненно, поскольку буржуазные отношения были более выгодны и для самих латифундистов. Лишние руки-ноги привлекались в новую венгерскую армию, которая насчитывала около двухсот тысяч человек, но уже начиная с зимы 1848 года крестьяне тысячами дезертировали из армии и вовсе не потому, что боялись русских.

*Стыд поражений, бегств позор
Везде, куда ни кинешь взор!
Известья что ни день, то хуже!
Как будто камень брошен в лужу
И грязь летит – так с поля битв
В твое лицо позор летит.
О нация моя! Куда же
Ушла из дрогнувших сердец
Уверенность, что иго вражье
Ты можешь сбросить наконец!
Петефи, декабрь 1848*

Но остановиться революция уже не может. «Есть у революции начало, нет у революции конца». Она как белка в колесе. Если остановится, то переломает себе кости.

...Либо придет революция, которая все перевернет, но и все спасет, либо мы погибнем...

Петефи, 10 августа 1848 года

К зиме 1848–49 годов революция уже потеряла свою энергию. И самый мощный удар был нанесен не русской армией, а другой силой.

Замечание 2. Чума XIX века. Холера, которую называли чумой девятнадцатого века, свирепствовала по всему континенту. Появилась она в Европе из Азии, и Пушкин в своей «Сцене из Фауста» под «модной болезнью» подразумевал, видимо, именно ее. Всплеск заболеваемости в 1830-31 годах вызывал «холерные бунты» и настроения, которые могли перерасти в революционные, а могли и просто имитировать их. Разумеется, создание двухсоттысячной венгерской армии не могло остаться без внимания со стороны «модной болезни». В списке потерь революционной армии в сражениях 48-49 годов более девяноста процентов приходится на холеру. Об этом и пишет Петефи: *Повальный этот мор Из сатанинской гнилотной утробы Злодей-король дохнул на нас в упор.*

Является ли венгерская революция национальной (в отличие от космополитических)?

Революция приобретает националистическую (национально-патриотическую) окраску. Это мы и замечаем в первую очередь в стихах Шандора Петефи. Национально-революционную окраску. Интересны ее особенности. Заметим, во-первых, что венгры (мадяры) составляли лишь чуть более трети населения в той территории, которая и считалась собственно Венгрией. Все лидеры революции были, конечно, венграми. Уточним этот момент.

Славянин по происхождению, **Шандор Петёфи** (Александр Петровић, 1823-49) всегда оставался венгерским патриотом и горячо любил Венгрию. Он был выходцем из небогатой земанской семьи: отец Шандора, Стеван (Иштван) Петрович (1791—1849), происхождением серб, торговал скотом, а мать, Мария Грузова (Груз) (1791—1849), происходила из бедной словацкой семьи.

Mihály Táncsics (Михајло Танчић – по-сербски). Родился в 1799. Отец из хорватов, мать – словачка. Считал себя венгерским националистом и революционером-марксистом. 15 марта 1848 года, в день, который считается апогеем венгерского восстания, был выпущен из тюрьмы. Стал одним из лидеров восстания. Его именем названа улица в Буде.

Лайош Кошут (Kossuth Lajos) родился в обедневшей земанской семье, в небольшом городке Моноке и был старшим из четырёх детей. Род Кошутов известен с XIII века, когда его представители получили имения в западной Словакии. Одно из имений Кошутов находилось в селе Кошуты – ныне это часть города Мартина. Очевидно, весь род Кошута по отцовской линии был славянского происхождения и относится к числу этнических словаков. Даже родной дядя Лайоша Кошута – Юрай Кошут – был ярким словацким националистом. Мать Кошута – Каролина Вебер – происходила из немецких лютеран, то есть также не была мадьяркой. Тем не менее, сам Кошут был пламенным патриотом Венгрии и, de facto, левым шовинистом. Он даже напрочь отрицал существование словацкой нации.

Фанатики-мадьяры связывают свои надежды на самый благоприятный исход с талантом известного польского генерала Дембинского, который должен быть назначен главнокомандующим всеми мадьярскими войсками. Дембинский родился в 1791 г., в 1807 г. поступил в инженерную академию в Вене, откуда тайно бежал в 1809 г., и 18-ти лет поступил рядовым в пятый польский кавалерийский егерский полк. Он сражался с русскими и так отличился во время похода 1812 г. в битве под Смоленском, что Наполеон прямо на поле боя произвел его в капитаны. Слишком гордый, чтобы поступить на русскую службу, он после этого долгие годы жил в тихом уединении, пока не представился случай отличиться во время польской революции в 1830 г., когда он в качестве полковника со своей кавалерийской бригадой в 4 тысячи человек в битве при Грохове целый день удерживал все русские силы в 60 тысяч человек под командованием маршала Дибича.

Ф. Энгельс. 3 февраля 1849

Юзеф Захарнаш Бем (польск. *Józef Zachariasz Bem*, венг. *Bem József*, **Мурад-паша**; 1794 – 1850) – полководец; польский генерал, фельдмаршал турецкой армии, главнокомандующий войск венгерской революции 1848 года.

1812 год был отмечен походом французской армии императора Наполеона Бонапарта в Россию (см. Отечественная война 1812 года). В этой кампании принимали участие и союзные Франции польские войска. Юзефу Бему довелось участвовать во всех основных сражениях русского похода. После отступления Наполеона из России ареной боевых действий стала восточная и центральная Европа. Последнее сражение, в котором принимал участие Бем, была оборона крепости Гданьск, продолжавшаяся с января по декабрь 1813 года. За храбрость, проявленную на поле битвы, он был награждён французским орденом Почётного легиона.

После преобразования в 1815 году польской армии он снова поступил в артиллерию, читал лекции в Варшавском артиллерийском училище, но после кончины императора Александра I был уволен со службы как человек неблагонадёжного образа мыслей. Существуют сведения о членстве Бема в масонской ложе.

Артур Гёргей (1818-1916) родился в протестантской семье, происходившей из сасов – цизальпинских немцев. После начала Венгерской революции сражался на стороне венгерского правительства. Поступил в армию в чине капитана, но вскоре возглавил всю национальную гвардию к северу от Тисы, успешно действуя против хорватских войск в этом регионе.

4 мая 1849 года Артур Гёргей осадил и захватил столицу Венгрии, после чего он стал военным министром революционного правительства. После вмешательства в войну России ситуация на фронтах сражений резко поменялась. И в одном из походов Гёргей вынужден был сдаться в плен генералу Ридигеру из экспедиционного корпуса князя Паскевича.

Заметим также, что после поражения революции около пяти тысяч венгров оказались в Турции и затем воевали в рядах турецкой армии.

Венгры и славяне

Часть Мадьяр-простолудинов живет также на помещичьих землях, но много и мелких собственников. Большинство Мадьяр – кальвинисты, но есть католики, православные и униаты. В 20 верстах от Дебречина, центра мадьярства, я видел селение Бёконы, жители которого, Мадьяры, исповедовали греческую православную веру; священник их был Славянин. Славяне – преимущественно униаты и католики, но есть и православные.

Некоторые славянские села, лежащие на больших дорогах, по нашим понятиям, довольно хороши и, по-видимому, зажиточны, но большинство, в горах и в стороне от больших дорог, очень бедны; деревянные, покрывшиеся, иногда курные избы покрыты соломою или сгнившими досками и некоторые, положительно, не имеют ни кола, ни двора. Славяне одеты и едят бедно; между ними много нищих; все они имеют жалкий, забитый вид и носят видимую печать порабощения. Мадьяры откровенно и надменно говорили: «Мы покорили Славян силою оружия и имеем над ними право завоевания. Все, что мы даем им – наша милость, а не обязанность».

При виде сплошного и неприязненного Мадьярам славянского населения в Карпатах, представлялся вопрос: отчего австрийское правительство, пользовавшееся всякими средствами, ведущими к цели, не применило к Венгрии в настоящих событиях свою политику, какую оно приняло в Галиции в 1846 году против Поляков, т. е. не возмутило карпатских Славян. Оттого надо полагать, что положение Поляков в Галиции и Мадьяр в Венгрии различно; это видно на месте и объясняется историей. Поляки проникли в Галицию, овладели в ней землею и жителями не завоеванием, а добровольным соединением, супружескими союзами, отдельными польскими поселениями, обращением высшего сословия в католичество и проч.; Галичане никогда не были подавлены нравственно, сохранили чувства человеческого достоинства и имели в настоящее время более независимый дух, возмущавший их против обманного завладения страной и готовый всегда разразиться действием. Венгерские Славяне были покорены, разгромлены и подпали под тяжелое иго, были унижены и подавлены нравственно. Кроме того, Мадьяры живут более сплошною массою и менее ослаблены расселением, чем Поляки, рассеянные на огромном пространстве между русскими племенами и с первых же минут восстания имели регулярные войска. Впрочем, оба эти племени, Мадьяры и Поляки, одинаково малочисленны, в чем и состоит главная причина их действительной слабости.

В Венгрии часто случалось слышать мнение, высказываемое Мадьярами и Немцами, что владычество их очень полезно Славянам, народу грубому, невежественному и безнравственному. «Мы цивилизуем их», говорили мелкие австрийские и мадьярские чиновники, экононы и проч., указывая на Славян подводчиков и хлебопашцев, которые ходили, понунив голову и согнувшись, как битые собаки с поджатými хвостами. Некоторые даже нагло хвастали, что Немцы и Мадьяры улучшают славянскую породу, делая рогоносцами

бедных Русняков. Впрочем, мнение о благотворном цивилизующем влиянии Немцев и Мадьяр на Славяне высказывается печатно в немецкой и мадьярской литературах, и его придерживаются некоторые ученые люди у нас в России. Высказываемое на месте всякою дрянью, оно кажется не более как насмешкою над бедственным положением Славян и новым оскорблением, бросаемым им в лицо. Мадьяры покорили здешний край, будучи еще диким кочующим народом, нашли Славян уже под гражданскими законами сильного славянского государства и, несомненно, более смяченными, чем кочующий народ, каким были Мадьяры, обратили Славян в рабство, отняли у них землю, разбогатели на их счет, с помощью богатства и высшего положения в созданном ими государстве образовались и просветились скорее Славян, которых оставляли насильственно целое тысячелетие в ничтожестве и невежестве, – теперь, просветившись, уделяют Славянам крохами, как милостыню, некоторую долю своего просвещения, делают в их быте выгодные для себя улучшения и эту милостыню называют распространением между Славянами благосостояния и просвещения! Если бы Мадьяры не разрушили славянского государства, существовавшего тысячу лет назад на месте настоящей Венгрии, то Славяне этого государства были бы теперь, несомненно, просвещеннее и нравственнее Мадьяр и играли бы в Европе более значительную роль.

Лихутин М. Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году

Совершенно естественно, что словаки, сербы, хорваты и румыны, которые вступили на путь национальной освободительной борьбы еще до 1848 года, сейчас ожидали от правительства революционной Венгрии, тоже вступившей на путь борьбы за национальную независимость, понимания и сочувствия их стремлениям. Вместо этого они натолкнулись на самое решительное сопротивление. Венгерский правящий класс, придя к власти, решил продолжить угнетение пробудившихся к сознанию национальных меньшинств под лозунгом «превосходства венгерского племени». «Венгерская нация – ведущая нация», – провозглашал он. Истинный смысл этих лозунгов был в том, что наряду с угнетением национальных меньшинств, проживавших на территории Венгрии, и дальше будут угнетать и эксплуатировать венгерские трудящиеся массы. Естественно, что венгерский трудовой народ не имел никакого отношения к этим лозунгам.

Венгерское правительство не соглашалось идти ни на малейшие уступки национальным меньшинствам. Оно отклонило даже самые скромные требования сербской делегации, касавшиеся языкового равноправия сербов. Во время переговоров Кошут гневно бросил: «Пусть решит меч».

Гидаш Анатолий. Шандор Петефи

Павел Симиц. «Провозглашение Сербской Воеводины» 3 мая 1848

За провозглашением Сербской Воеводины последовал ряд репрессивных мер со стороны руководителей венгерской революции. Решения Майской скупщины были отменены. Целый год шли боевые действия против революционной венгерской армии. Количество жертв среди гражданского населения было огромно. Главный город Воеводины – Новисад был практически весь разрушен.

Сербы небезосновательно опасались лозунгов о политически едином народе и о единственном «дипломатическом» языке – венгерском. Со своей стороны, венгры, особенно националисты-радикалы во главе с Лайошем Кошутом, испытывали беспокойство по поводу любых центробежных устремлений. Переговоры венгерских революционных властей с сербами, тогда ещё не выдвигавшими требования автономии, не только не устранили, а, наоборот, усилили взаимное недоверие. В начале апреля 1848 года в разговоре с делегацией новисадских сербов Кошут в ответ на предостережение о том, что сербы могли бы потребовать автономии и у противоположной стороны, заявил: «В таком случае нам придётся скрестить мечи».

Слухи о разногласиях с венграми и прежний печальный опыт навязывания венгерского языка стали причиной жестокого сопротивления. Во многих городах с сербским населением сжигались церковные книги и документы, написанные по-венгерски. Громко зазвучали требования о предоставлении

сербам собственной территории и о назначении воеводы. Возбуждённая толпа, которой предводительствовала студенческая и школьная молодёжь совместно с прибывшими из Княжества Сербия сверстниками, заставила митрополита созвать в Карловице Народную скупщину, хотя власти соглашались только на проведение народно-церковного собора в Темешваре в присутствии королевского комиссара.

1-3 мая по Юлианскому календарю (12-14 мая по григорианскому) на Карловицкой скупщине, вылившейся в массовый митинг, были приняты решения, повлекшие серьёзные последствия. На территории Срема, Бараньи, Бачки и Баната провозглашалось создание Сербской Воеводины. Новосозданная Воеводина вступала в «политический союз... на основе свободы и полного равноправия с Триединым королевством Хорватии, Славонии и Далмации».

История Воеводины. Википедия

Сербская проказа пожирала ноги страны, не нынче завтра она вопьётся в сердце, а трава, которую надо отнести в аптеку, чтобы из нее приготовили лекарство, трава эта еще в поле. Месяц назад они шумно предлагали формирование двухсоттысячного войска, но с тех пор об этом ни звука, как будто неприятель где-то еще за Гангом.

Шандор Петёфи. 10 августа 1848

О том, как эти сербы ведут войну, свидетельствуют хотя бы сообщения двух южнославянских газет – «В'стникъ» и «Напредак» от 27 января. Вейскирхен в Банате хотел сдать и с этой целью направил депутацию к генералу Теодоровичу. Теодорович, слышавший раньше, что жители Вейскирхена перебили всех сербов в своем городе, спросил депутацию: есть ли среди вас хоть один серб? Немцы пожали плечами. Ступайте, ответил Теодорович, с вами я не намерен вести никаких переговоров. После этого сербские войска взяли Вейскирхен штурмом. В городе нашли только двух сербов, и у обоих были выколоты глаза.

Ф. Энгельс. 10 февраля 1849

Зачем пришел корпус Паскевича

Серьёзной проблемой для России было положение дел в Придунайских княжествах (Молдавии и Валахии) и Трансильвании. В соответствии с Адрианопольским мирным договором Придунайские княжества являлись протекторатами России. После заключения этого договора в 1829 году Павел Дмитриевич Киселёв, который во время войны командовал российскими войсками в этих княжествах, возглавил администрацию края и осуществил ряд полезных реформ, благодаря которым и экономика, и государственность этих княжеств существенно укрепились. Разумеется, Россия имела не только обязательства, но и определенный экономический интерес к тому, чтобы контролировать устье Дуная, поскольку Дунай – это один из важнейших торговых путей, которым пользовались европейские страны. По нему, в частности, Россия экспортировала в западную Европу значительные объемы зерна.

В Турции царит большое оживление. В Боснии снаряжаются и

концентрируются у Травника значительные массы войск. Хотя лазутчики доносят, что иногда слышатся угрозы в адрес граничар, однако скорее всего эти приготовления связаны с политической интригой, которую в Константинополе плетет вокруг Дунайских провинций Пальмерстон, стремясь, по меньшей мере, вытеснить русских из Молдавии и Валахии и оголить восточный фланг Австрии. Австрия может ожидать энергичной ноты по поводу 10 тысяч русских вспомогательных войск в Трансильвании.

Ф. Энгельс. 14 марта 1849 г.

Одним словом, императорские войска всюду терпят поражения, и для подавления венгерской революции им не хватает всего лишь 50–60 тысяч русских! Что может, однако, дать всей венгерской революционной войне другой поворот и превратить ее в европейскую войну – это, помимо движения славян и итальянской войны, турецкий вопрос. Турция – самое больное место Европы; движение в Турции немедленно ведет к столкновению Англии и Франции с Россией. А Турция, как кажется, намеревается в любом случае выступить против русского вмешательства в румынских провинциях и русских интриг в славянских провинциях на Дунае. Из Черновиц (Буковина) пишут 16 марта: «В письмах из Ясс сообщается, что турки ввели в Галац, а также в Валахию значительные силы, по слухам 100 тысяч солдат, чтобы силой оружия протестовать против занятия русскими Дунайских княжеств».

Далее «österreichischer Correspondent» пишет 13 марта из Зары в Далмации, что в соседнем Мостаре, уже две недели вооружаются не на шутку и призывается все мужское население области, способное носить оружие. В апреле должны быть призваны все мужчины в возрасте от 16 до 40 лет, и каждой семье будет оставлен в качестве опоры только один мужчина. В Заре не знают, что об этом и думать.

Если подтвердится то, о чем уже некоторое время пишут также французские газеты – что Порта всерьез хочет выступить против России, то налицо новый и почти неотвратимый повод к европейской войне. И эта война придет раньше, чем думают, и последствием ее будет революция в Европе. Ф. Энгельс. 29 марта 1849

21 мая 1849 года в Варшаве был подписан «Варшавский договор» между Николаем I и Францем Иосифом I о направлении 140 тысячного экспедиционного корпуса.

Отметим, что последние письма Шандора Петефи были написаны не в Венгрии, а в Трансильвании – в самом центре современной Румынии. Там и происходили события, о которых пишет Тютчев.

Александр

Виллевальде. «Атака русских улан во время венгерской кампании 1849 года»

До сих пор умеряющее влияние Австрии худо-бедно сдерживало все это брожение и безрассудство; но теперь, когда последняя связь порвана, а старый и бедный, впавший в детство отец взят под опеку, следует предвидеть, что полностью раскрепощенное мадьярство может свободно развиваться до всех своих крайностей и самых безумных авантур. Уже ставился вопрос об окончательном присоединении Трансильвании. Говорят о восстановлении прежних прав на Дунайские княжества и Сербию. Во всех этих странах удвоится пропаганда для возбуждения антирусских настроений и повсеместной смуты. Расчет делается на то, чтобы в один прекрасный день объявиться с оружием в руках, потребовать во имя ущемленных прав Запада возврата устьев Дуная и повелительно сказать России: «Ты не пойдешь дальше!». – Вот, бесспорно, некоторые статьи программы, вырабатываемой ныне в Пресбурге. В прошлом году все это ограничивалось лишь газетными фразами, которые теперь в любой момент могут обернуться весьма серьезными и опасными попытками. Но всего неотвратимее кажется нам сейчас столкновение между Венгрией и двумя зависимыми от нее славянскими королевствами. В самом деле, Хорватия и Славония, предвидя, что ослабление законной власти в Вене неизбежно предаст их на произвол мадьярству, видимо, получили от австрийского правительства обещание отдельного самоуправления с присоединением к ним Далмации и военной границы. Эта позиция, которую объединенные таким образом страны пытаются занять по отношению к Венгрии, незамедлительно приведет к обострению всех прежних разногласий и разжиганию там открытой гражданской войны. А поскольку авторитет австрийского правительства окажется, вероятно, слишком слабым для мало-мальски успешного посредничества между воюющими сторонами, то венгерские славяне, как слабейшие, возможно, потерпели бы неудачу в

борьбе, если бы не одно обстоятельство, которое рано или поздно обязательно должно прийти к ним на помощь: предстоящий им противник является прежде всего врагом России. К тому же по всей этой военной границе, составленной на три четверти из православных сербов, нет ни одной хижины поселенцев (со слов даже самих австрийцев), где рядом с портретом императора Австрии не висел бы портрет другого Императора, упорно признаваемого этими верными племенами за единственно законного. Впрочем (зачем скрывать от самих себя), маловероятно и то, что все эти разрушающие Запад толчки землетрясения останутся у порога восточных стран. И как могло бы случиться, чтобы в столь беспощадной войне, в готовящемся крестовом походе нечестивой Революции, уже охватившей три четверти Западной Европы, против России Христианский Восток, Восток Славяно-Православный, чье существование нераздельно связано с нашим собственным, не ввязался бы вслед за нами в разворачивающуюся борьбу. И, быть может, с него-то и начнется война, поскольку естественно предположить, что все терзающие его пропаганды (католическая, революционная и проч. и проч.), хотя и противоположные друг другу, но объединенные в общем чувстве ненависти к России, примутся за дело с еще большим, чем прежде, рвением. Можно быть уверенным, что для достижения своих целей они не отступят ни перед чем... Боже праведный! Какова была бы участь всех этих христианских, как и мы, народностей, если бы, став, как уже происходит, мишенью для всех отвратительных влияний, они оказались покинутыми в трудную минуту единственной властью, к которой они взывают в своих молитвах? – Одним словом, какое ужасное смятение охватило бы страны Востока в их схватке с Революцией, если бы законный Государь, Православный Император Востока, медлил еще дальше со своим появлением!

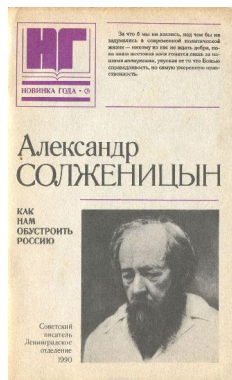
Нет, это невозможно. Тысячелетние предчувствия совсем не обманывают. У России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не устрашится величия своих судеб, не отступит перед своим призванием.

Ф.И. Тютчев. Россия и революция

Продолжение в следующем номере

V. ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБ

К СТОЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА

Как же «мы» якобы «обустроили» Россию?

Раздумья над статьёй А.И. Солженицына
«Как нам обустроить Россию» (1990 г.)

К 90-летию со дня рождения А.И. Солженицына

Г.Г. МУРИКОВ

«ВМЕСТЕ» ИЛИ «РЯДОМ»?

Несколько мыслей о книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе»

Геннадий Муриков

Как же «мы» якобы «обустроили» Россию?

В первых же словах своей статьи автор пишет: «Часы коммунизма своё отбили. Но бетонная постройка его ещё не рухнула». Сейчас можно сказать, что и бетонная постройка рухнула. Здесь А. И. Солженицын правильно предугадал ход течения истории. Но дальнейшее её развитие показало, что далеко не всё получилось так, как думал Солженицын.

Здесь необходимы некоторые исторические справки. Русский мыслитель эпохи Серебряного века Иван Ильин в своей статье 1950 года «Что сулит миру расчленение России?» писал:

«И вот когда после падения большевиков **мировая** пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг “Народы бывшей России, расчленийтесь!”, то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие «бразды правления», погасит этот пробельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнётся непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия...

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия – не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего **великий народ**, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно!

Придёт исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!».

В другом месте он пишет: «Мы, со своей стороны, видим: если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании – демократический строй». И далее: «Им (международному империализму – Г.М.) нужна Россия с убывающим народонаселением... Им нужна Россия безвольная... Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и воображающая, что ее «благо» – в распадении... Но единая Россия им не нужна».

Философ убеждён в нелёгком будущем России после падения коммунистического режима. Солженицын вроде бы с ним согласен, хотя имя Ильина в соей статье не упоминает: «Семьдесят лет влачась за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы положили на плахи или пустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной, “Отечественной ” войны – треть своего населения. Мы лишились своего

былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб».

Здесь удивляют не приведённые факты, которые совершенно очевидны, а странное слово «мы». Кто это такие «мы»? Надо ли понимать это слово в смысле одноимённого романа Е. Замятина? В своей замечательной книге «Двести лет вместе», написанной, впрочем, позже, чем рассматриваемая нами статья, Солженицын ясно и чётко объясняет, что «мы» – это скорее «они», то есть еврейско-большевистская власть, захватившая страну в 1917 году и объявившая себя так называемой «советской» властью.

Дальше в упомянутой статье А. И. Солженицын рассматривает возможные пути развала так называемого Советского Союза: «Да уже во многих окраинных республиках» центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови – да и не надо удерживать такой ценой! Как у нас всё теперь поколёсилось – так всё равно “Советский Социалистический” развалится, в с ё р а в н о!». Как мы помним, этот прогноз Солженицына оправдался примерно через год.

Мысль автора совершенно понятна, но тут есть одна заковка: кто организовывал этот так называемый «советский социалистический союз», с какими целями и почему так быстро привели его к распаду? Общеизвестно, что Солженицын не любитель Сталина и сталинизма. Однако известно также, что в 1922 году при Ленине существовало всего четыре «братских» республики, а при Сталине – русская территория была нарезана, как докторская колбаса, на пятнадцать, а позднее даже на шестнадцать национальных республик. В ознаменование дружбы с Финляндией, правда, при Хрущёве Карело-Финская ССР обрела статус Карельской автономной республики, чтобы не смущать финское правительство с дружелюбным У. Кекконеном во главе наличием двух финских республик на соседствующих территориях.

Якобы «государственник» Сталин в речи перед соратниками 1 ноября 1937 года сказал: «...каждый, кто пытается разрушить это единое социалистическое государство, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью, каждого, кто своими действиями и мыслями покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать» (Из дневниковых записей генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова).

Спрашивается, как совместить высказывания такого рода с передачей ряда русских территорий – Порт Артур и Порт Дальний – Китаю? И внутренней геополитикой, о которой мы писали выше. Её сущность Солженицын, видимо, понимал не вполне. Например, такое его высказывание:

«О Казахстане. Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где кочевые стада раз в год проходят, – то и Казахстан».

Возражу Солженицыну. Нарезана эта территория Сталиным была

неспроста: надо было создать из кочевых племён новый «народ», дабы уничтожить жившее в тех краях Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское казачество. Тем более, что никаких «казахов» в национальном понимании этого слова исторически не существовало. «До 1936 года в мире не существовало не только государства "Казахстан", но и не было казахов как нации вообще. Было общее понятие – киргизы. Так назывались орды кочевников от Каспия до Алтая. Среди этих орд был один род под названием "казах", кочевавший между озерами Зайсан и Алаколь у самих границ Китая. И вот вдруг этот никому не известный род превращается в национальную республику с территорией, в десятки раз превосходящей территорию "титульной" киргизской нации и второй после России. На границах Дикого Поля (географическое название, укоренившееся за казачьей степью в XVI веке) с запада стояло Уральское казачье войско, с севера – Оренбургское и Сибирское, с востока Семиреченское войско. Казачьи войска зорко стерегли свои земли от непрошенных гостей. В степь на недели уходили дозорами казачьи сотни и стоило только появиться в русских пределах бродягам со своими стадами, как их нагайками гнали вплоть до Арала и Балхаша»⁸.

Всё это я пишу вовсе не для того, чтобы укорить А.И. Солженицына, тем более посмертно, а чтобы лишний раз указать, сколь хитра была на выдумки советская власть, впрочем, как и теперешняя тоже. Справедливо пишет Солженицын: «В богатой, цветущей стране и прежде всех миллионных истреблений вашего (русского – Г.М.) народа, да не слепо подряд, а уцеленно выбивавших самый русский *отбор*». Это необычайно точная мысль, и сегодня, почти через 30 лет мы видим то же самое: численность нацменов растёт, лимитрофные государства Прибалтики осястливили себя союзом с НАТО, а русский народ теряет свою численность и влияние, особенно в правительственных верхах.

Отчасти наивно Солженицын пишет: «не ждать же нам, когда наши беженцы беспорядочно хлынут оттуда (из Средней Азии Г.М.) уже миллионами». Да в чём же загвоздка? И рады бы хлынуть, да не принимает их родная мать Россия: не даёт ни работы, ни земель, ни квартир, даже паспортов не даёт, – зато можно гнобить их под властью узбеков, киргизов или мнимых казахов.

Но самая большая ошибка Солженицына – это вопрос о взаимоотношениях России с Украиной и Белоруссией, якобы нашими «братскими» славянскими народами. Он пишет:

«К тем и другим я обращаюсь не извне, а как *свой*.

Да народ наш разделялся на три ветви лишь в погрозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это всё – придуманная невдалеке фальшь, что чуть не с IX века существовал особый украинский народ с особым не-русским языком». Я подробно писал об истории

⁸ Цит. Интернет: <http://gifakt.ru/archives/index/kazakhstan-do-1936-goda-by-l-kazakhstan-t-e-kazackij-stan/>

возникновения так называемой «Украины» в большой статье «Миф об Украине»⁹. Ограничусь только небольшими замечаниями. Так называемая «Украина», – теперь её практически запрещено называть Малороссией, – исторически ограничивается примерно пятью или семью западными губерниями¹⁰, а вся остальная территория современной «Украины» придумана и присоединена к ней только во время советской власти. После Второй мировой – Отечественной войны Сталин присоединил к ней ещё Львовскую область, а вместе с ней и Галичину¹¹ – источник современной нестабильности на Украине и русофобской политики теперешних руководителей Украины. В наше время следующие рассуждения Солженицына представляются поверхностными: «Ещё бы нам не разделить боль за смертные муки Украины в советское время. Но откуда этот замах: по живому отрубить Украину (и ту, где сроду старой Украины не было, как “Дикое Поле ” кочевников – Новороссия, или Крым, Донбасс и чуть ли не до Каспийского моря)». С невероятной утопической верой Солженицын пишет, что будто бы мы, т.е. Россия, с Украиной «вместе и выберемся» из котлована, вырытого советской властью. Увы! Не только не выбрались вместе, а наоборот ещё глубже разделились.

Мне представляется, что коренная ошибка многих «народников» XIX века состояла в том, что они преувеличивали якобы существовавшую общность славянских народов, которой фактически никогда не было. Мне не раз приходилось писать, что ни один из славянских народов после их освобождения Россией от османского, австрийского и т.д. ига позже НИКОГДА не выступал на стороне России в ходе многочисленных вооружённых конфликтов, включая и сегодняшнюю политику так называемых славянских государств. Практически все они вошли в состав блока НАТО. То же самое стало относиться и к Украине. Если теперешняя Польша ставит вопрос о возвращении её границ к 1772 году (время первого раздела Польши), то почему бы и нашему руководству не поставить вопрос о возвращении Украины к границам 1654 года? Тогда сами собой отпадут вопросы и о принадлежности Крыма, и о том, что такое Новороссия, а границы Украины навсегда ограничатся Черниговской губернией или ещё Запорожской Сечью,

⁹ Г. Муриков «Миф об Украине»

¹⁰ Были созданы Киевская, Волынская, Подольская, Харьковская, Екатеринославская, Таврическая, Новороссийская и Херсонская губернии. При этом присоединённые области не имели национальной автономии как таковой. Использовалось понятие «Малороссия»

Цит. по: <http://statehistory.ru/4668/Formirovanie-granits-Ukrainy-v-1917-1928-gg/>

¹¹ Галиция, Галичина^{[1][2][3]} (польск. *Galicja*, нем. *Galizien*) – историческая область в Восточной Европе, примерно соответствует территории современных Ивано-Франковской, Львовской и большей части Тернопольской (кроме северных районов) областей Украины и югу Подкарпатского воеводства Польши (Перемышльская земля). Цит. по: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

если там возродится казачество. Может быть, придётся поторговаться с Польшей относительно Киева, но зато навсегда исчезнет г-н Порошенко с его претензиями.

Солженицын пишет: «Безответственно небрежна была советская прорезка границ». А мне опять-таки кажется, что наоборот она была очень и очень продумана. Вовсе не дураки сидели в Кремле. Почему бы, например, им в 1920-х годах не разделить Грузию на Кахетию, Сванетию, Мингрелию и т.д.? Тогда бы у нас никогда не было никакого грузинского конфликта. Но грузину Сталину нужна была на юге России целостная национальная государственность. И что вышло? Теперь в Грузию невозможно даже отправить письмо.

Солженицын прав, когда говорит, что нужно «твёрдо ограничить законами возможность безудержной концентрации капитала». Однако у нас всё получилось как раз наоборот. Более того монополистический – олигархический капитал и власть слились в единое целое и представляют собой чудовищного монстра, удушающего развитие страны.

Есть ещё одно утопическое пожелание Александра Исаевича: «Банки нужны как оперативная оценка финансовой жизни, но – не дать им превратиться в ростовщические наросты и стать негласными хозяевами «всей жизни». Как раз именно так и случилось.

Солженицын предостерегал, что при возможности такого режима Россия может превратиться в колонию. Опасаюсь, что именно этим путём мы и пошли с 1990-х годов, да и, похоже, и идём по нему же.

Есть у Солженицына ещё одна, прямо-таки провидческая мысль. Это о развитии спорта. Он пишет, что «спорт да в расчёте на всемирную славу, никак не должен финансироваться государством, но – сколько сами соберут». Политика теперешнего руководства страной прямо противоположна этому предложению. Россия превратилась в какой-то концентрированный спортлагерь, никаких проблем, кроме спорта, у нас вроде бы и нет. Сам президент демонстрирует «мастер-классы» во всевозможных видах спорта от плавания с аквалангом до полётов на дельтаплане.

Теперь поговорим о проблемах внутренней структуризации российского государства. Солженицын, безусловно, прав, когда говорит, что внутри нашей страны существуют как бы два государства: Москва и вся остальная Россия. «Москва уже 60 лет кормится за счёт голодной страны, с начала 30-х годов она молчаливо пошла на подкуп от властей, разделив преимущества, и от того стала как бы льготным островом, с другими материальными и культурными условиями нежели остальная коренная Россия». При этом «страшно то, развращённый правящий класс – многомиллионная партийно-государственная номенклатура – ведь не способна отказаться от какой-нибудь из захваченных государственных привилегий». Обратим внимание, что это написано в 1990-м году. Сегодня, в 2018-м – что-нибудь изменилось? Если и изменилось, то только к худшему.

У нас якобы установилась «демократия». Солженицын ссылается на

некоего И. Шумпетера, который назвал демократию суррогатом веры. Тут вспомним высказывания Черчилля о том, что демократия если и не лучший способ управления, но всё-таки самый лучший из возможных. Мне, да и не только мне, сразу же приходит в голову мысль том, что Англия до сих пор является монархией, а республикой она была один только раз с 1649 по 1660 гг. во время правления самого кровавого правителя Англии Оливера Кромвеля. Отметим, что Россия стала называться республикой именно во время правления Ленина-Сталина. Не случайно ли это совпадение? Стоит об этом подумать. Но Александр Исаевич, по-видимому, об этом вопросе не задумывался.

Интересно пишет Солженицын о системе голосования в России и некоторых западных странах: «Меньшинство никак не менее важно для общества, чем большинство, а большинство – может впасть и в обман». При этом он ссылается на известное исследование Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», в котором автор, исследуя так называемую демократию в США, пришёл к выводу, что демократия – это господство посредственности.

Но не только. Дальше Солженицын справедливо ссылается на некоторые высказывания русских философов:

«Как принцип это давно предвидел и С. Л. Франк: и при демократии властвует меньшинство. И В. В. Розанов “Демократия – это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством”». За примерами далеко ходить не надо, у нас всё то же самое: бразды правления уже семнадцать лет у «Единой России».

Солженицын справедливо пишет, что «верхушки политических партий неизбежно превращаются в олигархию». Как выбили себе сладенькие местечки Жириновский, Явлинский, Зюганов, чьи задницы почти 30 лет не сползают со своих партийных и депутатских стульев, и при этом упомянутые персонажи делают вид, что они являются «официальной оппозицией».

А вот уже и утопическая идея Александра Исаевича – предложение о созыве некоего ВСЕЛЕНСКОГО СОБРАНИЯ, которое будто бы сможет решить важные государственно-политические проблемы. Примерно также надеялись на решение аналогичных проблем Учредительным собранием в 1918 г. Неужели автор «Красного колеса» не заметил удивительных аналогий с горькой действительностью прошлых лет, тем более, что чуть далее сам же он пишет: «если же правительство само отдастся бюрократизации, то оно потеряет способность вести страну?»

Солженицын в 1990 году предлагал также созвать Соборную Думу в составе двухсот – двухсот пятидесяти человек по принципу сословного представительства вместо Верховного Совета, но не по такому принципу, как она была создана Б. Ельциным. Государственная дума, утверждённая Б. Ельциным и существующая до настоящего времени, избирается в количестве 450-ти депутатов, что корреспондируется с количеством

депутатов III-ей и IV-ой Дум при Николае II (соответственно 433 и 442 депутата).

Солженицын завершил свою статью словами: «Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость – это соответствие с нравственным правом, прежде чем с юридическим».

Так он в 1990 году предлагал обустроить Россию. Увы! «Обустройство» пошло совершенно по другому плану – разрушения и разорения могущественного государства. А. И. Солженицын нигде не упоминает о внешних международных силах. А дело «обустройства» России пошло в значительной мере по плану З. Бжезинского, о чём я уже писал ранее. В наши дни уже открыто говорится о предательстве верхушкой компрадорских властей интересов государства и русского народа в период так называемой перестройки. Однако, как неоднократно повторял первый «перестройщик» Горбачёв: «Полной правды я не скажу Вам никогда». Так до сих пор мы её и не знаем.

Санкт-Петербург

К 90-летию со дня рождения А.И. Солженицына

Г.Г. МУРИКОВ

«ВМЕСТЕ» ИЛИ «РЯДОМ»?

Несколько мыслей о книге А.И. Солженицыны «Двести лет вместе»

*Всякая страна имеет таких евреев, каких она заслуживает.
Н. Маргулис. 1881 г.*

Солженицын. «Один день Ивана Денисовича». Ура! Ура! Шедевр отечественной литературы. «Архипелаг ГУЛАГ» – уже начинает подзабываться. «Красное колесо» – почти и не прочитано. Публицистика – вообще малоизвестна. Получается странная вещь – чем дальше, больше и интереснее пишет Солженицын, – тем меньшее внимание привлекает его творчество нашу так называемую демократическую общественность. И вот печальный последний итог. Существует ещё одна вещь, о которой вообще почти ничего неизвестно, более того, её существование почти скрывается – это его двухтомник «Двести лет вместе», т.1,2 М.: «Русский путь», 2002 г.

В чём тут загадка? Она в том, что эта научная и одновременно публицистическая работа целиком посвящена одному из самых болезненных и актуальных для России вопросов – еврейскому вопросу. Почему двести лет вместе? Автор отвечает так: потому что после первого раздела Польши (1772 год) евреи впервые в большом количестве стали российскими подданными, так как жили на той территории, которая отошла к Российской империи. И вот эти двести с небольшим лет самым радикальным образом повлияли на судьбы нашего отечества. Разумеется, наивно утверждать, что в катастрофах, произошедших за это время в России, виноваты «одни евреи», но и отрицать их роль вряд ли кто решится.

«Сквозь полвека работы над историей российской революции я множество раз соприкасался с вопросом русско-еврейских взаимоотношений. Они то и дело клином входили в события, в людскую психологию и вызывали накалённые страсти», – пишет Солженицын (т.1 с.5). И дальше: «История «еврейского вопроса» в России (и только ли в России?) в первую очередь богата. Писать о ней – значит услышать самому новые голоса и донести их до читателя» – там же.

Кто только не писал о еврейском вопросе! От Г.С. Чемберлена до Д. Рида, от В.В. Розанова до И. Шафаревича. Писали по-разному: и с теоретической, и с оккультной, и с практической точек зрения, и полемически, и остро критически, не говоря уже о писаниях самих евреев. Так что материала хватает. Солженицын свою задачу сформулировал так: «Я хочу осветить вопрос – в исторических, политических, бытовых и культурных отношениях только, – и почти только в пределах совместной двухвековой жизни русских и евреев в одном государстве» (стр. 8). «Искренно стараюсь понять обе стороны. Для этого – погружаюсь в события, а не в полемику» (стр.6).

Но вся тонкость проблемы состоит в том, что сами эти события не только погружают нас в полемику, но даже с необходимостью её порождают и подстрекают. Видимо, поэтому в определённых кругах и считается, что лучше помалкивать об этой работе Солженицына, чем посмотреть на неё открытым и беспристрастным взглядом. Хотя, между прочим, все те факты, которые приводятся в работе, а также их трактовка извлечены автором главным образом из свидетельств, приводимых еврейскими литераторами и учёными, а потому отличаются особой объективностью, поскольку исходят от лиц, весьма и весьма заинтересованных.

А теперь по порядку. Вот одно из подобных свидетельств: «В 16 веке духовное главенство над еврейским миром сосредоточивается в немецко-польском еврействе... Чтобы предотвратить возможность растворения еврейского народа в среде окружающего населения, духовные руководители издавна вводили установления с целью изолировать народ (*разумеется, еврейский народ*. Г.М.) от тесного общения с соседями. Пользуясь авторитетом Талмуда, ...раввины опутали общественную жизнь и частный быт еврея сложной сетью предписаний религиозно-обрядового характера, которые... препятствовали сближению с “иноверцами”». (Ю. Гессен. «Истории еврейского народа в России». С. 34). Обратим внимание, что крупный еврейский публицист и видный деятель кадетской партии Ю.Гессен определяет именно немецко-польское еврейство как центр «духовного главенства над еврейским миром». А это и есть та часть еврейства, с которой мы живём «двести лет вместе».

Таким образом (разумеется, уже после раздела Польши) Россия стала духовным центром мирового еврейства, организованного в кагалную структуру, а «кагал в союзе с раввином обладал полнотою власти» (Ю. Гессен, там же). Причем любопытно, что именно в 18 веке как раз в восточно-европейском еврействе развилось движение хасидов, духовных обновителей и подвижников иудаизма, что не могло не способствовать общей активизации еврейского народа. Солженицын не забывает отметить, что «евреи в России с самого начала (то есть по разделу Польши в 1772 году. – Г.М.) имели ту личную свободу, которой предстояло ещё 80 лет не иметь российским крестьянам» (с. 38).

Как мы видим, предпосылки развития дальнейшей активности еврейства определены автором книги недвусмысленно, да и вряд ли кто-то решится их оспорить. В дальнейшем, после второго и третьего разделов Польши, на территории России оказалось ещё около миллиона евреев, что стало «крупнейшим историческим событием» (А.И. Солженицын). И далее он цитирует И.М. Бикермана, который, в свою очередь, говорит, что еврейство «после многовековых странствий [собралось] под один кров, в одну великую общину». (С. 43). Мы же можем смело констатировать, что миф о «еврейском рассеянии» с этой поры следует считать аннулированным и дальнейшее его использование является продуктом чистой спекуляции.

Теперь лет сто следует пропустить, и перейдём к одному из самых волнующих моментов русской истории – формированию и развитию в России

революционного движения. Как известно, В.И. Ленин видел в указанном движении три этапа, связывая первый из них с декабристами, второй с Герценом, которого они будто бы «разбудили», а третий со своей собственной личностью. Однако Владимир Ильич как-то позабыл, что были ещё и народовольцы, а вместе с ним появились на свет и социалисты-революционеры. А для полноты картины нельзя не вспомнить и Бунд, с которым у Ильича была то дружба, то вражда, но неизменное взаимное уважение.

Между тем, и это хорошо показывает Солженицын, в русском революционном движении «качественно важной составляющей» частью были именно евреи. Будучи издавна лично свободными, хотя и зависимыми от кагалных правил и установок (см. романы В. Крестовского «Тьма египетская», «Тамара бен Давид», «Торжество Ваала»), евреи чувствовали в себе как бы некую внутреннюю ответственность за «освобождение» и русского народа. Первую народническую террористическую организацию «Земля и воля» создал М. Натансон, «самый выдающийся революционер первой половины 70-ых годов» (с. 215). Его даже называли «Марк мудрый». Да и другие еврей-революционеры происходили по большей части из состоятельных семей, чем и определялось их «вольнолюбие» и революционная активность в стране, находящейся «под гнётом» царского режима.

Но пока хватит о евреях. Перенесёмся в солнечное утро европейской цивилизации. В те времена, когда жил был царь Лайй со своей супругой Иокастой и родился у них милый мальчик – сын Эдип, – которому дано было печальное предсказание, что убьёт он своего отца и женится на матери своей. Так всё и случилось, как ни старались фигуранты этой истории предотвратить неизбежное. А мудрый еврей Зигмунд Фрейд (опять вернёмся к нашим «баранам», то есть евреям), опираясь на эту печальную историю, создал психоанализ, своё знаменитое учение. Ни для кого не секрет, что в дальнейшем это учение было развито во всевозможных направлениях и приобрело самое неожиданное толкование. Среди них и такое: отец Эдипа – это государственная власть, его мать – это родина, а сам Эдип – смелый революционер, борющийся с государством за её освобождение от власти злодейского Лаййя (роман Максима Горького «Мать»). Нетрудно догадаться, что такими же смелыми освободителями чувствовали себя и российские революционеры, всегда готовые и прикончить царя-батюшку (убийство Александра II, покушение на Александра III, расстрел Николая II), равно как и овладеть Россией – матушкой. Впрочем, процесс продолжается.

Уместно, пожалуй, заодно будет вспомнить такое вот рассуждение З. Н. Гиппиус (из её книги воспоминаний «Дмитрий Мережковский», написано в 1943 г.) о природе русской революции, которая виделась ей и Д. С. Мережковскому в идеализированном образе: «Не о таком, конечно, пожаре, не о такой революции мечтал тогда Д. С. (и мы с ним). Да и не о такой даже, на какую надеялся Бунаков (речь идёт о видном деятеле партии с.-р. Бунакове-Фондаминском. – Г.М.) и его партия... Но она, по существу,

была нам всё-таки ближе всякой другой (речь идёт о февральской революции. – Г.М.), особенно марксистской, как более русская, более народная, отрицающая в России диктатуру пролетариата и признающая «роль личности» в истории. В ней, кстати сказать, евреи хотя и были – но как исключение. В с.-д. напротив: Ленин и Плеханов – исключение: большинство состояло из евреев». (Цит. по изд.: З. Гиппиус. Воспоминания. М.:2001, с. 339).

Революционер В. Ф. Флеровский писал: «...Я пришёл к убеждению, что успех можно обеспечить только одним путём – *создадим новой религии*.

...Надо научить народ посвящать свои силы только самому себе...» (стр.221). А его последователь долгушинец Гамов писал ещё проще: «Нужно выдумать такую религию, которая была бы против царя и правительства... Надо составить катехизис и молитвы в этом духе». (Там же). Революционеры стремились осуществить Царство Божие на земле, поскольку рассматривали её как Землю Обетованную. Тут-то и суть еврейского революционаризма. Евреи – народ богоизбранный, как они себя называют, «народ гениев» и «народ мучеников», каковому обещано, т.е. обетована некая земля. Глупо думать, что эта территория ограничивается неким пустынным пространством, очерченным границами современного государства Израиль, ведущего бесконечную войну с арабскими пустынниками. Конечно же, нет, – «обетованная земля» охватывает весь мир!

Солженицын цитирует из сборника «Россия и евреи»: в свою очередь В. С. Мандель в своей статье в этом сборнике приводит цитату из книги Фрица Кана «Евреи как раса и народ культуры»: «Моисей за 1250 лет до Христа первый в истории провозгласил права человека... Христос заплатил смертью за проповедь *коммунистических манифестов* в капиталистическом государстве; а в 1848 году вторично взошла Вифлеемская звезда – и опять она взошла над крышами Иудеи: Маркс». (С. 242).

Каутский говорил, что евреи – это не нация, это религиозная секта. Эту мысль поддержал Ленин: у них нет ни общего языка, ни территории, что Ленин считал необходимым условием для существования нации. Однако, как мы уже говорили, Ленин ошибался. Общая территория у них была: Россия, а общий язык постепенно был придуман, начиная с эсперанто и кончая «ивритом». Кто же усомнится, что евреев не существует, если даже некий Гитлер как бы в порядке «холокоста» уничтожил таковых шесть миллионов?

Ахад-Гаам считал, что сионисты стремятся не к возрождению древнего народа, а к *сотворению* нового (с. 261), – он и был создан. Да здравствует Сталин и резолюция ООН о создании государства Израиль.

Вопросы национальной проблематики марксистско-ленинским учением «никогда» не затрагивались, разве что в порядке рассуждений об интернационализме. Тем не менее, самый последний опыт войны в Афганистане (равно СССР и США), в Чечне, в северо-кавказских республиках наглядно показывает, что не так уж это всё просто, и не в едином строю пролетариат дружными колоннами шагает к коммунизму. За разговорами об интернационализме, о классовой борьбе, а ныне о

демократии и тоталитаризме скрывается непонимание национальной проблематики. Мы не будем касаться вопроса об «ассимиляции» евреев, будем опираться на мнение Ахад-Гаама, что задача сионистов состоит в сотворении **нового** народа.

Выше уже шла речь о том, что само понятие «рассеяния» еврейства является сугубо мифическим. Евреи искони жили в треугольнике стран: между Россией, Польшей и Германией: Ашкенази. Сравним численный состав еврейского населения в 17 веке: в этом участке проживало 6,5 миллионов человек, в Англии – 100 000 человек, во Франции примерно столько же. О каком же «рассеянии» может идти речь?

Могут спросить, а как же испанские сефарды (их тоже было около 3.5 миллионов)? Ответим: вот это-то и есть основная загадка еврейского вопроса.

Солженицын призывает к «раскаянию взаимному» (т.2, с. 468). Но разве «богоизбранные» могут раскаяться? Раскаяние – для быдла, для всякой мрази, для русской сволочи, для гоев и т.д. Избранничество же должно быть дано для народа «гениев» и «мучеников». Как бы не нам их осуждать. «Мы претендуем на то, чтобы научить абсолюту, но в действительности мы лишь говорим «нет» другим народам или, пожалуй, мы сами являем собою такое отрицание и ничего больше. Вот почему мы стали кошмаром наций». Эту цитату из М. Бубера, крупного еврейского философа, приводит Солженицын (с. 508).

Цель Израиля – «вернуться» на Землю Обетованную. А может, это Китежград для русских, Гроб Господень для крестоносцев, Третий Рим в мечтах славянофилов, Второй Иерусалим в планах патриарха Никона в качестве Москвы? А. Эйнштейн, создатель пресловутой «теории относительности», будучи видным теоретиком сионизма, считал, что Страна – это Храм. Где же он, Храм Соломонов?

И в заключение ещё одна небольшая цитата из тех, которые приводит Солженицын: «Большинство евреев мира уже решило: они не хотят быть независимыми... Посмотри на евреев России. Часть из них захотела независимости, остальные хотят продолжать жизнь клеца на теле русской собаки. А если русская собака стала немножко больной, немножко злой, они ищут себе американскую собаку. В конце концов, евреи жили так 2000 лет». (Цит.: Бени Пелед. Соглашение не с тем партнёром. – «Двадцать два», 1983, №30, с. 125, – у Солженицына т.2, стр. 516).

Итак, мы можем смело сделать вывод, что творческая мысль А. И. Солженицына не только не должна пропасть всеу, но и должна породить дальнейшие размышления и дискуссии, к чему мы и призываем наших читателей.

А заодно поздравляем Д. Гранина, специалиста по упомянутым вопросам, с 90-летием.

VI. ЛИЧИНЫ, ЛИЦА ЛИКИ.
(литературная и философская критика)

Геннадий Муриков

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ... А КНИГИ?

(о творчестве Владимира Сорокина по роману
«Теллурия»)

Татьяна Лестева

СТИХИ

Вячеслав Овсянников

**Прощание с русским поэтом
Глебом Яковлевичем Горбовским**

Геннадий Муриков

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ... А КНИГИ?

В новом романе «Манарага» (М., АСТ, 2017) Владимир Сорокин, как и в «Теллурии» снова обращается к размышлениям о предполагаемом будущем России, а равно и всего цивилизованного мира. Какой будет судьба бумажной книги в мире «умных» блох и голограмм? Этот вопрос задаёт автор в книге. Как и в «Теллурии», действие романа происходит примерно в середине XXI века, когда после войны с восточными, в основном мусульманскими, культурами наступает новая поствосточная цивилизация. Но цивилизация эта довольно странная. В «Теллурии» В. Сорокин предполагает, что в 40-х годах XXI века Россия распадётся на несколько маленьких псевдогосударств, увлечённых своими псевдоценностями. В новом романе автор рассуждает несколько иначе, хотя, судя по тексту, действие его должно происходить примерно в то же самое время – примерно в середине XXI века.

Главной забавой деятелей этого времени, сохранивших свою активность и мобильность, является оригинальное увлечение: они развлекаются тем, что крадут из музеев и разных архивных хранилищ некие книги – преимущественно оригиналы и, поджигая их, готовят на огне разного рода кулинарные изделия, от бифштексов до морковных котлет. Это забавное развлечение ограничено двумя важными факторами: во-первых, оно запрещено официальными властями, и поэтому, естественно, является рискованным. В тексте написано, что за развлечения такого рода инициаторам грозит от пяти до десяти лет тюрьмы, а в особенно криминальных случаях – вплоть до пожизненного заключения. Но с другой стороны этот процесс, названный в романе *чтением*, вызывает невероятный экстаз у его участников, а те, кто организуют это действие, названы в романе поварами. Это люди высокой квалификации. Их обслуживает много кулинаров и других деятелей, которые воруют из спец. хранилищ и частных собраний такого рода литературу. Главные деятели этого искусства называются по-английски «book'n'griller», «жаритель книг», причём самая тонкость состоит в подборе подходящего издания по объёму, переплёту, качеству бумаги, чтобы время её сгорания точно соответствовало бы времени приготовления заказанного блюда.

«Опытный мастер обязан просчитать весь процесс как шахматную партию и хладнокровно балансировать над пропастью. (...) Однажды у одного повара вспыхнула микроплёнка, вделанная в корешок в середине XX века. У другого были проблемы с антроподермическим переплётом “120 дней Содома”. Всё, всё возможно... Малейшая оплошность. Неуверенность или самоуверенность – и катастрофа неизбежна. Моя профессия сопряжена с риском. (...) Теперь уголовники всё чаще заказывают букинистические пиры» (с. 8). – Так говорит герой романа, тоже «повар».

Таким образом, главный герой романа – специалист по приготовлению разных блюд за счет сжигания книг, по имени Гезе – является героем, поскольку постоянно рискует: от тюрьмы вплоть до убийства неудовлетворённым клиентом.

Что хотят клиенты? Вкусы их разнообразны. Некоторые хотят жаркое на сочинениях Шекспира, другие любят блюда на древних текстах, третьи предпочитают сочинения Чехова или Тургенева. По мысли Сорокина дело не в том, чтобы найти подходящего автора, главное – найти соответствующий блюду культурный элемент.

В тексте рассматривается также странный вопрос: а почему бы не поджигать деньги? Оказывается, «в отличие от книг деньги плохо горят, поэтому на них и не жарят» (с. 15). Конечно, это спорно так же, как и ещё один вопрос: почему герои книги, интеллектуальные повара-кулинары не поджигают так называемые «святые тексты»? Намёки на это есть. Но нигде не сказано, что поджигаются тексты Библии, Корана, особенно Торы. Автор настолько воцерковлен, что считает, что наступающая цивилизация столь религиозна, что она хранит Святые Писания? В тексте, правда, есть упоминания о сожжении некоторых индийских священных книг, но странно, что Библия и Тора игнорируются. Также почему-то обойдён вопрос о сжигании сочинений Ленина, Маркса и, например, Пугина. Что это – самоцензура?

Появление этого удивительного развлечения – «book'n'grill» объясняется так: «Люди всегда тянутся к запретному плоду. Девяносто процентов опечатанных человечеством книг были сданы в утиль или просто выброшены на помойки, чтобы не занимали место в квартирах. А вот оставшиеся десять, осевшие в музеях и библиотеках, вдохновили лучшую часть человечества на удивительную страсть. Первый стейк был зажарен двенадцать лет назад в Лондоне на пламени первого издания “Поминок по Финнегану”, выкраденного из Британского музея. Его приготовили и съели четверо великих мужей – психоаналитик, флорист, биржевой брокер и контрафогитист. Так родился “book'n'grill”» (с. 15).

Основания для того, чтобы считать «Поминок по Финнегану» отправной точкой кулинарного сожжения книг есть. Дело в том, что автор убеждён в том, что Россия к этому времени уже погибла, а осталась только русская литература. Главный герой Гезе пишет так: «Я помню русских только в детстве, когда они приезжали к нам в Будапешт за работой. Им было тогда трудно, их титаник “Постсоветская Россия” тонул. Мальчиком я услышал от одного пьяноватого русского что-то вроде исповеди. Он сравнивал русских с евреями: одних Бог лишил Родины и рассеял по миру за то, что они распяли Христа, других – за то, что они распяли Человека. “Мы распяли в себе самих себя, распяли! – повторял он. – За это Россию засасывает чёрная дыра!” Признаться, я тогда не понимал, что он имеет в виду. Позже мне стало ясно. Но потеряв свой мир, русские быстро ассимилировались. И устроились не хуже других, надо сказать: трое известных book'n'grill chefs, жарящих исключительно на английских романах, – с русскими фамилиями. А перед одним из них – Лео Волкофф – я готов опуститься на колени» (с. 21).

Так в чём же тайна сожжения книг, которая увлекает буржуазию нового типа, родившуюся после победы над исламизмом? Этот вопрос в книге только поставлен, но не разрешён. Ведь с одной стороны, если победа над исламизмом является столь полной и безвозвратной, то зачем же нужно сжигать книги, которые являются достоянием прежней цивилизации? А с другой стороны, если новое общество целиком перешло на электронные формы общения и работы, то зачем же ему сжигать книги, остатки прежних ценностей? У Сорокина много нелепостей, но в его виртуальном мире есть определённая авторская логика.

В отличие от многих книг В. Сорокина в романе «Манарага» есть вполне ясный сюжет. Его герой, авторитетный «повар» по приготовлению различных кулинарных изделий при сожжении тех или иных книг, размышляет о целях и задачах своей деятельности. Например, ему очень нравится готовить при сожжении разных сочинений Чехова.

«Чехов! Только Чехов. Два собрания сочинений + отдельные издания рассказов в бумажных обложках. Они идеальны для быстрого *чтения* – креветки, лягушачьи лапки, пороссячи уши... На Чехове я жарю всегда с удовольствием. Лёгкий автор. В своё время он был массовым писателем и выходил на недорогой бумаге средней толщины. С ней проблем нет. Она горит не быстро и не медленно. Это хорошо для мясных блюд. Но брать собрание сочинений не входит в мои планы. Стиль этих двух ребят (букинистов-поставщиков – Г.М.) – показать сперва что-то новенькое, удивить клиента потом – впарить. Хотя заказ был другой. С ними не соскучишься.

Как от неё пахнет, боже мой! Я люблю раскрыть *полено*, втянуть носом запах оцинкованных страниц. Навсегда ушедший мир» (с. 27).

С этой точки зрения в романе обсасываются преимущества не только Чехова, но и Тургенева, Толстого, Достоевского, Госпассоса, Шекспира и многих других писателей, в основном классиков, потому что писатели XXI века, а главным образом постмодернисты, в романе иронически представляются как непригодные для приготовления пищи. Постмодернистская литература вызывает у главного героя – Гезы ироническое отношение. Например, для *чтения* один из коллег героя – «усатый Борис, *почитывающий* на советской литературе», предлагает ему книги.

«– Глянь, Геза. Это постсоветская литература. Отдаю всю *вязанку* за пару штук. Здесь пять авторов.

Беру наугад неувесистое поленце “Я пришёл с Родины”. На обложке – бритоголовый автор с проспиртованным взглядом. Листаю. В начале.

“Ванька пронёсся по засанной лестнице, пнул дверь подъезда, словно дырявый бронезилет укропа, попёрдывающей самоходкой вырвался в родной двор. Мокрым галчонком весна влетела ему в рот, в носу заципало, как от такана доброй советской газировки. (...) Вдруг в арке подворотни появилась Таня – короткая юбка, эскимо в тонкой руке. Она вся сочилась светом. (...) Ванька яростно, до мути глазной всосал в себя весенний воздух и проорал:

– Я убью тебя, сука!”» (с.131).

Уже по одному «Ванька» легко догадаться, кто такой бритоголовый автор, очевидно, это автор романа «Санька».

Владимир Сорокин ещё с давних пор поставил своей целью издеваться над русской литературой. Вспомним, что этой теме целиком посвящён его роман «Голубое сало», пародия на русскую литературу и культуру целиком, которая нужна якобы для того, чтобы выдать из неё некое «голубое сало», которое и является сутью творчества всех писателей. В «Манараге» цель расширена, но она становится и более неопределённой.

Помимо Захара Прилепина особой критике в романе подвергается Лев Толстой. Толстой по мысли Сорокина – это некий гигант, который одним своим приходом производит в рядовом обывателе душевное потрясение: «Люди знали, что весну им принесёт большой человек с левого берега. Он всегда приходил внезапно, хотя все его ждали, как ждут осенью снега, в засуху – дождя, а теперь – тепла и пробуждения уставшего от зимы мира. И в этот март люди поглядывали на реку, покрытую старым, вздувшимся льдом, втягивали ноздрями сырой воздух и произносили имя этого человека». И Толстой пришёл и устроил ледолом на реке. Читает он своим слушателям и разного рода притчи. Например: «Опираясь на посох, Толстой сощурился, подумав недолго, и заговорил:

– Родился однажды в клопиной семье ма-а-а-аленький клопик.

Толстой сложил два больших пальца, показывая детям размер клопика» (с. 88). Здесь речь идёт том, что родителей клопика подавили, а выкормила его только вошь, которая тоже питалась только кровью. В конце концов, клопик вырос и мог питаться самостоятельно. И Толстой задаёт детям вопрос, почему вошь спасла клопика от голодной смерти.

«– Потому что... она была доброй? – произнёс мальчик.

– Потому что она была доброй, – серьёзно произнёс Толстой» (с. 90). Но к чему же клонит автор? Очевидно, к познанию природы «добра».

Новый пласт литературы, под которым автор подразумевает и себя, хотя и в качестве саркастического критика, «...циничная богема окрестила “волной калек”. Наш угёс – Кухню – эта волна не поколебала, никто даже и не попытался заговорить о желании *почитать* новенькое. Мы держим марку...» (с. 163). Слово *почитать* в контексте романа означает сжечь текст, чтобы на нём приготовить что-нибудь вкусненькое, о чём мы уже говорили выше. То есть «новая литература» – литература калек, постсоветская литература, иначе говоря, постмодернизм, для самого Владимира Сорокина недостойна даже того, чтобы её сжечь. Нас может удивить, не всё ли равно, на чём готовить бифштексы или морковные котлеты. Оказывается, что не всё равно: можно готовить, только сжигая классику, украденную из музеев и тайных хранилищ. А почему-то постмодернистская литература для этого не годится. Бумага что ли стала хуже или переплётные иные? Неужели автор намекает на содержание? В том числе и своих собственных книг?

И вот, наконец, итог всех рассуждений главного героя романа – Гезу – ангажируют некие жулики, которые собираются организовать новую фирму,

которая будет заниматься сжиганием не подлинников книг, а их многочисленных факсимильных дубликатов. «Да, книги не всегда горят. И в них нам впрыскивают не только воду. Могут впрыснуть и взрывчатку. Тогда книги взрываются» (с. 175). Да, книги могут взрываться, но для этого в них должно быть серьёзное и интересное содержание. Владимир Сорокин в последнее время становится писателем другого жанра – отчасти пародистом, отчасти сатириком. Видимо, ему перестали нравиться его прежние полубесмысленные сочинения или сказки вроде «Насти». То, что он обратился к жанру фантастики, уже кое на что намекает.

В своих разных литературно-критических выступлениях В. Сорокин не раз подчёркивал, что природа его творчества игровая, карнавальная, но главная его цель – борьба со злом: «...игра – спасение, если быть серьёзным, то надо верёвку намылывать...». Здесь подразумевается и некая борьба с тоталитаризмом, о которой модно было говорить лет двадцать тридцать назад, и просто «борьба» с разного рода пороками, хотя то считать «добром», а что «злом» автор в своей постмодернистской иронии, как обычно, не поясняет, прикрываясь шутливой манерой в стиле «Игры в бисер».

Но мне кажется, что теперь В. Сорокин стал серьёзнее и пишет не только о том, что «сорока на хвосте принесла». Сам автор неоднократно писал о том, что для него не существует табу, но всё же существует, что мы отметили выше. И, прежде всего, это относится к религиозной сфере. Может, писатель побаивается пресловутой 148 статьи УК? Здесь есть, о чём подумать. Наше законодательство устроено так, что нарушение «табу» может обернуться реальным тюремным сроком. Но хочется надеяться, что Сорокина «минует сия чаша»...

Рукописи не горят, а книги, наоборот, горят неплохо, причём практически всегда, а не только в воображаемом будущем середины XXI века. Ну что же, если книги – не пища духовная, то хотя бы на плотскую сгодятся, включая и сочинения постмодернистов.

Санкт-Петербург

Татьяна Лестева

К юбилею В. Маяковского

«Мы диалектику учили не по Гегелю.
Бряцанием боёв она врывалась в стих,
Когда под пулями от нас буржуи бегали»...
Теперь мы снова бегаем от них.

От них ли бегаем? Или бежим за ними,
Работодателю с почтеньем глядя в рот?
Пред ним трепещем, льстим ему отныне
И кланяемся в ноги: Подаёт

Нам те подачки, что зовут зарплатой.
Когда, кому и сколько, нам ли знать....
А хочется покрыть их трёхэтажным матом,
Как Маяковский, – в бога, душу, мать.

Кругом ворьё, обман, чиновники, бандиты,
Ложь, секс, разврат и купленные СМИ.
В законе вор – российская элита.
Мы нелюдями стали, – не людьми.

Ум, совесть, честь, мораль, любовь и дружба? –
В недоумении посмотрит молодёжь.
Вот евро, фунты, баксы – то, что нужно!
Слова, слова ... Лишь пустота да ложь.

Не русские теперь мы – россияне?
Не вспомним мать, забудем про отца?
И с верой в православное сиянье
Смирненно будем ждать... КОНЦА?!

Конца страны, не так давно великой,
Конца народа... Ты ВЕЛИКО-росс?
Чужих икон помогут ли нам лики?
«Что делать?» На повестке дня вопрос.

Перечитывая И. А. Бунина

Когда смотрю на «Тёмные аллеи»,
То экзистенциально сожалею.
Вся «Жизнь Арсеньева» – любовь.
«Деревня», «Лёгкое дыханье».
Я перечитываю вновь
Писателя воспоминанья.
Настали для него они,
Дни окаянные – одни.
Стихи мне прочитать пора:
«У птицы есть гнездо,
У зверя есть нора».
Грусть в сердце разрастается, как сныть:
«Я камин затоплю, буду пить.
Хорошо бы собаку купить».
В Ельце – в музей.
Воронеж.

Бунин

Присел с собакой отдохнуть.
Его творенья не забудем –
В бессмертье проложил он путь.

Жаль только, что Россия без...
Надгробье. Крест на Пер-Лашез.

Читая Карлоса Кастанеду

Как метроном стучали кастаньеты,
Мне виделась фламенко и испанка,
А я лежал, читая Кастанеду
После укуса мухи шпанской.

Там дон Хуан хуанил по страницам
Индец-маг рассказывал мне сказки.
А я лежал один, один в больнице...
Совсем один – без женской ласки.

Часы призвали всех больных к обеду.
Не мог пойти, – хотя был тоже зван,
Читал, под капельницей лёжа, Кастанеду,
И с ним я путешествовал в Икстлан.

Путь воина... Он мне известен тоже.
Тропой войны не раз шёл и не два.
Был ранен, но отстреливался, лёжа.
Афган, Чечня... То слава? Нет, слова.

Мы били чичей, моджахедов били,
По горным тропам кровь лилась ручьём...
Десантники страх смерти победили.
Ты, Дон Хуан, здесь, право, не при чём.

Сновидел я не только руки, ноги,
Я видел скальпы, снятые с живых.
В горах пустынных призраков так много.
Когда бандиты рядом, – не до них.

Слои Вселенной – с лука шелухою...
Оригинально! Что могу сказать?
Но коль над пропастью стоишь одной ногою,
Зачем в миры чужие улетать?

Здесь надо выжить! А земли ни пяди
Не уступить захватчику-врагу.
Дрожит «герой», на призрак ветра глядя!
ТЬфу, Дон Хуан! Я больше не могу.

Вячеслав Овсянников

ПАМЯТИ ГЛЕБА ГОРБОВСКОГО

Скончался Глеб Горбовский, большой русский поэт, гордость нашей литературы, гордость Петербурга. Имя Горбовского давно стало легендой, его стихи любимы всеми, кто может чувствовать подлинную поэзию. 1-го марта в Свято-Троицком монастыре Александро-Невской лавры состоялось отпевание. Собрались почтить память умершего родственники, друзья, поэты, люди литературы. Там я встретил многих знакомых мне писателей. Священники вели службу отпевания по православному обряду, скоробно звучали голоса певчих на хорах. Свечки горели в руках собравшихся. А мне почему-то вспомнились строки Блока из его стихотворения «Поэты», которое, как я знаю, особенно любил Горбовский:

Пускай я умру под забором, как пес,
 Пусть жизнь меня в землю втоптала, –
 Я верю: то бог меня снегом занес,
 То вьюга меня целовала!

Не зря же Горбовского причисляли к проклятым поэтам. Да и сам он долгое время себя таким считал.

Служба закончилась. Священник объявил, чтобы попрощались с умершим, после чего гроб будет закрыт, повезут хоронить на Богословское кладбище. Похоронят рядом с могилой жены Горбовского, поэтессы Лидии Гладкой. Шли длинной чередой по обеим сторонам гроба.

Вот и всё. Прощай, Горбовский!

Светлая тебе память! Жизнь ушла, остались стихи.

День был по-весеннему яркий, солнечный, голубое небо. Ночью бушевал буран, намел свежего снега, как будто чтобы выстелить Горбовскому чистый путь в вечность.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

М. П. Чернышева

**Опера
Джузеппе Верди
»ТРАВИАТА«**

НА СЦЕНЕ МАРИИНСКОГО ТЕАТРА

Оксана Шилова

М. П. Чернышева

Через три года после премьеры: «Травиата» в Мариинском театре

«Травиата»... Шедевр Джузеппе Верди, любимый вокалистами, оркестрантами, дирижерами и зрителями! Если профессионалы оперной сцены ценят возможность с наслаждением демонстрировать свой высокий уровень мастерства, то зритель – возможность испытать состояние «омовения» и очищения музыкой и эмоциями. И спектакль Мариинского театра не обманывает этих ожиданий.

Режиссер-постановщик англичанка Клаудиа Шолти, известная нам по прекрасно-таинственной постановке оперы «Сон в летнюю ночь» Бриттена, в со-творчестве с художником Изабеллой Байуотер придала «Травиате», этой жемчужине оперной классики, новое звучание. К счастью зрителей, оно не связано с навязываемыми обычно слушателю «приметами современности» в виде переодевания актеров в современные одежды и прочих глупостей. Естественность рисунка роли каждого из героев, драматургия каждой мизансцены так и просят оценки «Верю!!» Станиславского. Режиссеру-постановщику достаточно нескольких не слишком гротескных штрихов (например, прохода по авансцене подвыпивших гостей Виолетты), чтобы через общие слабости показать сходство людей разных эпох. Очень важными для не поверхностного восприятия оперного действия представляются деликатные дополнения и акценты на символах, которыми богата партитура Верди. Увертюра. Тончайше-трепетное звучание музыкального эпиграфа к спектаклю (дирижер Михаил Синькевич) сопровождает появление на стенах дома Виолетты лица спящей женщины. Но вот ресницы дрогнули – и героиня пробуждается для любви и жертвенности...

Во втором действии волнующие ветром цветущие деревья создают ощущение гармонии, счастья и красоты. И, наконец, сцена Маскарада, где карнавальные мотивы подчеркиваются появлением воздушных гимнастов, женщин - зазывал, машущих руками на башнях, и «ряженных» гостей – цыганок, быков и тореро. Постановщик связал их появление с символами судьбы (хор «цыганок»), смерти (гибель «быков») и «перелома» судеб героев от безмятежности к трагедии (резкие сальто воздушного гимнаста). Эти символы предвещают кульминацию сюжета – драматическую встречу Альфреда и Виолетты.

Вдумчивое воплощение на сцене замысла Верди, красота декораций и изобретательность художника-постановщика составляют прекрасное единство с оркестром и вокалистами. Хотя эта редакция оперы Верди впервые увидела свет рампы Мариинского театра три года назад, в 2015 году, но свежесть эмоций исполнителей главных ролей и филигранного звучания оркестра создают ощущение праздничной премьеры.

Известно, что в «Травиате», в отличие от более поздних опер, композитор отдает вокалистам основные средства музыкального выражения сюжета на фоне минимализма оркестрового звучания (за что многие критики еще в 19-м столетии упрекали Верди). Это требует от дирижера особого мастерства, что отмечают овациями не только слушатели, но и исполнители в конце спектакля.

За три года жизни спектакля немного изменился состав певцов, но в целом они составляют прекрасный по звучанию ансамбль. Сегодня исполнители партий Виолетты (Оксана Шилова) и Альфреда (Мигран Агаджанян) обладают красивыми мощными «вердиевскими» голосами широкого диапазона, превосходной техникой и несомненным драматическим талантом.

Оксана Шилова, легко и естественно следуя мелодике Верди, создает образ в чем-то наивной, доброй и искренней девушки, чья душа «просвечивает» сквозь легковесный образ куртизанки. Это не Виолетта Анны Нетребко! Её есть за что любить прекраснодушному юноше Альфреду. Пробуждению в ней большого чувства веришь! Верди выделяет Виолетту среди всех и тем, что она уже «уязвлена» смертью и чувствует свою беззащитность перед нею, – никто не слышит ее слов о краткости ее жизни... В героине Оксаны Шиловой этот мотив звучит всё отчетливее по мере развития действия. Простота и естественность исполнения певицей самых сложных по технике и эмоциональной наполненности сцен второго и, особенно, третьего акта достойны восхищения! В финале это позволило ей добиться музыкальными средствами уровня философского обобщения: высшее выражение любви – это смерть! Действительно, трудно сказать, о чем говорит Виолетта в последнем возгласе «О, радость!», – о долгожданном единении с Альфредом или о конце физических и душевных мук (смерти)?

И критика была единодушна в своей оценке певицы, говоря, что «Оксана Шилова блистала в своём образе. Если у многих Виолетта получается чересчур интеллигентной, настолько, что невольно задаёшься вопросом, кто эта женщина: куртизанка или школьная учительница – и её жертвенность кажется очевидной, то наша исполнительница показала превращение из развязной гетеры в почти святую женщину, которая без тени сомнения отдаёт свою жизнь ради чести возлюбленного. ...Она менялась буквально на глазах, постепенно отсекая всё лишнее и обнажая чистую душу».

Мигран Агаджанян, обладатель прекрасного драматического тенора, строит образ своего героя традиционно: Альфред быстро проходит путь от наивного влюбленного до эгоистичного ревнивца, безрассудного в своей страсти (задета его честь!). Драматический рисунок роли представляется несколько спорным из-за выбранной вокалистом на всем протяжении оперы «героической» манеры исполнения, – все же Альфред не Радамес. Но в сцене игры в карты и оскорбления Виолетты на Маскараде выразительность и драматизм эмоций героя Агаджаняна производят сильное впечатление.

Настоящим открытием для слушателя явился Жорж Жермон в исполнении Владислава Сулимского, – олицетворение злого гения под маской эгоистичной родительской любви. Заметим, что его поведение – это пример не только извечной драмы отношений отцов и детей, но и демонстрация одного из известных современных методов внушения – метода нейролингвистического программирования. Имел ли его в виду Сулимский, неизвестно, но его персонаж явно навязывает героине необходимость жертвы неоднократными повторениями на разные лады одной и той же фразы. Конечно, в этом вокалист следует партитуре, но явно акцентирует свою навязчивость манерой поведения. Примечательно, что раскаяние Жермона-Сулимского в финале кажется слушателю лицемерным.

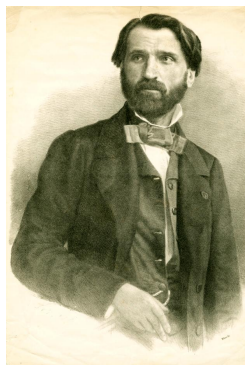
Из исполнителей ролей второго плана выделяются Александр Трофимов (Гастон) и Владимир Феляуэр (доктор Гранвиль). Перед ними стоит нелегкая задача лаконичными средствами создать запоминающийся образ. Они с успехом ее решают, сочетая высокотехнический вокал с узнаваемой пластикой движений и драматизмом. К сожалению, исполнители таких знаковых персонажей, как барон Дуфоль (Андрей Серов) и подруга Виолетты Флора (Ирина Шишкова), не достигли выраженной сценической индивидуальности. Возможно, виной тому погрешности либретто, поскольку это характерно и для других постановок оперы на разных сценах. Попытки преодолеть этот барьер очевидны у Андрея Серова, но, к сожалению, они пока недостаточны.

И все же, опера «Травиата» прочтена заново. И меломан, и любитель опер Верди, и рядовой слушатель вновь услышали и осознали музыкальные, превосходящие слово, основы трагедии и красоты мира.

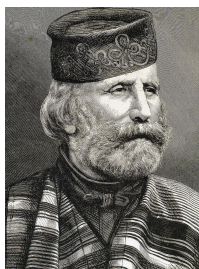
В. Чернышев

**Опера
Джузеппе Верди
«ТРАВИАТА»**

*РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПОСЛЕ СТЕКЛЯКА*

Александр Дюма-сын
!Дама с камелиями»

Джузеппе Гарибальди

Мари Дюплессй

Впечатления и размышления после спектакля.

Удивительно, но музыкальный спектакль вмещает в себя, кроме наслаждения, которое испытывают слушатели, еще и нечто подобное тому, чему в теореме служит доказательство. Я сидел в зрительном зале, переживал драматическое действо, слезы скапливались в глазах и я старался их промокнуть незаметно для соседей, но одновременно или позже я размышлял о множестве вещей, никак не связанных с музыкой. Чуть ли не целый мир вмещается в эти размышления, и меня снова можно упрекнуть в потоке сознания, в излишней эмоциональности – но дело в том, что все то, что я думаю в связи с спектаклем, не просто возникло в моем сознании ассоциативно, а словно бы следует непосредственно из спектакля, непосредственно его продолжает. Можно было бы ограничиться похвалами музыке, пению, спектаклю в целом. Но *содержание размышлений* превосходит мое впечатление слушателя и зрителя, оно важнее, чем то, что я придумываю в другое время, например, когда размышляю о литературе, поэзии, размышляю в связи с разговорами и обсуждениями литературных тем, и их отношениями к жизни, к эстетике, нравственности. Я думаю даже так, что если после оперы или симфонии взяться за доказательство какой-то трудной математической теоремы, то решение возникнет гораздо скорее, чем в другое время... Об этом же говорил и великий Пуанкаре в своих размышлениях о Науке.

Но лучше мне перестать оправдываться перед возможным читателем, а писать так, как я хочу. От кого или от чего я завишу? Я не понравлюсь читателю? Да Бог с ним, сегодня они ленятся читать даже тех, кто нравится, поэтому не важно, нравимся мы им или нет.

И вот темы, о которых я вспомнил, еще сидя в зале оперного театра, как бы ни показались они далеки от оперы, и я о них выскажусь.

1. Я издаю журнал, в котором стараюсь просвещать всех, читателей и писателей (но есть среди них и образованнее меня.). И все же, сегодня читатель не тот, что был не только сто лет назад, но и пятьдесят. И поэтому я напоминаю читателям о прошлых властителях дум, о прошлых известных людях и событиях, имеющих важное значение для культуры. Напоминать приходится даже о Пушкине и Лермонтове. Но мои напоминания часто встречают ропот: «да сколько можно цепляться за прошедшее время, **надо идти вперед**, нужны свежие идеи и мысли, свежие, неизбитые формы искусства и литературы, новизна в философии!»

Но нужны ли? Вчера я слушал оперу знаменитого в 19-м столетии композитора Верди, автора почти двух десятков опер, соревновавшегося в славе с германским идиолом Вагнером. Либретто своих опер Вагнер писал сам, и если судить по его Мемуарам и письмам, он был прекрасным литератором. Верди, как и большинство других, пользовался чужими либретто, иногда оригинальными, иногда перелагавшими известные сюжеты. В основу сюжета «Падшей» (la traviata) был положен роман Дюма-сына «Дама с камелиями». Дюма-отец написал десятки приключенческих романов, сын написал (по

крайней мере, известный) один роман, но благодаря тому, что опера Верди идет на сцене уже сто пятьдесят лет, миллионы слушателей с благодарностью вспоминают его имя (может быть, только благодаря опере он и сохранился в нашей памяти, хотел я написать – но нет, этот роман сто́ит памяти, вчера я плакал в опере, когда-то, читая его роман, я тоже плакал. (Кстати, сам Дюма-сын говорил: «Через пятьдесят лет никто не вспомнил бы о моей «Даме с камелиями», но Верди обессмертил ее»).

Представим себе, что оперное искусство 19-го столетия исчезло – по ветхости, – и мы слушаем только Прокофьева, Стравинского, Шостаковича – прекрасных композиторов... ах, нет, исчезли и они, тоже устарели и обветшали, и остались только песни старых американских негров, австралийских аборигенов и молодых наркоманов Амстердама... и нет не только опер и симфоний, но нет и романсов, ни дворянских, ни цыганских, ни "городских романсов" начала двадцатого века (это был такой жанр, в отличие от дворянского романа, жанр, связанный с именами Вари Паниной, Вяльцевой, Вергинского)... Вы ничего бы не потеряли, читатель? Удивительно, но вам легче жить, чем мне, а я бы покончил жизнь самоубийством без русских романсов, с ними даже несчастную любовь перенести легче, меня утешала музыка, но без музыки меня и любовь не утешит. Это трудно объяснить, и необходимость музыки я доказать не могу... как и необходимость поэзии. Возможно, почти ничего нельзя ни объяснить, ни доказать – но так же без музыки я чувствовал бы себя на земле, если бы все люди вдруг исчезли, а вместо них прилетели бы марсиане... Но это неправда. Я хожу в оперу, и в ее зале вместе со мною еще полторы или две тысячи человек, и в концертном зале, и в филармонии, и в театре драмы, комедии, в оперетте. Да, нас не так много, во всех театрах Петербурга сегодня вместе со мною десять тысяч человек. Если я хожу в театр раз в месяц, но каждый день месяца зал полон, то приходят в другие дни другие, и ходит в театры триста тысяч человек, то есть почти десятая часть взрослого населения, та **десятина**, которая и составляла в 19-м столетии образованное сословие России. Оно, возможно, не стало больше, но и не стало меньше, только сто пятьдесят лет назад у него были дворцы и поместья, а сегодня мы все обеднели...

Современное искусство не заменит нам прошлое, как братья и сестры не заменяют родителей, а родители не заменяют дедушек и бабушек. Ужасен мир без прошлого, вообразите, что исчезли предания о Трех богатырях, исчез Микула Селянинович, воспоминания о взятии татарами Козельска, о разорении Рязани, о Куликовом побоище, о Бородине? А ведь предания не сохраняются вне культуры, они не существуют просто как междометия в частных разговорах, **они вплетены в культуру**, о них слагают былины, баллады, романсы, песни и легенды, сказки, прибаутки, поговорки. О них пишут и оперы, Верди и Вагнер, Мусоргский, Бородин, Чайковский, Римский-Корсаков...

По жанру «Травиата» – один из первых образцов лирико-психологической оперы. Премьера ее состоялась 6 марта 1853 года в венецианском театре «Ла Фениче».

Но несмотря на признание Джузеппе Верди в Европе, премьера «Травиаты» с треском провалилась. Однако Верди внес поправки в оперу, и вот тогда она пришлась по вкусу зрителям. Они горячо полюбили произведение, чего нельзя было сказать о критиках. Но, как известно, критики часто ошибаются, а истинным ценителем оперного искусства является простая публика.

Вскоре «Травиата» стала известна всей Европе, выдающиеся арии распевала вся Италия, – но ведь и жизнь великого композитора – подлинная драма, достойная оперы, как, впрочем, жизнь многих великих творцов.

Однако, необходимо сократить отвлечения, и вернуться к «Падшей».

Какова же предыстория «Травиаты»?

В 1848 году в Париже состоялась премьера драмы **Александра Дюма-сына** «Дама с камелиями» (переработка его романа для сцены), на которой присутствовал **Джузеппе Верди**. Сюжет привлек композитора и вскоре он взялся за работу над новой оперой по либретто Франческо Мария Пьяве.

Так оказались связаны французский писатель и итальянский композитор.

Но в судьбе великой оперы была еще одна участница.

В Париже, на кладбище Монмартра около церкви Святого Сердца, туристы по-прежнему приходят на могилу куртизанки Марии Дюплесси, исторического прототипа героини «Травиаты».

Она умерла спустя 19 дней после своего двадцать второго дня рождения от туберкулеза. *Среди ее любовников был и Александр Дюма-сын*. Он похоронен недалеко от могилы девушки. Влюбленные со всего мира идут к ним, почитая их как Ромео и Джульетту.

Считается, что в разрыве с Дюплесси и отъезде сына виноват Дюма-отец. Вернувшись в Париж, Дюма-сын не застал любимую в живых – она уже умерла. Через некоторое время вышел роман «Дама с камелиями».

Однако в великой европейской драме, в которой искусство неотделимо от исторической жизни, да и от простой народной жизни, и творчество Верди, и сама его личность неотделимы не только от жизни северо-итальянской провинции, но и от судьбы Италии, от судьбы европейского искусства.

Классическую музыку середины девятнадцатого века обычно представляют как состязание между романтиками и традиционалистами, между Листом/Вагнером и Брамсом. Однако существовал и третий путь, проложенный по другую сторону Альп, – путь Джузеппе Верди. Но ни литература, ни музыка не остаются в стороне от духовно-освободительных и национальных движений: как Пушкин по духу своей поэзии принадлежал декабристам и молодому вольнолюбивому дворянству, вдохновленному победой 1812 года (*пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!*), так ария Виолетты «*Всегда свободна*» из оперы «Травиата» выражает романтические настроения французского и итальянского народов.

Верди был современником Джузеппе Гарибальди, итальянского революционера, полководца и политического деятеля, лидера Рисорджименто (возрождение, обновление) – национально-освободительного движения в Италии. Хотя Верди не был полководцем, как Гарибальди, его значение в этом движении велико и бесспорно. Когда итальянец восклицал: «Да здравствует Верди!» – VIVA **VERDI** – в устах патриотов это означало VIVA Victor Emmanuel Re Italia (король Пьемонта, служившего базой национального освобождения от австрийского господства)!

В конце жизни Верди был настолько знаменит, что на вопрос о его адресе он отвечал: «О, адрес у меня очень простой – Маэстро Верди, Италия». Ах, если бы и я когда-нибудь дожил до этого! Впрочем, жалею я не справедливо, – многие ли помнят, когда и где жили Гомер, Вергилий, Данте, Стендаль, ... не говоря уж о философах и критиках, у которых хотя и учатся великие писатели, но которых редко читают читатели великих...)

2. Поэзия и литература, драма и опера... Хотя великое музыкальное и драматическое искусство Европе обязано даже более, чем России, но русский, соединяя и то и другое, существенно отличается от европейца в метафизическом отношении (особенно сегодня, в 19-м столетии эта разница была не так значительна). Между европейским завсегдаем театра и русским зрителем и слушателем пролегает пропасть: итальянец и француз, в значительной степени и немец, тем более англичанин ходят в оперу для наслаждения и развлечения, русский идет как в церковь, на баррикады, на войну или на свидание; да, мы идем за *преображением и катарсисом*, мы идем страдать и восхищаться, воспарять на небо, искать и находить истину. Мы слушаем не только Верди, слушаем и Вагнера, и Мусоргского – но мы не изменяем ни одному ни другому, каждому мы верны, и в каждой душе наша находит не удовольствие, а блаженство.

Национальное искусство неотделимо от подлинной национальной жизни, ибо **подлинная жизнь – только национальна**, как и искусство, между ними не может не быть совпадения.

3. Итальянская жизнь 19-го столетия, когда Италия была раздроблена и порабощена, напоминает мне то положение, в котором сегодня находится Россия, только Италия не была столь нищей и столь униженной, и народ не был так несчастен. Самое ужасное состоит в том, что русский народ не слышит биения своего сердца, не чувствует его боли, он даже счастлив – так счастливы бывают тяжело больные во сне или в забытии. Возможно, народ уже умер, и именно поэтому он ничего не чувствует?

Ну вот, например, **свобода**. Не спешите сказать, что у каждого своя. Или что ее нет и быть не может. Рассмотрим **возможность не поклоняться** тому или иному Богу, той или иной мировоззренческой доктрине, например, марксизму. **Право** верить или не верить богу было достигнуто за двадцать столетий ожесточенной борьбы почти во всех европейских странах, это сегодня называется **свободой совести**, еще триста лет назад в Европе и в России за открыто высказанное неверие сжигали, а сегодня я редактирую книгу, в ней бывший протестантский пастор уже не верит в то, во что верил

вчера – и ничего, его не сжигают. Такие возможности называются **духовной свободой**, она существует как возможность или актуальность, но так или иначе она есть... И я надеюсь, что есть **справедливость**, она дана человеку как **интуиция**, уже в три года ребенок чувствует несправедливость. Благодаря культуре и истории, человек существует не только от рождения до смерти, во все эпохи, которым он сопричастен, а сопричастен он всему, куда его приводит культура... Конечно, Верди не был революционером – но не он ли объединял Италию своим искусством?

4. Хотел уже на этом закончить свои рассуждения – или свои вскрики?

Но технологический прогресс вторгся ныне и в искусство, и мне не надо ждать, пока счастливый случай снова приведет меня в театр, театр пришел ко мне домой, расположился в волшебном ящике напротив меня на стуле, и Виолетты одна за другою запели для меня свои арии о свободе и любви, плача и смеясь. «Которая из них лучше?» – спорят мои домочадцы в соседней комнате... Но есть ли критерии в искусстве? Кажется, что и в оценке искусства решающее слово принадлежит любви. Поют Оксана Шилова, Этери Гвазава, Мария Каллас, божественная Анна Нетребко, – но я ведь их всех люблю, и все они лучшие, надо ли из них выбирать? Может быть, наши споры проистекают из того, что нам навязывают выбор худших? Нам навязывают завоевателей и палачей, полководцев, некоторые из которых славны пирровыми победами, нам навязывают «гениев всех времен и народов», единственно истинных, единственно верных, единственно справедливых – и мы теряем **чувство вкуса и меры**. Только кто это, тот могущественный, который в состоянии нам всё навязать? Увы, я не знаю.

Иногда мне кажется, что дело в понятии сверхъестественной сущности, к которой запрещено относиться критически, которую невозможно оспаривать, настолько она выше человека – но так как у всего высшего, недоступного нам для диалога, существуют законные представители в нашем обществе, *помазанные*, жрецы, философы, ученики и апостолы – то запрещено относиться критически к ним ко всем.

Поэтому лучше я продолжу свой разговор о любви. Я уже понял, что истина не существует, а любовь, к счастью, все еще есть. Пусть она даже условна, пусть ее придумали юный Александр Дюма и Джузеппе Верди, пусть этот миф о любви культивируют только романтики – но все же она существует, хотя бы для них. И я вдруг увидел, что есть многое, о чем не надо спорить, не надо доказывать ни блаженному Иерониму, ни блаженному Игнатию, что они ошибаются, надо только сводить их хотя бы один раз в театр, и пусть они посмотрят, и пусть они услышат... Если человек создан Богом, то сущность его едина во всех нас, мы ведь разговариваем на одном языке и в основном понимаем друг друга, следовательно, в некоторых частностях мы притворяемся и обманываем себя и других. *«Рабы, во всем угождайте господам своим!»* – это, конечно, не математическая истина, это правило, которое придумали рабовладельцы, чтобы им было легче управлять рабами. И незыблемость крепостного права, наследственной монархии – не сущностный закон исторического развития, а свод правил, установленных оккупантами на оккупированных территориях, татарами, монголами, немецкими

арийцами... До поры до времени слабые подчиняются правилам сильных, потом начинается война за освобождение, Рисорджименто, Французская революция, Русские три революции, Гражданская война... затем новые хозяева России начинают истреблять ее коренное население, предатели им в этом помогают – но и это не вечно, это не философский закон и не Закон Природы, и тем более это не Постановления подлинного Священного Писания, установившие Николая второго и Столыпина, и проклинающие декабристов, не правы в главном: если бы какая-то всемирная сила могла бы повернуть ход исторического развития и вернуть крепостное право, то они бы его возвращение приветствовали бы в единственном случае – если бы они стали помещиками, а мы крепостными – но если бы случилось наоборот, то они бы первые влились в ряды декабристов, народовольцев, эсеров и большевиков.

И сегодняшние православные – не последователи Библии, то есть соединенных Ветхого и Нового Заветов, их мышление и по поводу устройства Солнечной системы и геологического строения Земли, и теории эволюции вполне современно, вовсе не архаично, и они не повторят тот бред Оригена, что математика внушена бесами, и браки должны быть строго сословны – а именно это обстоятельство в центре трагедии, испортившей жизнь героям оперы Верди и Александру Дюма-сыну и его возлюбленной Мари Дюплесси.

5. Любовь и порок (Первородный грех)

Если христианское учение истинно или справедливо; или и истинно и справедливо – и в основании человека и мира лежит **первородный грех**, ради искупления которого Иисус из Назарета принес себя в жертву – а если он при этом и Бог, то это **трансцендентная метаисторическая жертва, оправдывающая историческое** христианство, и инквизицию, и гонения на ученых, поэтов и евреев, и крестовые походы, и сожжение кроме миллионов менее знаменитых еще и Яна Гуса, Джордано Бруно, Жанны Д*Арк, оправдывающая пытки и казни правления Ивана Грозного, Сталинский террор и заодно всю мерзость человеческой истории, ее лжи, подавления, несправедливости, морей, составленных из слезинок детей (а не тех лживых слезинок, которые Достоевский предъясняет в оправдание мерзости человеческой истории и противопоставляет всем революционерам и освободителям мира, и декабристам, и гарибальдийцам, и всем революциям – ибо надо было, по завету Христа, *кротко любить своих рабовладельцев, во всем угождать им*, лелеять, отречьшись от собственной жизни, ибо и мир весь христианство призывало проклясть и отвергнуть, замурававшись в пустыни и склепы, на столпы и в монастыри, а *жена в каждой семье должна была во всем угождать мужу*)... ну, короче говоря, если христианское учение истинно, то надо было стараться историю отменить, как апостол Павел и «люди лунного света», и какая бы благодать наступила, уже бы давно закончился Страшный суд и все бы мы воскресли листьями на древе господнем (кроме Лермонтова, Вяземского и меня, мы бы сидели полубесплотные под листьями вечнозеленого дуба и вели бы богохульные разговоры)...

Но хватит лжи. Священная истина не истинна и не справедлива, а

справедливы два природных закона, одновременно природных и трансцендентных: по большей части природный **Закон всемирного тяготения**, дополненный **божественной Телеологией, вложенной в физику мира**, из которого проистекает физическая эволюция мира; и по большей части трансцендентный **Закон всемирного притяжения полов**, дополненный **любовью** (не только для человека, но и внутри высших природных форм). Из притяжения полов и Любви между мужчиной и женщиной проистекают и само бытие человечества, и существование семьи, рода и народа, и **История**, и **Культура** (из любви проистекает и великая опера Верди и подобная ей опера Кармен и полемизирующий с ними роман Толстого «Воскресение» - Толстой отрицал оперу, потом стал отрицать культуру в целом, стал отрицать и природную любовь – но вот, однако же, продолжал спорить и с любовью (началось еще в Анне Карениной, затем в Крейцеровой сонате, наконец в «Воскресении», потом плюнул, ушел из дому, взял и умер. Творчество великих вдохновлено и поддержано высшими силами, в одиночку им с теми задачами эстетического совершенства, которые они перед собою ставят, не справиться, у каждого из них есть свой *даймон*, о котором говорит Сократ – и я, казалось бы, мог рассчитывать на поддержку свыше, тем более что спорю с великими – но от меня отступились все: ни ангел не шепчет в правое ухо, ни волхвы не приходят будить по утрам, как прежде, ни музы, ни небесные ни земные. Но так бывает у многих. Умер и Шаламов, покинутый всеми.)

Если история и культура произрастают из *первородного греха*, вместе с человечеством, то идея этого греха – это человеконенавистнический бред «людей лунного света», тех, кто «скопцы для царствия небесного», по мнению апостола Павла. А вдруг этот верховный «скопец» заблуждался – за что же он обрек многих на участь засушенной смоковницы (на которую, по имманентному противоречию христианства, ополчился Христос)?

Но будем исходить из бытия, данного нам в восприятии. Представим себе, что как существуют одновременно две геометрии, Евклида и Гаусса-Лобачевского, так существуют два человечества, одно, как странный нелепый побег из обычных человеческих пар, **рожденные во грехе** «люди лунного света», и другое – упорствующие в потворстве порочной страсти люди земные, **не** лунатики. Они ведут себя по разному, одни целомудренны, другие, по разным обстоятельствам, по врожденной ли склонности, как Манон Леско, по соvrращению ли порочным мужчиной, как Настасья Филипповна (из «Идиота») или Катюша Маслова (героиня «Воскресения») – развращены. И само христианское учение разделяет нас, людей из мира Евклидовой геометрии, на эти же два разряда. Казалось бы, живущие в первородном грехе, мы все греховны и все порочны, какая уж разница, грешим ли мы с женами или с любовницами, если и то и другое – страшный **грех, растливший мир**? Но вот Священное Писание (а с ним и Христос), говорят о **прелюбодеянии** и побивают за него камнями, а тех «грешниц», которые в браке *рожают детей* – то есть не отрекаются от *первородного греха* – как будто бы прощают? Логика в христианстве нет (или у него своя, социалистическая логика).

Но все же, допустим, что *жить в браке без любви и родить от*

нелюбимого в холодных объятиях (в христианском обществе) как Анна Каренина – это почти праведность, а **родить по любви** от Вронского (или, скажем, от В. В. Розанова) – страшный грех, прелюбодеяние (очевидно, что корень греха – не полая страсть, а именно любовь, ибо в несвободном браке полая страсть, хотя бы с одной стороны, как раз и заменяет любовь. Если так, то как бы совершенна ни была литература и поэзия, воспевающие любовь, и как бы вдохновенно ни изображала любящую Виолетту Этери Гвазава своим чарующим голосом, Мария Каллас и Грета Гарбо и Оксана Шилова в сценическом воплощении – для христианства и людей лунного света это все та же мерзость. Оставим их в покое. Для меня несомненно, что как существуют две геометрии, так существуют два христианства, ничего общего между собой не имеющие, современный человек играет в игру, которую он называет католичеством, православием, протестантизмом, ни одно из поучений Христа он не исполняет, в божественное сотворение мира не верит, в непорочное зачатие – тоже, даже и в воскресение, вряд ли верит и в чудеса, окруженный такой гущей научно-технических чудес, что меркнет на их фоне воскресение Лазаря! Этот человек иногда ходит в церковь, иногда на футбол, временами заводит любовниц (оправдывая себя слабостью человека), не прощает женщине ее увлечений (да *одной из задач христианской религии, кроме закабаления подвластного человека, является и закабаление женщины!*) – ну что, в самом деле, я нападаю на их способ играть в трансцендентность? Но ведь и я в притяжении полов ощущал и *некую «бездну»*, хотя, зачарованный красотой, нежностью, гармонией, милосердием, заключенными в женщине и в детстве, в любви искал и находил источник вдохновения (обычно за это меня порицали и люди лунного света и слишком земные люди света солнечного) и мрачное средневековое отвращение к кипению жизни меня отталкивало, то что моей критике христианства могли противопоставить кукольные христиане, гораздо более далекие от христианства, чем я? Если я воспринимаю дарвиновскую теорию хаотических случайных изменений, вследствие которых на чистом листе бумаги сами собою проступают страницы всемирного романа – как бред еще больший, нежели творение небесным гончаром из персти земной сначала Адама, потом из его ребра Евы (сын гончара обратил ли внимание на сию последовательность?) – то что может понять христианин в эстетических эллинских идеях о мире, в представлении о небесной гармонии и музыке сфер, когда для главного апостола этого учения и вдохновенные творения Праксителя – всего лишь «идолы на улицах Афин»? Материя, говорит Данилевский, сотворена духом для воплощения красоты – не сотворена ли и женщина, чтобы соединить красоту материи и возвышенность духа **в любви**?

Розанов приглашал монахов, участников Религиозно-философского общества, в театр – но «они не захотели». «Гравитату» они не слышали, им не дано было восхититься Виолеттой и оплакать ее несчастную любовь. Что же могут противопоставить «земной любви» христиане? Может быть, то умиленное чувство, которое подвигало доминиканских монахов помазывать маслом грешников, осужденных на смерть, чтобы они лучше горели? Впрочем, даже если бы все христиане были ангелами, и никого не

преследовали, их кротость, смирение, отсутствие гордыни, пристрастия, их коленапреклонение, умаление, ... меня отпугивают. Я бы не хотел сидеть с ними в одной камере, они напоминают мне безалкогольное пиво. Я был влюблен в христианку... неужели я был когда-то и сам настолько же безумен? Но это ваше христианство – своего рода театр, или любовная страсть, или игра в карты (как у Достоевского) – христианство ли это?

Но все же я еще должен сказать о **пороке**, и о нем наконец скажу. Вся страсть христианства направлена на отрицание мира, на ненависть к творчеству и к желанию преобразования мира к лучшему (хотя часто наши попытки оказываются неудачными). Но пусть лучше мы будем вечно обманываться в своих надеждах зажечь наконец небесный огонь, в своих поисках совершенства, чем смиренно откажемся от дерзаний. Человек не совершенен, часто слаб, иногда порочен – но он гораздо лучше, чем тот низкий образ «*дьявола, рыскающего, аки лев, ища кого поглотить*», и уподобленного дьяволу человека. Даже деревенский пьяница, которого я вытаскиваю из канавы, и городская «падшая» – лучше, чем их представление в христианстве. Христос весь пафос обличения сосредоточил на «*любвонной*» страсти – но *неправедные властители, богатеи, лжецы, разбойники, чиновничья олигархия, вместе с церковью – вот где истинный порок*. Даже распутница в сравнении с ними почти святая, а уж несчастная Виолетта, свою **любовью** искупившая свое прошлое – подлинная **святая**, вместо засушенных смоковниц Марии Магдалины и Марии Египетской.

В музыкальной европейской истории эта **Опера** – если не наибольшая вершина, то из наибольших. В ней совместились философские и жизненные коллизии, борьба за освобождение человека и борьба за освобождение Италии от иноземного гнета, в ее сценической истории сплетены многие судьбы даже тех людей, которые, казалось бы, к ней не имеют отношения.

Не правда ли, читатель, ты вспоминаешь не одну только эту оперу, читая мои строки? Разве не оживают перед твоими глазами страницы романа **Овод**, посвященного революции в Италии, в центре которой оказалась и музыка Верди, и освобождение человека от клерикальной власти, и трагизм этого освобождения (а мое поколение и все предыдущие – в России этот роман имел грандиозный успех! – перечитывали его не единожды и пролили над ним немало слез, тем более что с ним оказались связаны судьбы и русских революционеров и русского освободительного и антирелигиозного движения, и судьба двух видных русских писателей: Степняка-Кравчинского и Михаила Войнича... а Этель Войнич жила в том числе и в России и перевела на английский язык множество русских писателей и поэтов...)

Но надо остановиться – поэтому в заключение я расскажу о важных обстоятельствах в судьбе самого Верди и в судьбе великого русского писателя Льва Толстого, место которого в Италии по праву занимал Джузеппе Верди. Будущий композитор родился в 1813 году (в один год с *Рихардом Вагнером*) в деревне близ Буссето (Пармское герцогство), которые в тот момент были частью Первой Французской империи. Таким образом, великий итальянский композитор официально родился во Франции.

Его первая жена умерла молодой, еще раньше умерли двое его детей.

В возрасте тридцати восьми лет (в 1851г.) у Верди начался роман с Джузеппиной Стреппони, певицей, имевшей уже вне брака четырех детей (сданных ею в приют). Когда он привез ее в свою деревню, крестьяне, обожающие Верди, забросали его дом камнями за то, что он привез с собой «проститутку» (они поженились лишь через одиннадцать лет).

Но имеет ли отношение к итальянской опере наш великий писатель, как известно, не любивший музыку, в конце жизни отказавшийся и от культуры и от собственных романов? Писатель, споривший с православной церковью?

В 1901 году Лев Толстой написал роман «Воскресение», где рассказал нам историю другой «падшей», Катюши Масловой, соблазненной князем Нехлюдовым, и словно бы именно им увлеченной на дно (возможно, в детстве и отрочестве *всякая женщина – непорочная*, и только мужчина виновен в ее грехопадении). Странный пророк Иисус Христос оправдывал *блудниц (падших)*, если они раскаивались и отказывались от мужчин, но *мать и жену* обвинил в порче мира и *первородном грехе*. Лев Толстой в «Воскресении» продолжает свой спор с культурой и христианством, с нелюбимым им искусством, – и если Дюма и Верди **оправдали Виолетту любовью**, то Толстой *русскую Виолетту* оправдал **отречением от любви**.

б. Боюсь, читатель вспомнит еще одну "блудницу" – Сонечку Мармеладову из романа Достоевского «Преступление и наказание» – *и она оправдана* – своими страданиями, своей кроткой душой... но, может быть, и чтением евангелий? Правда, Конст Леонтьев говорит, что она не ходила в церковь.

Увы, меня читатели упрекают в чрезмерном внимании к религии. Я отшучивался, что зато они слишком много говорят о погоде...– и все мы много говорим о любви, мужчины говорят о женщинах, женщины – о мужчинах и детях, о нарядах, мужьях, любовниках... но говорить уместно о чем угодно, только бы это было интересно слушателю. Тургенев писал о вальдшнепах, Аксаков о рыбной ловле, если это раздражает читателя, то лучше ему читать словарь китайского языка. Божественные звуки оперы и симфонии тоже ведь неприятны подавляющему большинству людей на нашей грешной земле, и грешная она не потому, что мы мало говорим о боге и слишком много внимания уделяем культуре – нет, говорить о боге все – еще больший грех, чем о нем только молчать. С большим удовольствием я разговариваю о культуре, ее создателях, о людях, вовлеченных в нее, среди них, очевидно, не все безупречны, и даже ревностные христиане, каким стали Толстой и Достоевский, то слишком сильно грешили, то слишком сильно раскаивались и звали меня и читателя к раскаянию тоже. Раскаивалась ли Аполлинария Сулова? Раскаивалась ли Виолетта? И не состоит ли «женское христианство» в таком **раскаянии** – в тех случаях, когда они оказывались слишком беззащитными перед давлением мужчин и мужского влияния: общества (Анна Каренина и Катюша Маслова); семьи (Екатерина в «Грозе Островского»); мужчины (боярыня Морозова и протопоп Аввакум)? Тогда в чем же состоит мужское христианство? Не в культивировании ли комплекса женской вины и необходимости женщине подчиняться мужчине? А если эту метафору расширить на взаимоотношения Государства (мужского начала) и родины (начала женского – не случайно она Родина-мать!)?

7. Заключение. Наш разговор в защиту Виолетты еще только начался, и его разрешение в противостоянии человека и христианского бога, культуры и религии, истории *народа* – и «*Первородного греха*». Мы к нему еще вернемся – потому что не экономические же категории в сердцевине жизни, а **страсти**. Мы «*жить хотим, чтоб мыслить и страдать*», они – чтобы стать листьями на Древе Господнем. (Или это только «*слова, слова, слова?!*»)

В последние три дня я много слушаю музыки и читаю, пренебрегая долгом, то есть необходимостью литературной работы по редактированию и составлению журнала. Размышляю о христианстве, о русской истории, о России, о русской литературе. Что такое Россия и что такое русский народ и русский человек? Существуют ли они? Русские философы, писатели и поэты 19-го столетия словно бы распадаются на две группы: писатели и поэты преимущественно христианского направления, как Достоевский, Лев Толстой второй половины жизни, Тютчев, Константин Леонтьев, Страхов, во многом Розанов, все славянофилы (и их то критика и причисляет к русским, хотя они гораздо чаще произносят слово Христос, нежели Россия) – и писатели и поэты русского направления, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь до сумасшествия, Некрасов, Тургенев, Толстой первой половины жизни, Салтыков-Щедрин, Фет (их критика называет «западниками», то есть нерусскими, в то время как в их произведениях именно основания русской жизни, а не православной и не монастырской, и слово русский у них чаще, чем православный). Оглядываясь дальше, я вдруг с ужасом увидел, что словно бы все христианское богословие написано Фрейдом и его учениками, в центре мировоззрения и даже самой жизни – *только проблемы взаимоотношения полов*, словно бы **нет работы**, образования, воспитания детей, **творчества**, войны и защиты Родины, создания армии, **экономики**, развития государства, революции, бунта, кризиса индивидуальной жизни и общественной... В «Братьях Карамазовых» обсуждается, правда, проблема: стать ли государству церковью или церкви государством (это в конце 19-го столетия, когда катился вал социальных проблем), но нет даже смутных отголосков общественной жизни. Кто из героев этого романа русский? Может быть, старший Карамазов?

И второе: в центре жизни семья и любовь, хоть какая, хоть порочная, ущербная, пусть даже **жена куплена**, как П--ным, Лариным, Карениным... Не любовь к ближнему соединяет мужчину и женщину, иногда уважение, авторитет, страх, безысходность, дети и любовь к детям, ... но и «плотское притяжение»... В романах Тургенева, в стихах Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого (сначала) в основании всего не Бог, а любовь, семья, Россия, ... и женщины не падшие. А у Достоевского (нашего Христа), потом у Толстого? **Блудницы**. Где они их нашли? Я однажды их искал, обошел весь город, – не встретил ни одной. Ну, ладно, они все же есть, хотя я их не нашел, а эти, властители наших дум? Полина, Настасья Филипповна, Сонечка Мармеладова, отчасти и Неточка, Анна Каренина, Катюша Маслова... Сонечка и Анна и Виолетта оправданы любовью и милосердием – а чем оправданы мужчины, которые к ним ходили? Блудницы женщины, а кто мужчины? Они не при чем? Даже у Солженицына в «Круге первом» мужчины словно не при чем...

В центре христианства порочность Евы и всего произошедшего от нее рода человеческого, воплотившийся в человека Спаситель спасает «человечество», рискуя жизнью (но, к счастью, он воскрес, как замечает Розанов). Что еще есть в христианстве? Вскользь есть рабовладельцы и рабы (то есть мы, все остальные), которые должны любить своих господ не за страх а за совесть. Что же является проблематикой христианства: онтология или социальные отношения рабов и господ? Есть ли хотя бы эволюция мира (а греки и римляне об этом уже размышляли), обсуждается ли она в нем? Римское господство над Израилем? Любовь между мужчиной и женщиной? Нет, ветхозаветный Фрейд озабочен только блудницами...

Но как бы на меня не обиделись его поклонники, вернусь *от* первородного *греха подальше* к Солженищину.

Читаю Геннадия Геннадиевича Мурикова о Солженищине и о том, как нам обустроить Россию. Господин Муриков доказывает, что в ближайшие десять лет России не станет, русское население в ней сократится настолько, что она станет колонией Запада, да она и теперь уже его колония, горестно он добавляет. Останется ли Россия в живых – этим же был озабочен и Солженищын. Мы только что отметили его столетие. О России никто не произнес ни слова. Всем было жалко Сталина, советскую власть (хотя не Солженищын ее свергал), всем было жалко раздробления России на племенные уезды (что сотворила советская власть), всем было жалко того тотального **единомыслия**, которое было, наконец, введено градоначальником города Глупова... **А России через десять лет не будет.**

Так к какому народу мы принадлежим, есть ли среди нас русские? Горько задавать этот вопрос, но почти все мои знакомые удовлетворены окружающей жизнью, и значит, либо они ничего не видят и не слышат, либо в этой дилемме: Бог или Россия? – им важен только Бог. Но останется ли даже православный Бог без России? А то, что этому Богу Россия безразлична, это несомненно. В религии (кроме иудаизма) нет понятия «народа». (В них нет понятия и человека – простим вы не поверите).

Но эти три дня музыки не должны пройти бесследно. Возможно, **красота** не спасет мир (а что мне до мира?), но она **спасет**, возможно, **Россию**. Достоевский вздорный писатель, но его герой обронил эту фразу – простим Достоевского ради нее. Владимир Соловьев ненавидел народную идею ради человечества – но он эту фразу сделал известной – простим и его. Мы, русские писатели безвременья, ни о чем не можем договориться, но мы горячи и искренни – простим друг друга, возможно, случится чудо и не будет так пустынно, как сегодня, и русский язык еще не исчезнет... Во всяком случае, еще стоят на старых местах Мариинка и филармония, и хотя Анна Нетребко уехала, но она иногда приезжает, не знаю, приезжает ли Этери Гвазава, но не уехала Полина Осетинская (пианистка), не уехали и мы с вами (да нас туда и не приглашают), отвечают иногда на мои письма те женщины, которым я их пишу, отвечают даже мужчины...

Думаю, Виолетту мы уже защитили, ее оплакали слушатели великой оперы Верди, и там, в раю, ей покойно. Нам пока плохо... но **есть музыка и красота, есть милосердие**... нет, мир не так уж и плох, в нем еще жить можно...

Марина Чернышева

**«Бешеные деньги»
А.Н. Островского
в театре комедии им.
Николая Акимова.**

Название пьесы Александра Николаевича Островского «Бешеные деньги» прямо указывает на основную ее тему: природа людей, по-разному относящихся к труду и деньгам. В центре действия люди, сорящие деньгами, которые они сами не заработали («бешеными деньгами»). Это две героини, мать (народная артистка России Ирина Мазуркевич) и дочь (Дария Лятецкая) Чебоксаровы, любящие «роскошную» жизнь в кредит и не знающие иной. Они окружены тремя знаковыми фигурами: безвредным создателем философского кредо такого образа жизни (Телятьев – засл. артист России Николай Смирнов), интриганом, устраивающим свое финансовое благополучие за чужой счет (Глумов – засл. артист России Дмитрий Лебедев) и символом итога жизни любителей бешеных денег (Кучумов – засл. артист России Сергей Рускин). Всем им противопоставлен положительный герой – труженик Васильков (Александр Матвеев), будущий миллионер.

Следует заметить, что сегодня пьесы А.Н. Островского в силу их современного звучания ставят во многих столичных и провинциальных театрах. Однако театру имени Николая Акимова они наиболее близки, ибо основателя театра и великого драматурга объединяет любовь к гротеску, ярким акцентам, смешению жанров трагедии и комедии. Постановщик спектакля (Татьяна Казакова) и актеры прекрасно это чувствуют и подчеркивают в трактовке своих героев. Сергей Рускин буквально «купается в роли» старика Кучумова, хотя иногда и переигрывает. Гротеск в решении образа слуги Василькова, Василия Ивановича (артист Анатолий Хропов), «зашкаливает»: создается впечатление, что эта «человеко-машина» и думать-то не умеет! Однако из текста Островского следует, что слуга – соратник хозяину в делах, «человек по поручениям». Уж деловой человек Васильков дурака рядом с собой не потерпел бы!

Образ положительного героя провинциала и будущего олигарха Василькова решен также в гротесковой манере, ибо всё в нем немного «чересчур»: и сумбурное появление в первой сцене, и суперподвижность (как олицетворение деловой активности?), и размахивание совсем не дуэльными ружьями, и стремление провести трудовое перевоспитание жены силами своей матери-крестьянки... Любовь – любовью, но красавица жена нужна ему, прежде всего, «для дела»! Островский этим остроумно подчеркивает, что брак Василькова и Лидии Чебоксаровой – это деловой союз «по интересам». При этом герой актера Александра Матвеева очень симпатичен зрителям, по-человечески понятен. Тонкая игра Дарии Лятецкой интересно «дописывает» портрет Лидии, созданный Островским: зритель чувствует, как она начинает к концу действия по-настоящему понимать и... влюбляться в своего мужа.

Образ старшей Чебоксаровой драматург пишет «широкими мазками», давая актрисе свободу импровизации. Безусловная прима театра, Ирина Мазуркевич, в этой роли создает сложный образ женщины, любящей сорить «бешеными деньгами», но и знающей «приличия», а также меру своим притязаниям. В моменты искреннего негодования жизненными принципами её дочери, как и в сцене с Васильковым, когда она его «учит жизни», актриса создает представление о непростой судьбе своей героини, чем вызывает даже сочувствие зрителя. Надежда Антоновна Чебоксарова, пожалуй, один из немногих персонажей, для которого автор пожалел красок гротеска. Актриса пытается их добавить через крик по любому поводу, однако это придает скорее сварливости героине, с чем трудно согласиться.

С трактовкой Николаем Смирновым образа Телятьева безоговорочно соглашаешься: это добрый человек (недаром с ним откровенны все женщины!), при этом честный циник и автор «философии бешеных денег». Насколько глубоко его чувство к Лидии, непонятно, скорее, это лишь восхищение красотой, но не моральными принципами героини. Чего стоит брезгливое выражение его лица, когда он отнимает свою руку у целующей её Лидии! Телятьев симпатичен не только позитивному Василькову, но и зрителю. Рассказывая Чебоксаровым о житье-бытье Кучумова, Телятьев как бы провидит и свою невеселую судьбу. Но он не хочет ничего менять: сцена прощания с Васильковым ясно даёт понять, что он на своём будущем уже «поставил крест».

Старик Кучумов отменно веселит дам и зрителей поначалу, – тем трагичнее его ужимки и прыжки выглядят в момент принародной демонстрации своей несостоятельности как «спонсора» Чебоксаровых и как человека. Третья знаковая фигура пьесы – Глумов – Островскому видится как «недоразвитый» гений злодейства, ищущий своих жертв. Судя по тексту, драматург приписывает Глумову чуть ли не мистическое начало, когда тот весьма реалистично описывает Лидии будущее как его содержанки. В заключительном монологе Дмитрий Лебедев был так убедителен, что напугал Лидию.

Снег, дым, неприятность сценического пространства (художник С. Граурогкайте) подчеркивают эфемерность и тревожность бытия любителей «бешеных денег». Беззаботность фрагментов из «Севильского цирюльника» Россини, контрастирующих с минималистской музыкой (композитор Евгений Стецюк), отсчитывающей время роскошной жизни героинь, усиливают это впечатление неприятности. Краткосрочность и суетность такой «игры в жизнь» подчеркивают мельтешенье слуг и служанок, преувеличенно громкое «возглашение» слугой имен визитёров и т.д. Всё это служит выявлению основной идеи пьесы и наполняет её глубиной и жизненной достоверностью.

Лет восемь тому назад посчастливилось мне быть в командировке в Астрахани. Теплым летним вечером пошла я посмотреть город, и нечаянно набрела на Астраханский драматический театр. Давали «Последнюю жертву» Островского (замечательный был спектакль!). Начало через 5 минут. Я радостно впорхнула в зрительный зал и остановилась на пороге. Зал почти наполовину был заполнен трудновоспитуемыми подростками (мне объяснили: культурное мероприятие). Однако с началом действия, минут через десять они затихли и прилично сидели до сцены в ресторане, в которой герой приходит просить денег к местному мафиози. Когда последний вышел к нему и начал говорить, все подростки не сговариваясь выдохнули имя местного «главного» бандита... Вот так же на спектакле в Театре комедии молодые мужчины, сидящие рядом со мной, дружно радовались и вслух комментировали многие реплики персонажей, узнавая своих знакомых и... лучше понимая себя.

То, что театр – зеркало общества, известная аксиома, но театр Островского – это еще и русский национальный театр! Понимание и бережное «со-творчество» постановщика и актёров с великим драматургом определили несомненный успех этого спектакля Театра комедии имени Николая Акимова.

В. Чернышев. «Комедия по-американски»

19 февраля 192, вторник, полночь. Когда-то давно я слушал вместе со всеми известного нашего сатирика Задорнова, он рассказывал об Америке, и хотя не говорил, что там живут только придурки (за это тамошние его могли привлечь и упечь, а то и наши), называл их «чудиками», как и Шукшин – но, во-первых, далеко им до наших, а во-вторых, мне было не до них, и я анализом их в общем то не занимался. И вдруг случайно попадаю в Театр Комедии, где витает дух незабвенного Николая Акимова. и снова сию в зрительном зале.

Американский драматург Вуди Аллен, когда-то нашумевший в Америке, и его пьеса-конструкция из пяти персон. В центре жена, бывшая счастливая и ныне несчастная, дама средних лет, умная, симпатичная, играет эмоционально и мощно (заслуженная артистка России Елена Руфанова.). Её окружают ... нет, придурки – это слишком мягко! Ее муж, адвокат, - не Дон-Жуан, даже не ловелас, нет, просто старый бабник, почему-то женщины на него западают, по-видимому, другие в Америке еще хуже... впрочем, сейчас увидим. Кроме заключительной сцены, где муж сам оказывается обманут, играть замечательному актеру Николаю Смирнову нечего. Даже зрителю видно, что ему скучно участвовать в действии. Появляется подруга брошенной жены, чтобы ее утешить – они выясняют вместе, к кому ушел муж. По ходу действия выясняется, что муж-ловелас (или потрепанный бабник, который завидовал успешности своей жены), ушел именно к ней, подруге (заслуженная артистка России Наталья Андреева). Для неё жена была постоянным идеалом, она на нее равнялась, пыталась на нее походить и ей завидовала. Но вскоре, естественно, появляется и муж подруги (артист Сергей Романюк), писатель или сценарист, готовый персонаж из пьесы «Пролетая над гнездом кукушки», – нет, немного похуже, у него маниакально-депрессивный психоз, он то впадает в буйное веселье, то пытается покончить с собой, поскольку вдруг узнаёт, что его жена уезжает в Лондон с его другом). Вменяема только брошенная жена, она известный психотерапевт и пытается время от времени привести всех в норму, но ... увы, это невозможно, тем более что среди обманщиц и ее сестра (то есть среди совратительниц ее мужа – или это он совратитель?). Появляется, наконец, и отставной ловелас, потертый жизнью Дон-Жуан – он пришел за своими бумагами. Подруга узнаёт, что от жены он бежит не с нею!!! С кем же? Появляется и та, с которой новая жизнь начнется для мужа с чистого листа, чистая любовь до гроба, – это студентка колледжа, пациентка его жены! Актриса играет настоящему «чистый лист», на котором каждый желающий может написать свои письма... и оставить подпись...

Разумеется, кроме выяснения отношений, разговор вертится вокруг секса – наши «чудики» целомудреннее! Или я отстал от жизни, и наши тоже уже таковы? О пикантном завершении семейной драмы рассказывать не буду, вдруг кто-то захочет сходить на сию комедию, для американца она вполне прилична, к тому же актеры наши, с Невского, играют хорошо и естественно.

Возможно, моё представление об американской жизни, вызванное впечатлением от спектакля в Театре комедии, не совсем справедливо, поскольку параллельно с ним в Доме актёра проходил юбилей Ларисы Малеванной, нашей великой современницы, и я душой был ётам. В 70-е годы мне посчастливилось видеть её в главной роли в драматической оратории Артюра Онеггера «Жанна Д*Арк на костре», – незабываемое впечатление на всю последующую жизнь! Недавно ораторию поставил скандально известный французский режиссер Ромео Кастелуччи, – под петицией **против** его спектакля поставили свои подписи 2000 французов. В последние полстолетия некоторые режиссеры и постановщики что только не делают с чужими пьесами, пытаясь их «осовременить»! Причин тому много. Одни режиссеры хотят и сами участвовать в спектакле, а не сбоку от него пройти тенью отца Гамлета. Другие, иногда бессознательно, хотят в спектакле связать реальность и действительность, историю как сверхисторию, как метаисторию, Судьбу совокупно со *злобою дневи сего*. Мы приходим в театр и открываем книгу спектакля не для развлечения. Нам необходимо Зеркало, в котором возможно увидеть себя в данное мгновение, – увидеть, где мы и чего стоим. Я, автор статьи, должен писать о себе, потому что я ищу лекарство, чтобы выжить, и читатель ищет себе лекарство, и когда я пишу не о другом, а о себе, то и он видит не другого, а себя! Ведь переводим мы стихи иноземных поэтов с чужого на русский, – так и постановщик переводит с авторского языка, в котором представлено «Я» в авторской интерпретации, на язык современного зрителя, тот язык, в котором зритель узнаёт не автора, а себя.

И все же я отклонился: в американской семье всё чрезмерно настолько же, насколько нарисованный Задорновым шарж похож на обычного американца. Оттепель пришла на наши улицы и обнажила язвы русской жизни, жить неумоготу, хочется бежать на край света, – а тут по сцене мечется брошенная американская жена и другие внезапно ставшие одинокими персонажи комедии! Но несмотря на безумие и измены, которые разметали их спокойную жизнь, им не о чем говорить друг другу, и они говорят о сексе, как и Кастелуччи – не потому ли, что ему нечего сказать о Жанне? И я успокаиваюсь. Не все плохо в нашей жизни, есть, оказывается, страны, где еще хуже. Какие у нас проблемы? Грязь на улицах, во дворах, в подъездах. Но все же это не то, что грязь в душах. Посмотрите непременно американскую пьесу, чтобы решиться жить дальше. Сходите в Молодежный театр на Фонтанке, там идет пьеса Жана Ануя «Жаворонок». В интернете прослушайте ораторию Онеггера, станет еще лучше. Сегодня не хуже, чем в 15 веке.

Или вы уже нашли всё то, что Вам помогает оценить достоинства жизни? Тогда лучше не смотреть психо-аналитический спектакль Кастелуччи, воскрешающий мертвого Фрейда, и не читать *ироико-комическую* (точнее сказать, сатирическую) поэму Вольтера «Орлеанская девственница». Вот что о ней пишет *неизвестный критик* «Он как римский палач присовокупляет поругание к смертным мучениям девы. Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его

преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. ... Жалкий век! жалкий народ!» Впрочем, оказывается, приведенные строки принадлежат перу Пушкина: «Последний из свойственников Иоанны д'Арк».

Итак, сатирик Задорнов и его почти трогательное осмеяние американских обывателей, пьеса американского сатирика, осмеивающая этих же обывателей уже не трогательно, а зло, пьесы, поэмы и спектакли о Жанне Д*Арк, варварские эксперименты современных режиссеров, подменяющих душу тех произведений, которые они ставят на сцене, требования современных критиков и читателей забыть устаревших гениев 19-го столетия – все соединяется воедино.

Существуют ли критерии добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи? Существуют ли мера и вкус – или «кому что нравится»? И вдруг происходит чудо, на экране компьютера возникают чудесные строки, отделяющие свет от тьмы, проливающие свет во тьму. Как ни удивительно, во многих случаях, когда душа моя мечется в тупике, Пушкин и Золотой век литературы приходят ко мне на помощь. Конечно, не только литература. Приходят на помощь симфоническая музыка и опера, поэзия, даже иногда философия. Мы не одиноки. Даже театральные здания нам помогают, в них ведь реально живут духи прошлого, и проходя мимо здания Комедии, Александринки, Мариинки, Филармонии, Малого оперного – я впитываю в себя голоса и звуки, и моя душа на них отзывается. Нет, не поеду я в Исландию, как-нибудь разберемся мы и с собственными бедами, пока у нас звучит пение и музыка в опере и оперетте, смех и слезы в комедии и драме.

Да ладно, Филис, не переживай! Ты очаровательная женщина, значит немного русская, зачем тебе этот американский Сэм?!

Танк Т-34

12 февраля 2019г. О прошедшей войне говорить еще труднее, чем о Войне 1812 года, пробудившей Русское национальное самосознание (хотя и довольно робко). Что она пробудила, какую она была, чем стала в сознании нескольких поколений и чем является для нас, ныне живущих? Прошло с ее окончания почти семьдесят пять лет, единичны ее участники, немого даже свидетелей, есть еще «дети войны», дети тех, кто воевал. Для следующих поколений она – такая же далекая история, как и Вавилонское столпотворение.

Можно выделить несколько о ней мнений – хотя я внятных о ней высказываний в литературе не встречаю, а то, что говорится на митингах и торжественных собраниях, не является ни литературой, ни мнением. Что думает мой сосед по парте о войне – как ни странно, я не только знаю смутно, но и никак, по существу, не знаю.

Ясно сформулировано пока одно мнение, человека, который сегодня почти всех раздражает, в то время как пятьдесят лет назад он чуть не стал «властителем дум» – Солженицына. Цитирую из уже опубликованной статьи Г. Г. Мурикова о Солженицыне: «Семьдесят лет влачась за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы положили на плахи или пустили под откос **бездарно проведённой, даже само-истребительной, “Отечественной” войны – треть своего населения.** Мы лишились своего былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб».

Далее Муриков поясняет: «В своей замечательной книге «Двести лет вместе», написанной, впрочем, позже, чем рассматриваемая нами статья, Солженицын ясно и чётко объясняет, что «мы» – это скорее «они», то есть еврейско-большевистская власть, захватившая страну в 1917 году и объявившая себя так называемой «советской» властью.»

Если говорить о руководителях Советской армии, то отношение к ним таково: поколение, сформировавшееся к эпохе 20-го съезда и хрущёвского правления, к Сталину относится резко отрицательно, поколение Брежнева и более поздние поколения – скорее положительно, чем отрицательно, или сверхположительно. Отношение к Коневу и Василевскому нейтральное, к Рокоссовскому весьма положительное, к Жукову – общественное мнение положительное, но военные историки подвергают его сегодня резкой критике, а Виктор Астафьев считает его и военачальником и человеком даже более жестоким, чем Сталин.

Как оценивать начало войны, ее течение (особенно Блокаду Ленинграда), соотношение советских и германских потерь? Я читал умеренного историка генерала Типпельскирха, изданного в СССР, наше же общество, возможно, не знакомо ни с какими исследованиями, хотя известны официальные советские цифры – около 27 миллионов советских потерь и около 8 – 9 миллионов германских.

Плохо или хорошо мы воевали? У кого об этом спрашивать? У уцелевших

солдат? Офицеров? Мнения солдат, армейских офицеров и крупных военачальников существенно не совпадают. Да еще удивительно, что некоторые любимые в армии и успешные военачальники по разным причинам почти неизвестны. В октябре-ноябре 41 года была первая крупная победа русских (сибирских частей) на Свири и под Тихвином, в 44-м году в Карелии и на границе с Норвегией, где русские морские стрелковые бригады сражались с горно-стрелковыми немецкими дивизиями. Командиром был маршал Мерецков, тот самый, которому сталинский сокол Берия дважды выбивал зубы в июне 41-го года.

Я читал о войне Виктора Некрасова, Константина Воробьева, Василя Быкова, Виктора Астафьева, поэму Твардовского «Василий Теркин», солдатские рассказы, изданные Твардовским без редактирования, всю эту литературу я рекомендую прочитать и моим современникам. Мы все видели войну в фильмах, чаще всего в них кричали «ура» русские и как правило побеждали, немцев я в этих фильмах не видел, какими они были, я не знаю. Я сидел в тюрьме с двумя бывшими власовцами, один из них был капитаном советской армии, воевал против немцев, попал в плен, воевал в 44-м году против англо-американцев на Западном фронте, потом их части были переброшены в Чехословакию, в боях за Прагу они сражались **против** немцев, еще до подхода советских войск (этот эпизод войны многим не известен), потом просидел десять лет у нас, потом обзавелся семьей, в 70-м году был снова арестован и расстрелян, по вновь вскрывшимся обстоятельствам 42-43 годов. Ну, ладно... Возможно, что его расстрел может нас с ним примирить, если считать, что искупление вообще существует. Мой отец воевал с 41-го по 44-й год, в 44-м году был командиром минометного взвода, 19 августа 44-го на Безымянной высоте на Линии Маннергейма (на старой границе с Финляндией) он собрал оставшихся в живых солдат и сказал: «Командир части приказал нам отступить. У вас ни у кого нет детей, у меня родился сын, поэтому я останусь прикрывать ваше отступление, иначе на болоте нас всех перестреляют». За этот бой он был представлен к ордену Отечественной войны Первой степени, это редкий и значительный орден, в Военном архиве я нашел Представление и вкривь-вкось тайно его сфотографировал (через 70 лет после войны половина документов все еще под запретом).

На днях, в свой День рождения, я с женой в полночь смотрел фильм о войне «Т-34». Привожу свидетельства из Википедии о самом танке.

Его генеральным конструктором является Михаил Ильич Кошкин, умер в сентябре 1940 г. В этом же сентябре 1940 года первые серийные Т-34 начали поступать в строевые части РККА, сыграли громадную роль в нашей победе над Германией.

И, наконец, скажу несколько слов о фильме «Т-34», режиссера Александра Петрова. Герой фильма, младший командир Николай Ивушкин, в октябре 40 года под Москвой ухитрился на одной уцелевшей машине (Т-34) серьезно потрепать целую роту танкового аса Клауса Ягера, однако и сам был подбит, попал в плен, из концлагеря бежал восемь раз, но безуспешно

(таких случаев было немало, в Первую мировую войну генерал Корнилов бежал из австрийского плена, бежал из этого плена и мой дед. Корнилов был представлен царю, дед получил орден, но все же в 16 году служил в Петрограде и здесь даже удостоился краткого разговора с царем - оказался на него похож).

Однако Ивушкину повезло меньше, но тот самый немецкий танкист Клаус захотел с помощью русских пленных танкистов обучить военному искусству немецких курсантов, по иронии судьбы ими оказываются его старые противники. На модифицированном танке Т-34 команда Ивушкина с помощью русской пленной переводчицы (история и жизнь не обладают метафизическим содержанием, если в них не участвует женщина и любовь (даже в завязке христианства решающую роль играют две женщины, одна из них непорочная, другая блудница), бежит из концлагеря, Клаус их преследует, завязывается решающий бой русских танкистов с немецкими.

Я решил написать об этом фильме, в его защиту, потому что услышал много о нем нелестных слов, дескать, это лубок, приукрашивание действительности, апология русских и умаление немецких.

Но что такое литература? Разве это слепок с реального мира? «Бородино» «Лермонтова», «Война и мир» Толстого, «Василий Тёркин» Твардовского – их тоже можно назвать лубком. В фильме «Т-34» два военных эпизода, перед Битвой за Москву и при боях вблизи границ Германии. И однако, это символ войны между русским и немцем. Известно, что немцы – хорошие вояки, они дважды победили французов, в 1870-м году и в 1941-м, русские победили французов в 1812-м году, в Первую мировую войну немцы на русском фронте воевали, может быть, более успешно, чем русские – но и мы не посрамили свою честь. последующее наше поражение связано с революцией. Однако: Россия и Германия. Могут ли немцы в каком либо отношении кичиться перед нами? Они образованнее, но их учила Римская империя, нас – монголы. Отличаемся ли мы по душевным качествам, русский человек – это достойный человек, в конечном счете, или мы более способны стоять на коленях: перед татарскими ханами, перед императорами и перед большевистскими бандитами? И вот решающее испытание, русский и немец в поединке, притом немец с превосходящими силами, это своего рода новое Бородино – в реальности и в литературе – и фильм достоин лермонтовского эпоса!

Для меня сегодня главный вопрос - кто из нас победитель в этой войне? По праву ли мы победители? Воевали мы плохо, только от голоду погибло два миллиона, целые армии попадали в окружение...

И вот сразились русский парень Николай Ивушкин и немецкий высокомерный ариец Клаус Ягер. И русский победил, а немец потерпел поражение и признал его, оказавшись все таки не до конца негодяем, оказавшись человеком, достойным римских учителей.

Мы их увидели в этом фильме живыми, впервые буквально лицом к лицу, не русскую матрешку и немецкий органчик, а подлинных людей. И видно, что **мы победили по праву!** (Павших же мы обязаны оплакать).

«Но война еще не закончилась!» – это говорит младший командир Ивушкин, еще в немецком концлагере, и это вторая существеннейшая идея

фильма – кроме нашей победы. Да ведь и в связи с победой и с кино-рассказом о танке Т-34, который является полноправным героем фильма вместе с танкистами, переводчицей и их командиром – я вдруг понимаю самое главное: мы победили не в 45-м году, и мы победили даже не 44-м, когда русский Т-34 вышел победителем против немецких пантер, мы победили уже в первом бою этого фильма, хотя командир оказался в плену, ибо мы победили в схватке русского духа с немецким.

Но тогда надо, уже не сомневаясь, что мы все же победили, несмотря на сверхпотери и что это Пиррова победа для наших предводителей, которые не имеют права приписывать эту победу себе и красоваться на лошадях на какой бы то ни было площади России, ибо победили не они, а победил наш дух, спросить: **А за что мы воевали, кто с кем сражался?** Это ведь была война не только русских с немцами, ибо на их стороне были и болгары и испанцы и даже русские и норвежцы, генерал Власов, атаман Краснов, писатели Мережковский и Кнут Гамсун, а на нашей стороне были и грузин (в фильме), и русские беженцы во Франции, и азербайджанин, друг Де-Голля, и даже немцы – и русские немцы и немецкие немцы?

Судя по литературе о войне, по фильмам, по выступлениям на митингах, и даже по рассказам за праздничным столом, есть несколько представлений о содержании войны, о ее целях, о ее противниках.

Конечно, это не была война за так называемые *демократические* ценности, ибо это понятие исключает аристократию (и даже интеллигенцию), оно исходит даже не из *демоса* а скорее из *плебса*, и *демократические* ценности – ценности плебса. Да к тому же ни Сталин ни большевики, ни Маркс с Лениным никогда не были демократами, ни в рабоче-крестьянском, ни в каком ином смысле, не был демократом и Черчилль.

И это война не за освобождение народов Европы от Германского ига, для итальянцев, французов, финнов и норвежцев немецкая оккупация не была игом, да по существу они – не участники схватки, а скорее массовка в оперном действии.

Но главное, это не война и за *социалистические ценности*, Победу мы празднуем и сегодня, а от этих ценностей отказались тридцать лет назад. Да были ли они и раньше, когда колхозник жил при крепостном праве, и наша прабабушка говорила, что при крепостном праве было лучше?

Значит, это была война за Россию против Германии, а поскольку Россия шире, чем родина только русского народа, и русский народ шире, чем только собрание русских, то это действительно война за само существование **России**, что выше социализма, христианства, царя и его бояр. Но основная идея фильма еще неожиданнее: То, как ведет себя главный герой, что он чувствует, выражает ИДЕЮ трансцендентной войны, которая не только не окончилась, но только начинается, и это не война против Германии, это **Война за Россию!** Война не окончилась, и мы призовем всех в армию, и тех, кто живет для денег, и кто живет для удовольствий, и кто уехал на милый им запад. Ждите новостей и будьте готовы!

VII. НАД ЖИЗНЬЮ. СТИХИ и ПРОЗА, статьи и ПИСЬМА

Н. И. Калягин

Отрывки из «Чтений о русской поэзии»

В. И. Чернышев

НОВАЯ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПРИЗЫВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К ДИАЛОГУ

СИРОТЛИВО СТОИТ РЕДАКТОР...

Н. И. КАЛЯГИН.
Отрывки из «Чтений о русской поэзии. ТЗ

Поэт Фофанов Константин Михайлович.

Вспоминая о нем, вспоминаешь невольно и пушкинскую строку:
Писал для денег, тил из славы.

Строка эта является пророческой по отношению к тому типу художественной культуры, который воцарился в мире со второй половины XX века.

Хотя нашему Фофанову далеко еще было до заветной высоты, завоеванной отдельными рок-певцами Запада, но провозвестником художественной культуры будущего его назвать можно.

Денег за стихи платили Фофанову совсем мало (дровяная торговля, которой занимался его отец, пока не спился, намного лучше обеспечила бы Фофанова материально). Здесь он не провозвестник. Но он, имея небольшое и грациозное поэтическое дарование, поражал воображение современников больше своими пьяными подвигами, чем своими стихами. Провозвестие в этом.

Несчастный человек! Выходец из социальных низов, потомственный алкоголик рано осознал в себе поэтический дар. Рано начал печататься. Первые публикации Фофанова обнадежили мудрого Суворина. Алексей Сергеевич открыл для стихов Фофанова зеленую улицу к своей газете «Новое время», которую в ту пору только очень ленивый человек в России не выписывал и не читал.

Является в свет первая книжка стихотворений Константина Фофанова; она имеет успех.

Дальше совсем уже начинается Голливуд. Юная смолянка Лидия Тупылева летит, как мотылек, на свет фофановского таланта, на шум его признания... Талантливый Константин всячески приветствует прилет высокородной Лидии... Совершается таинственный брак между потомственной дворянкой и гениальным сыном несостоявшегося до конца купца третьей гильдии – потомка олонецких крестьян.

Несчастливые дети!

Талант Фофанова не развивается, известность его потихоньку угасает, гонорары, с самого начала невеликие, делаются с годами только меньше.

И конечно, жизнь Лидии Фофановой в браке – это какой-то непрерывный двадцатипятилетний кошмар. Нищета, нищета, нищета, пьяные вопли мужа, постепенное втягивание в совместную с ним выпивку – и девять человек выживших детей (было еще несколько, умерших во младенчестве), награжденных от отца дурной психической наследственностью... В последние годы жизни поэта все его трудноисчислимое семейство существовало только на 50 рублей пенсии, которую благородный Суворин своему бывшему сотруднику ежемесячно выплачивал.

Несчастливые дети...

Талант Фофанова – очевидный, бесспорный талант. От Фофанова многое переняли поэты, более известные современному читателю, чем он сам.

Не нужно обладать абсолютным музыкальным слухом, чтобы услышать самобытный фофановский звук во многих стихотворениях Брюсова, Бальмонта, Северянина, Маяковского...

Вслушайтесь в раннюю (1884 года) строфу Фофанова:

*Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.*

Ничего не напоминает?

А за нижеследующими грациозными строчками проглядывают, несомненно, рожки Михаила Кузмина:

*Тихо бредем мы четой молчаливой,
Сыростью дышат росистые кущи,
Пахнет укропом и пахнет крапивой,
Влажные сумерки гуще и гуще...
Там – за лесами, в синеющей дали,
Кажет луна окровавленный кончик...
В окнах иных огоньки замигали...
Вон наша дачка и вон наш балкончик!
Мы утомилися долгой прогулкой;
Верно, давно поджидает нас дома
Чай золотистый со свежеею булкой...
Глупое счастье – а редким знакомо!*

Фофанов – горожанин в третьем поколении, гражданин Петербурга и Гатчины, однако поэтическую известность принесли ему стихи о природе, наподобие следующих:

*И дрожит под росой душистых полей
Бледный ландыш склоненным бокалом, –
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.*

Или следующих:

*Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краев.*

.....

*И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристовался ландыш
С белокрылым мотыльком!*

Сам Фофанов особенно дорожил подобными образами, которые, по меткому замечанию журналиста И. Ясинского, словно бы «взяты из галантерейной лавки», и видел именно в них фирменное отличие своей поэзии.

Впрочем, и эти «находки» Фофанова не остались без следа в искусстве будущего. По справедливому суждению современного исследователя С. В. Сапожкова, они «чем-то превосхищают экстравагантный пейзажный стиль художников “Мира искусства”». Вершин же мировой славы галантерейный фофановский стиль достиг в творчестве У. Диснея.

Беспорный и очевидный талант Фофанова был замкнут сам на себя, он принципиально не мог развиваться, поскольку обладателем таланта был человек, всесторонне и глубоко необразованный.

Выпертый из четвертого класса городского училища Петербурга, Фофанов пополнял образование бессистемным чтением. Любимыми авторами было у него «Некрасов, Кольцов и Пушкин» (в таком именно порядке!)

Можно себе представить, какой беспорядок царил у поэта в голове...

Как все необразованные люди, он находил снова и снова простые ответы на непростые вопросы жизни. Бессистемное чтение неизбежно склоняло его на ту сторону, которая в России второй половины XIX века сделалась уделом всех средних умов, – на сторону либеральную.

Не менее десятка стихотворений посвящает он в первой половине 80-х годов казенным народовольцам («Хоть грустно мне за них, но я горжусь ими...»), в году 1889 сочиняет гимн деятелям славной эпохи 1860-х годов:

При них порвалися гнилого рабства звенья...

(Заметим попутно, как точно употребляет слова Фофанов: крестьянская реформа осуществилась не благодаря славным деятелям а именно «при них» – все эти чернышевские и добролюбовы *ничего* для реформы не сделали – они, по слову Достоевского, «только свистели».)

В 1905 году Фофанов сочиняет поэму о революции «Железное время».

Пятью годами раньше Фофанов набрасывается вдруг ни с того ни с сего на декадентов:

*Бьют они в горячую грудь,
И вопят они о чем-то непонятном, –*

хотя что плохого сделали ему декаденты? Брюсов и Бальмонт видели в Фофанове учителя – и печатно о том сообщали. Мережковский пел ему дифирамбы...

Что тут скажешь? Фофанов действительно человек нелепый. Тот же Ясинский назвал однажды нашего поэта (и своего приятеля) «сочетанием идиота и гения». Сологуб более точно, наверное, назвал Фофанова «продуктом полного сгорания» своей эпохи.

На втором чтении мы вспоминали поэта Кострова Ермила Ивановича, который был абсолютно незащищенный человек и хронический алкоголик, но который мог в царствование Екатерины Великой жить, писать и переводить, пользуясь поддержкой таких людей, как Потемкин, Суворов, Шувалов... 35 лет прожил в результате Костров, кое-какой след на земле оставив.

Но Фофанов-то смог прожить на земле 49 лет и достаточно глубокий след в искусстве оставил, потому что в царствование Александра III талантливого поэта ободряли со всех сторон, всячески водили его на помочах! Суворин выплачивает ему пенсию, Репин пишет с него портрет, Брюсов в 1900 году является к Фофанову в Гатчину как ученик к учителю; его сажают в президиум Общества любителей русской словесности в Москве в день столетнего юбилея Пушкина... Случевский и М. Миньшиков, Майков и Лесков, Чехов и Розанов так или иначе Фофанова поддерживают. Даже уличные сорванцы в Гатчине своего городского сумасшедшего не задирают, даже дети в Гатчине любят «Фофана»...

Нет, в дореволюционной России поэту жить было еще можно!

Приведу в заключение несколько малоизвестных фактов, касающихся отношений нашего поэта с отцом Иоанном Кронштадтским.

Лидия Тупылева в юности окормлялась у будущего святого и, склоняясь в ту пору к монашеству, просила у старца благословения. «В миру надо спасаться!» – остановил ее тот. Впоследствии, будучи уже невестой, девушка обращается к старцу с просьбой разрешить ее сомнения: стоит ли ей вступать в брак, ведь жених пьет... Иоанн Кронштадтский отвечает: «Все равно – пусть хоть и пьет, – выходи за него! Это твое назначение».

В 1901 году Фофанов побывал у отца Иоанна Кронштадтского на исповеди и впоследствии так рассказал об этом событии:

«После нескольких незначительных фраз, к моему удивлению, отец сказал вкрадчиво: – Говорят, что ты пьешь... но ты не пьяница! Бросить можешь! Только враг тебе завидует, потому что твой дар от Бога! У тебя большой дар! – глядя утвердительно и странно, повторил он – продолжал, волнуясь и повышая голос: – А враг завидует и вот так и хочет тебя в бездну!.. в бездну... в бездну бросить!.. вот так и крутит, потому что завидует Божьему дарованию».

Если помните, Вяч. Иванов, размышляя о том, «как делят душу Бог и дьявол» (речь идет в данном стихотворении о судьбе Иова), меланхолически замечает: «Кому ты сам пойдешь, кому //Судьбы достанутся обломки...»

Мне тоже указанный Вяч. Ивановым диагностический признак представляется важным. Если судьба Фофанова (ставшая к 1901 году однозначно «судьбы обломками») пошла под откос и досталась дьяволу, то сам-то он, возможно...

В сентябре 1902 года Фофанов пишет Льву Толстому (в российской реальности того времени Фофанов и Толстой – букашка и Монблан) следующее истеричное письмо:

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич.

Позвольте от всего любящего сердца пожелать Вам еще много счастливых и прекрасных дней. С детства я уже привык любить и уважать Вас, незабвенный спутник моего ума и души. Если Вы читали меня или знаете меня понаслышке, то прошу Вас не огорчиться моим приветствием, словом несчастного поэта, который желал бы хотя бы одного слова Вашего в ответ на эти строки».

Вежливый Толстой отвечает незамедлительно: «...Я знаю и читал вас. И хотя, как, вероятно, знаете, не имею особенного пристрастия к стихам, думаю, что могу различать стихи естественные, вытекающие из особенного поэтического дарования, и стихи, нарочно сочиняемые, и считаю ваши стихи принадлежащими к первому разряду».

Наш разговор о Фофанове закончился двумя абзацами раньше, и я привел эту переписку (она полная; больше Фофанов с Толстым не обменивались письмами) лишь потому, что от нее удобно перекинуть мостик к следующим двум поэтам в нашем объемистом перечне. О них Лев Толстой тоже отзывался.

На седьмом чтении я приводил сделанное в 1902 году развернутое суждение Толстого о переходе поэтической славы от одного стихотворца к другому, происходившем в России XIX столетия. По наблюдению Толстого, после Майкова, Полонского и Фета, слава эта переходит «к совершенно лишенному поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину, а потом уже все мешается...»

Надсон и Апухтин – два стихотворца, после которых «все мешается», после которых наступает тьма. К ним-то мы и обратимся теперь; они-то и остаются нашим последним препятствием на пути к Случевскому.

Однообразный и слабый Надсон.

Прочное звено, связавшее модную поэзию, существовавшую до него, с модной поэзией, осуществившейся после него. Точнее сказать, поэт, ставший перекидным мостиком между поэзией Некрасова и поэзией Мережковского-Минского.

Трудно говорить всерьез о поэзии предмодерниста Надсона, поскольку и модернистская-то поэзия являет собой, на мой взгляд, небольшую ценность. Надсон же со своими стихам постоянно залезает в область отрицательных поэтических величин.

То есть значение Надсона не в ценности его стихов, но в том значении, которое придавали его стихам современники. Современная наука только такими вещами и занимается, для нее не важно, что стихи данного поэта ничего не стоят сами по себе (понятие «ценности» для нее не существует), для нее важно, что данный поэт мощно влиял на души современников, что его сочинения мощно современниками раскупались...

Мне представляется глубоко неправильным подобный подход.

Нелюбопытно же знать, что видел в стихах Надсона какой-нибудь современный ему Средний Человек. Если его взгляд на поэзию Надсона чем-то важен, то одинаково важен и взгляд любого современного нам Среднего Человека на поэзию Надсона... Представьте себе на минуту, что мы предложили бы ему, Среднему, оценить стихи:

*Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой –
И поднимет к любви, к беззаветной любви,
Очи, полные скорбной мольбой!..*

Ясно же, что современный нам Средний Человек, покивав одобрительно на приведенное выше четверостишие, возвратится все-таки душой к более современной поэзии «надсоновского» толка («Хотят ли русские войны?..», «Надежда – мой компас земной...», «Они студентами были, //Они друг друга любили...»), – и только ей навстречу раскроет свои сердце и кошелек...

Мы говорили уже сегодня про зубодробительные журнальные отзывы Надсона о поэзии Случевского. А вот что писал наш герой о поэзии Фета: «Пусть его поэзия из трех элементов – истины, добра и красоты – служит только одной красоте, спасибо и за это: "овому дан талант, овому два". Неплохо, да? Надсон искренне полагает, что "овомо сам" обладает всеми необходимыми талантами, и с высоты, ему покорившейся, похлопывает по плечу Фета, на целую треть ту же высоту одолевшего...

Вот убогий! Нет ошибки страшней, чем ошибка в самооценке. Нищий, искренне считающий себя богачом, из нищеты не выберется никогда.

*Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь, –
Верь: настанет пора – и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!*

*Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбленных плечах, –
В мир придет она в силе и в славе своей,
С ярким светочем счастья в руках...*

По сути это кощунство – банальное и беззубое. По форме это никуда не годится; плохо совсем.

Если Некрасова мы назвали однажды «Лермонтовым для бедных», то Надсон сумел стать «Некрасовым для бедных» – для наименее бедных даже!

Ну и хватит нам это убожество обсуждать.

«Совершенно бездарный Апухтин» был довольно-таки заковыристой и примечательной личностью!

Аристократ, выросший в родовом имени, получивший прекрасное домашнее образование, выучивший к десяти годам добрую половину

Пушкина, Лермонтова и Тютчева наизусть... В 11 лет родные привезли его в Петербург и определили в Училище правоведения. В этом привилегированном учебном заведении Апухтин, благодаря блестящим способностям, смог занять совсем особое, тоже привилегированное, положение: никто в училище, от попечителя и директора до последнего ученика, не сомневался в том, что видит перед собой будущую литературную знаменитость.

В 14 лет Апухтин пишет (и печатает) первые профессиональные стихи (посвященные, кстати сказать, гибели адмирала Корнилова), в 18 лет дебютирует в неприступном «Современнике» с целым циклом вызвавших общее ободрение стихотворений.

И вдруг – неожиданный поворот! – совсем перестает печататься, уходит в существенное молчание и на протяжении 20-ти лет пишет «в стол». Воспитывает свой гений в тиши...

Этапы творческого пути Апухтина, перечисленные выше, в точности соответствуют начальным этапам творческого пути Случевского, который был тремя годами Апухтина старше. Параллелизм удивительный! Единственно, что Случевский окончил не Училище правоведения, а 1-й Кадетский корпус (где его имя было занесено на золотую доску выпускников). Имеется еще одно отличие, несравненно более важное: Случевского загнала в существенное молчание толпа больно лягающихся российских критиков, Апухтин ушел в затвор без видимых внешних причин...

Итак, Апухтин пишет стихи, принципиально их не печатает, но показывает знакомым. Знакомые переписывают апухтинские стихи и показывают своим знакомым. Знакомые знакомых переписывают апухтинские стихи...

Таким необычным путем – через рукописные списки – приходит к Апухтину в 70-е годы слава. Гутенберг повержен, наконец!..

В середине 80-х годов Апухтин уже непререкаемая знаменитость и главный поэт России. Первый поэтический сборник Апухтина выходит в 1886 году тиражом три тысячи экземпляров (большой тираж для того времени) и выдерживает десять изданий.

Сборник по-своему любопытен. Если перелистывать его страницы рукой, если читать глазами стихотворения, его составившие, очевидной представляется правота Толстого: совершенно бездарно!

Лишь та, что возле Вас, волнует Вашу кровь.

И знайте: я не жду ответа

Ни на письмо, ни на любовь.

Вам чувство каждое всегда казалось рабством,

А отвечать на письма... Боже мой!

На Вашем языке, столь вежливом порой,

Вы это называли «бабством».

Действительно «Боже мой!» В плане пошлости содержания, дальше идти уже некуда – дальше уже начинается Саша Черный: «*Я шла по улице, в бока впился корсет*». В плане формы тоже полная катастрофа: «кровь-любовь», «рабством-бабством», «каждое всегда»...

На самом деле все не так однозначно.

Уйдя в существенное молчание, воспитывая свой гений в тиши на протяжении 20 лет (а говоря простым языком, стучась двадцать лет подряд лбом в стену и убеждаясь снова и снова, что стена не расступается, что «как у Пушкина, Лермонтова и Тютчева» – не получается), Апухтин реально открывает новое направление в искусстве – одно из направлений, восторжествовавших в искусстве XX столетия и донныне торжествующих.

Я веду речь о синтетическом искусстве. Об искусстве составном.

Для простоты и для экономии времени приведу пример столь популярного сегодня деятеля искусства, как В. Высоцкий. Он кто больше? Поэт, певец, музыкант? Не первое, не второе и не третье. Он именно что синтетический художник. Кое-какая музыка, неповторимый хриповатый голос, недурные стихи (подобно апухтинским, приобретшие всероссийскую славу без помощи *гутенбергова прессы*), объединенные очевидным актерским дарованием. Гомерическое пьянство – для славы. Безвременная смерть. Уберите любую из этих составляющих – и не будет того Высоцкого, которого уважал Кирилл Бутырин, которого в современной России любят миллионы. Этот крупный художник – составной.

Апухтин первым в России на путь синтетического искусства вступил.

Его стихи – не стихи, а материал для мелодекламации. Эта поэзия – поэзия принципиально камерная. Для ее восприятия нужны особая обстановка, особая атмосфера, особый музыкальный аккомпанемент, особый исполнитель с единственной интонацией... Но эти именно «бездарные» стихи, если к ним приставить правильные подпорки, могут нас очаровать, могут нас ошеломить. Здесь необходим посредник между читателем и автором: необходим умный режиссер.

Сам я не поклонник синтетического художества и специальными подпорками, которые заставили бы меня зарыдать над стихами Апухтина, не располагаю.

Но есть в творчестве Апухтина одна нота; она и без режиссера звучит сильно, она и без посредников впечатляет.

Тургенев, которому семнадцатилетний Апухтин послал свои стихи на суд, первым эту ноту почувствовал, ее осудил и в ответном письме посоветовал нарождающемуся поэту «отрешиться от настроений грусти и уныния».

Забавный совет! Как можно отрешиться от своей сущности? Апухтинская тоска – тоска врожденная, тоска пожизненная – экзистенциальная тоска.

Везунчик казалось бы. Вся жизнь – радость и успех. Счастливое тихое детство, победоносная юность, зрелость, принесящая всероссийскую славу...

И постоянные грусть-тоска в стихах.

Советское литературоведение объясняло обычно апухтинскую тоску «мрачной атмосферой» царствования Александра III, в которое *Победоносцев над Россией простер свиные крыла...* Очень глупо! Апухтин задолго до Победоносцева – при Николае I еще и на всем протяжении безсовинокрылого либерального царствования Александра II – в стихах тосковал.

Мне его тоска кажется следствием той тонкокожести, той сверхчувствительности, которыми Апухтин от природы был наделен.

Коротко сказать, он предчувствовал, мне кажется, какой страшный ожидает его конец.

Эта холостяцкая квартира в августе 1893, в которой Апухтин умирал (было-то ему всего 52 года), – эти, предшествовавшие смерти, два-три месяца влажной петербургской жары, которую Апухтин, чей лишний вес исчислялся уже не килограммами, но центнерами, провел в борьбе с удушьем – в одинокой борьбе! Эти синие губы, которые шептали навстречу придвинувшейся старухе с косой – стихи Пушкина. Ими одними Апухтин пытался защититься от астмы!

Очень трудно и очень долго наш поэт умирал.

Впрочем, мы не можем знать достоверно, что именно предопределило пожизненную апухтинскую грусть: свиные крыла, будущие астма с водянкой или какая-нибудь третья причина.

Но мы можем указать на стихотворение, в котором апухтинская грусть вызрела и сосредоточилась, нашла себе идеальное выражение.

*Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарелась с вами,
Пара гнедых!*

*Ваша хозяйка в старинные годы
Много имела хозяев сама...*

«Да что хорошего в этих стихах? – возмущенно спросит иной читатель. – Одно только уныние, которое является, между прочим, греховным чувством. С унынием надо бороться! И что это такое – “много имела хозяев сама”? Стыдно и глаголати-то о подобных вещах. А уж в стихах размазывать...»

Распространенная, но очевидная ошибка! Бороться с унынием и воспевать, в противовес унынию, христианскую веру и созидательный труд художник не обязан. Художник обязан *точно* фиксировать в своих стихах вещи мира: созидательный труд, уныние, состарившуюся кокотку и всё остальное, что в мире есть.

Потрясающие картины созидательного труда смог дать Лев Толстой в «Анне Карениной» (сцена косьбы) и в «Войне и мире» (атака 6-го Егерского полка при Шенграбене). Отличная вещь – созидательный труд! Бог не оставит труженика без награды.

Но когда Ахматова спрашивает: *«Кто нас защитит от ужаса, который //Был бегом времени когда-то наречен?»* – то она заговаривает о весьма древнем ужасе, от которого не заслонишься созидательным трудом, которому пытались сопротивляться когда-то Будда и Екклесиаст. Даже у этих великих царей получилось неубедительно.

Мы знаем точно, что Бог спасет нас от бега времени (уже спас!), и, согретые своей верой, противостояим древнему ужасу в одиночку. У кого-то лучше получается, у кого-то – хуже. Тяжкий опыт старения и умирания у каждого человека свой, индивидуальный. Умирает каждый человек отдельно от остальных людей: сам по себе умирает.

В «Паре гнедых» Апухтина есть мрачные картины дряхления некогда цветшей жизни:

*Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы продвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей... –*

есть тема верности, без которой мир давно бы погиб:

*Вы, только вы и верны ей донныне,
Пара гнедых! –*

есть, главное, особенный звук:

Грек из Одессы и жид из Варшавы... –

вот ведь отрава сладкая! После «Цыганской венгерки» Ап. Григорьева, я не слышал звука, более родного натуре чуть захмелевшего русского человека.

Не удивительно, что «Пара гнедых» давно стала народной песней.

Но ведь народные песни прошлого не на новгородском вече, не на крестьянском сходе и не в колхозном коллективе сочинялись. Когда мы называем песню «народной», мы просто говорим о том, что нам неизвестно имя поэта, в одиночку данный стихотворный текст написавшего.

Касательно же народной песни «Пара гнедых», мы знаем точно, что ее текст сочинил Алексей Николаевич Апухтин.

Тем и будет не забыт.

Призывание русской интеллигенции к диалогу

17 февраля 192, воскресенье, 12-00. К бунту я не призываю, сила произрастания, **самоутверждения** и бунта во мне закончилась. Я **покорен** не теоретически, а фактически. Улицу я перехожу только на зеленый свет, если начальство меня останавливает, я останавливаюсь, если меня привлекут к ответственности за недостаточную покорность и посадят в тюрьму, я не буду ни просить о снисхождении ни тем более доказывать свою невиновность и тем более требовать справедливости или чего-то еще требовать. Даже если меня приговорят к расстрелу и сами на пустыре закопают, я соглашусь, и пожалуй, это даже лучший выход, все равно пора умирать, к тому же родным не надо будет искать денег на похороны.

Итак, *я не бунтовщик*. Но я не призываю ни к бунту, ни к покорности, я не призываю к тому, чтобы человек отказался от своей **способности** чувствовать, мыслить, переживать, возмущаться, сочувствовать несчастным, оценивать окружающий мир так или иначе по своему разумению; я не призываю человека со всеми властвующими во всем соглашаться, ну, в крайнем случае, если нельзя иначе, то попробуйте хотя бы тайно мыслить и чувствовать отлично от *правлящего большинства* (а я исхожу из того, что в нашей стране правит «правлящее большинство», 86 или даже 90 процентов населения, а такие, как я, принадлежат к **отщепенцам**, к Пятой колонне, к "бунтовщикам", о которых говорили и клеймили их Достоевский и Великий инквизитор, о наймитам Запада и врагам народа.) Итак, я принадлежу не только к малому меньшинству, но к тем из них, которые не правят, не оказывают никакого влияния на страну и даже не согласны с народом, но своего несогласия или возмущения никак не проявляют. На всякой узкой тропинке, даже в гололед и в распутицу я уступаю дорогу идущему навстречу человеку, хотя бы это была женщина, подросток, ребенок, или цветущий хозяин страны.

И пишу я вам письмо не для того, чтобы вас укорить или переменить, нет, я хочу только понять ваш образ мыслей, который производит на меня странное впечатление: по совмещению несовместимого он похож на женский, по неуступчивости на мужской.

Попробую свои вопросы сформулировать по пунктам математически ясно, подобно вопросам, которые задает наивный ребенок.

Но сначала охарактеризую себя и подобных мне (совсем подобных, вероятно, уже нет, они поумирали, но чуть-чуть похожие на меня, возможно, в каких-то потаенных уголках сохранились).

На меня (на нас) произвели большое впечатление годы с 56-го по 68-ой, период в тринадцать лет, когда главенствовал своего рода *социалистический романтизм*, свойственный молодежи. Это была эпоха «развенчания культа личности» и десталинизации и демократизации общественной жизни и культуры, возвращения миллионов из тюрем и лагерей, первых робких контактов с Западом, покорения целины, строительства крупных электростанций, полетов в Космос, робкого раскрепощения культуры..

Странное впечатление производят на меня нападки современных русских

(?) писателей на Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова, Бориса Можаева и других, повернувшихся от идеологической пропаганды к человеку. Но Шафаревич показал, что социализм может существовать долго-вечно только в замороженном состоянии, только как деспотический режим (Ленина, Троцкого, Сталина), а только начинается «оттепель», социализм тает и течет. И тем не менее в *эпоху шестидесятых* даже в среде тех, кто не разделял марксистское учение, живы были иллюзии, вера в возможность социализма без террора (то есть без страха и ужаса), вот почему столь многочисленны были симпатии к эксперименту коммунистической партии Чехословакии.

Но все же, несмотря на выпальвание даже робких ростков свободы, после 56-го года общество научилось дышать, писатели писали книги, выходили замечательные фильмы, работали театры, в которых играли гениальные актеры. История, философия и литература стали доступны по крайней мере жителям двух столиц, можно было читать и Ницше, и Штирнера, и Розанова, и Иванова-Разумника, и Дневник писателя, и Шульгина и Родзянко, Набокова, можно было даже обо всем разговаривать (а что меня посадили, это была случайность или мне просто захотелось узнать, что такое тюрьма.)

Но самое главное, Россия развивалась и в научном, и в технологическом, и в промышленном отношениях – кто мог предвидеть, что этот почти тайный *процесс внутреннего развития*, хотя и сопряженный с *внешней экспансией*, будет прерван новой революцией, которую совершит сама КПСС (правящая коммунистическая партия)? Как будто дьявольские силы сначала в 17 году попытались сокрушить российскую государственность и превратить Россию в колонию Запада и Америки, а теперь уже в 1989-91 годах!

Но это преамбула.

Я страдал от сокрушения России, ибо я чувствовал себя прежде всего русским, потом российским, потом европейским человеком. Но гибель социализма и начало капиталистического строительства я воспринимал двояко. Мне было жалко Россию, уже было начавшую проводить не человеко-ненавистническую политику коммунистического Интернационала, а социальную политику, повернутую к человеку, и усваивающую многое положительное из социальных завоеваний Запада, его рабочего и его национально-демократического движения – и два-три года я надеялся, что новый Режим продолжит путь освобождения трудящихся и интеллигенции – но страна была сдана на откуп банде воров и разбойников и превращена в колонию Запада, научно-техническое развитие было прекращено, активная часть народа сбежала, из всех отраслей народного хозяйства остались только сырьевые, Россия превратилась в **сырьевой придаток Европы**.

Я не был ни коммунистом ни комсомольцем. Я был только русским. И мне больно от того, что произошло с моей страной. Но ведь наша интеллигенция, среди которой я живу, делает вид, что по-прежнему у нас в стране социализм, советская власть, рулит Генеральный секретарь правящей партии, и весь пыл и пафос критики направляет в адрес мифических либералистов, Пятой колонны, наймитов запада и капитала – кто они? Где их расположение географически и во властных структурах? Кто правит нашей

страной? Или это я виноват в ее бедах? В.П. так и говорил, когда пьяный звонил мне по ночам: жаль, мол, Сталин не добил всю пятую колонну! Я, правда, жил после Сталина, и мое влияние на положение в стране было не больше комариного. Солженицын жил в Америке и его тоже уже почти никто не слушал и не слышал, да и долбали его со всех сторон, здесь его долбали коммунисты и комсомольцы (которые ныне строят капитализм, а он его критиковал – может быть, за это и долбают?), там его долбали интернационалисты и глобалисты, считая его представителем *махрового русского национализма* – по крайней мере, когда меня посадили, то он меня защищал именно как националиста и народника, но не как представителя пятой колонны, и выступал по радио «Свобода» и требовал от советских властей гуманного ко мне отношения.

Но все это в прошлом, и современная интеллигенция не при чем. Это я написал, чтобы стало понятнее, о чем я недоумеваю и спрашиваю, и кто я такой. Я по-прежнему русский, и даже более. Капитализм я ни раньше не хотел строить, ни теперь. Скорее меня можно было бы назвать сторонником **«народного социализма, многоукладной экономики, духовной свободы в сфере культуры и образования, национально (народно) ориентированной внутренней и внешней политики»**. Марксизм-ленинизм, советскую власть, коммунистическое господство, диктатуру пролетариата, мировую революцию, интернационализм, глобализм и дружбу народов я не принимаю даже с похмелья! Но я так же не сторонник монархии, единоличной несменяемой власти (как бы она ни называлась), крепостного права, рабства, принудительной кооперации, трудовой армии (по Троцкому и Гитлеру).

1. И вот что я не понимаю в современном образованном обществе: как оно может сочетать любовь к марксизму-ленинизму, к советской власти и к строительству коммунизма с верностью олигархическому феодальному капитализму, да еще преследующему интересы международного капитала? Если анти-коммунистическая революция ему не по душе, то почему это общество так самозабвенно поддерживает власть латифундистов и капиталистов? Или оно думает, что у нас по-прежнему власть рабочих?

Второе мое недоумение связано с христианством. Советская власть была безбожной, коммунистическая религия хотя и имела общие черты с христианством, но противостояла ему как антипод, как красные противостояли белым, как комсомольцы и коммунисты противостояли попам и монахам, и вот в этой связи я тоже никак не пойму: большинство моих оппонентов сталинисты, марксисты, бывшие строители коммунизма – но они же одновременно часто оголтелые православные!

2. Как можно сочетать сталинизм, лютю истреблявший духовенство, с православием?

Ну и раз мы вспомнили о христианстве, то я теперь скажу два слова о том, как я отношусь к пресловутой **вине**, которая якобы лежит на всех нас, и идея которой и является основанием христианства, как идея пролетарской революции, экспроприации всех инакомыслящих и диктатуры пролетариата является стержнем власти *большевицско-коммунистической*.

Во-первых, я не разделяю основной христианский тезис о том, что моя прабабушка согрешила и я ее греховное отродье. Однако так или иначе европейские народы и русский тем более усвоили христианство и относятся к себе и к миру с чувством раскаяния, с чувством, что это мы сами во всем виноваты и теперь должны смиренно и кротко нести свой крест виноватого. Я некоторое время был сторонником сего учения, поэтому не могу бросать гневные взгляды в сторону христиан. Я думаю так: я являюсь частью народа, который **покорность и смирение** избрал своей религией, и хотя я теперь считаю именно покорность и смирение грехом и виной, но я не вправе отчуждать себя полностью от своего народа, частично и я виноват тоже – хотя и не в том, что мы якобы испортили мир при его первоначальном созидании, но все же в нашей крови находится нечто тлетворное, что заставляет нас участвовать во всем, что способствует злу или повторяет ему, именно мы участвуем в Крестовых походах, в подавлении польского восстания, в походах Наполеона, в Кавказских войнах, в покорении Средней Азии, в **Drang nach Osten** («Натиск на Восток»), в Инквизиции, в коллективизации, в тотальном истреблении и изгнании образованного сословия в России, в Варфоломеевской ночи и в преследовании и мучении староверов, в жестоком преследовании христиан с 17 по 41 годы при Ленине и Сталине, в истреблении индейцев, в муках Фландрии, Ирландии, Бретони (в которой революционные войска истребили пушками 200 тысяч почти безоружных крестьян), в муках крестьян Тамбовской губернии, в муках крестьян Поволжья и горожан Ленинграда во время Блокады... Это все творили не одни гнусные предводители, были у них солдаты и сообщники, так или иначе их кровь хоть частично и во мне или хотя бы в таких как я (ну ведь не случайно прадед мой сражался за белых, а дед за красных, и они буквально, а не метафорически *стреляли друг в друга*).

Итак, я виноват в том, что *мой русский народ* впитал с христианством рабское чувство покорности, во-первых, и потаенный огонь «*русского бунта, бессмысленного и беспощадного*», во-вторых. Но мой ли это народ? И русский ли я сам? Приведу отрывок из славянофила Константина Аксакова (цитирую по письму А. В. Осипова): «Запад, из состояния рабства переходя в состояние бунта, принимает бунт за свободу, хвалится ею и видит рабство в России. *Россия же постоянно хранит у себя признанную ею самую власть*, хранит её добровольно, свободно, и поэтому в бунтовщике видит только раба с другой стороны, который так же унижается перед новым идолом бунта, как перед старым идолом власти; ибо бунтовать может только раб, а свободный человек не бунтует». *Об основных началах русской истории.*

Как это мне напоминает Гегелевское: «*Свобода – это осознанная необходимость*»! А у Аксакова «добровольное рабство и отсутствие бунта – это свобода русского человека, а бунт против рабства – это рабство западного!» Еще в советское время мы сканировали (повторяли как мантры): «диктатура пролетариата – это высшая форма демократии, а западная буржуазная демократия – это крайняя форма капиталистической диктатуры!»

Остается только добавить, что *добро – это сознательное зло, а зло – бессознательное добро* (или наоборот?).

Итак, **я виноват**. Я сам наследник отчасти языческого, отчасти христианского русского народа, и насколько язычник, настолько бунтующий раб (по Аксакову), а насколько христианин – настолько человек, "свободно" избравший рабскую любовь к своим господам (см. евангелие) как свободу.

Но я ведь виноват и как наследник советского русского народа: во-первых, в том, что советский народ отрекся от своей русскости, и большинство граждан мой страны считало себя советскими, а малая часть православными, а сегодня хотя и наоборот, но русскость или совсем не вспоминается, или вторична.. Подчинение власти и любовь к ней было кастовым отличительным свойством советского человека, и по подозрению в нелюбви к советской власти даже расстреливали, как по подозрению в инакомыслии или в сочувствии к инакомыслящим. Не знаю, насколько искренно *любили* крепостные своих господ, но что советскую власть они любили, я в это, наконец, поверил. И что верили в бога, и в это надо поверить тоже. Когда-то давно я, сочувствующий христианству, поелику оно подвергалось гонениям в безбожную коммунистическую эпоху, женился на комсомолке. Ее сначала хотели исключить за это из комсомола, потом ограничились строгим выговором – ах, где вы, вчерашние комсомолки и комсомольцы? Не причащаетесь ли самозабвенно плоти и крови Христовых, в покаяние о недостаточных преследованиях нынешних вероотступников? И не гоняете ли теперь уже за комсомолки, как гнали когда-то за христианство?

4. И все же меня изумляет не то, что *коммунисты стали христианами*, но что нынешние *христиане остались коммунистами*. **Неужели** и то и другое **сочетается: и коммунизм и православие?**

Но пора вернуться назад, к Революции. Что безумные славянофилы, подменявшие живое народное чувство общности, основанной на языке, культуре, исторической памяти, и в том числе на происхождении, которое не было единственно определяющим народность, уперлись в одно *православие*, связанное с монархическим началом, а вместо русского народа подставляли то целую мозаику славянских народов, которая целостностью как раз не являлась, то некую ново-византийскую общность, третий Рим или второй Иерусалим, а их последователи вместо русского народа – евразийскую общность, меня уже не удивляет, это предтечи советского народа вместо русского, это философы антирусского направления, которым русскость была или чужда или даже ненавистна. Единственный среди них Данилевский, выдвигая в качестве отдельного культурно-исторического типа славянство, мыслил по-русски, и в этом славянском типе мыслил и чувствовал русский народ как его сердцевину, да по существу как основу типа, оставалось только от славянства отмахнуться и читать его книгу как учебник истории русского духа. Однако, пренебрежение русской народностью и подстановка вместо нее православия и самодержавия добром не окончилось, так называемая русская революция и произошла как АНТИ-русская революция, это был погром не только правящих классов (что соотнобразывалось с марксистской национально-ненавистнической теорией), но и погром крестьянства, то есть погром всего основного в русском народе.

Но как же относится современное культурное, уже хотя бы несколько русское общество (после 20-х, 30-х, 40-х годов национального подавления) к этой революции? Ну точно так же, как местечковый еврей, впервые в жизни увидевший город. Что было выкорчевано образованное сословие полностью, в том числе и еврейское, и исламское, и буддистское, это местечковым трюцким, называвшим (или считавшим?) себя русскими, было без разницы, они строили новую историческую общность – советский народ, без различия языков и языков, без синагоги и кирхи, без пагоды и церкви, какой язык должен был объединять этот народ в единое целое, было неясно, разумеется, это целое развалилось как пересохший глиняный болван, и появились из него и евреи и калмыки и грузины и киргизы и казахи и все остальные 180 народов, вот только русские вылупиться из этого гнезда никак не могут.

Русский народ в революцию потерялся, русские философы были выселены, русские священники расстреляны, дворяне и офицеры частично погибли, частично бежали, писатели и музыканты, актеры и поэты бежали тоже, достаточно назвать несколько имен, без которых остался осиротевший народ: **Шаляпин, Рахманинов, Стравинский, Дмитрий Смирнов, Прокофьев, Георгий Иванов, Михаил Чехов, Сикорский, Алехин, Репин, Зинаида Лансере, Александр Бенуа, ... Сергей Дягилев, Матильда Кшесинская, Деникин, Плевицкая, Лосский, Бердяев, Солоневич, Иван Ильин...** По этим именам будующие историки будут восстанавливать историю русского народа, один Шаляпин стоит не меньше, чем русский народ в целом (или не надо верить запальчивым словам Аполлона Григорьева, что **Пушкин – это наше всё!**? – так вот так же для меня в Шаляпине вся русская напевность и музыкальность, и если вы не возмущаетесь словам Достоевского, что он лучше останется с Христом, чем с **истиной**, то спокойнее отнеситесь и к моим словам, что я лучше останусь с Шаляпиным и изгнанной русской философией, чем с «пролетарии всех стран, соединяйтесь» диктатурой как высшей формой демократии, «слава труду!» (за который платили меньше, чем при капиталистах)... Но, однако, как же вы относитесь к Октябрьской революции? Если Николай Второй святой, то революция, которая его свергла, заключила и расстреляла – от сатаны? Но не могут же быть одновременно святыми и революционеры во главе со Сталиным и новые русские мученики, поставленные в святые православную церковь? И как же вы ходите причащаться плоти и крови Христовых в сию церковь и одновременно поклоняетесь советской власти, любите ее, жалеете, что она свергнута, и что распался Советский Союз? А что уничтожена Российская империя, кто-нибудь из вас пожалел? Ни от кого я не слышал). Нет, ребята, что-то здесь одно:

5. или вы признаёте правоту Революции и неправоту старой России и поделом она была уничтожена вместе с дворянами и их царем и ста тысячами дворянских поместий и ста тысячами храмов – **или вы ЗА бывшую Россию, «которую мы потеряли», но против Революции?**

Но чтобы быть последовательно непоследовательным, я вас утешу, хотя и не соглашусь с вами: прочитав Аксакова о **рабстве** как о **свободе**, я вдруг подумал, что уже и сам готов разметать по косточке и рабовладельцев и их храмы, в которых воспевалась любовь к рабству.

Нет, я не требую, чтобы вы начали думать, как я, ушли вдруг из церкви или с партсобрания, да Бог с вами, лишь бы вам было светло на душе; но не может человек одновременно поклоняться двум противоположным святыням – или они и в самом деле неразличимы? Но хотя бы днем бежать в атаку на немцев, а ночью пускать сигнальные ракеты, показывая, куда им бомбить, но не одновременно?

Перелистайте страницы новейшей русской истории: царь свергнут, министры-капиталисты свергнуты, помещики и заводчики и белое офицерье частично убито, частично расстреляно вместе с детьми, частично бежало за грань безумного советского бытия. Ужас Гражданской войны перетек в голод не только в Поволжье, но и в южных областях, и на Украине – а вы читали письма и телеграммы Ленина, из которых видно, что и Гражданскую войну и Голод старательно созидали большевики, Ленин так и писал, что *иначе не переменить душу народа*. Голод и разруха сменились НЭПом, успели позавтракать, пообедать однако не успели: началась коллективизация. Если Гражданскую войну можно списать на Ленина и ленинских соколов (хотя кто же Сталин? Разве он не из этой же когорты? Не он грабил банки, создавая партию большевиков, разорял Царицын, проводил антирусскую национальную политику, будучи министром по делам национальностей?), то коллективизация проведена только им, хотя и по лекалам Троцкого. Одновременно началась *индустриализация*, в 27-м году (а чем занимались большевики с 17-го по 27-й, и при сталинском правительстве? Вся полнота власти у него уже сосредоточилась в 22-м году, и тираном он пробыл ровно **31 год!**) Ну пусть первые десять лет большевики жили за счет разграбления имперских запасов, и только в 27-м спохватились, что надо что-то строить – но с 27 по 41-й было полновесных четырнадцать лет, Гитлер пришел к власти в 33-м году, у него на эту *индустриализацию* срок оказался почти вдвое МЕНЬШЕ – и что, он меньше успел построить? А ведь Германия в 32 году была тоже в разрухе, была депрессия, безработица, уныние в хозяйстве и в душах.

Вы думаете, зачем сто лет!!! – СТО ЛЕТ – вбивали вы в наши сердца и души, пропагандисты и агитаторы, миф об отсталости России, о России как о тюрьме народов, царском застенке и каземате, стране безграмотных попов и жандармов – разве не вы в комсомольскую юность пели «Весь мир насилья мы разрушим до основанья!»? И пели и вбивали с одной целью: ОПРАВДАТЬ безграмотность и неумелость, отсталость и дикость всех советских правительств и его руководителей, и с этой целью была развязана беспрецедентная кампания по борьбе с шпионами и диверсантами, вредителями во всех отраслях хозяйства, в быту и в армии, на транспорте и на дорогах, на кухнях и в ложах театров, даже в постели "президента" и "премьер-министра", с каковой целью были выявлены и обезврежены и их жены.

(Не смейся, читатель, вспомни Калинина и Молотова и их жен, да и жену самого Джугашвили. Большой маразм был только при дворе Византийских императоров, когда евнухи занимали Трон).

Кажется, в 1955-м году мы выдвинули лозунг: Достигнуть уровня 1913 года! – и при хрущевском правлении мы его наконец достигли, и настолько

обнаглели, что вознамерились «догнать и перегнать Америку»! Но по крайней мере той нищеты, которая была и в тридцатые годы, и до 55-го, мы уже не знали. Или мы с вами жили в разных странах и в разные эпохи, учились в разных школах, живем в разных городах? Когда впервые начали строить квартиры для обычных горожан, так называемые "хрущевки"? И построили их, оказывается, так много, что до сих пор не знают, куда их девать – а они еще исправно служат их владельцам. Телевизоры, холодильники, стиральные машины, личные автомобили появились только при Хрущеве, при нем наши граждане даже стали выезжать мелкими партиями за рубеж, кой-где в цитадели, которою был социализм в отдельно-взятой стране, прорубили окна и двери. К слову об отсталой России: именно в ее городах и домах и проживало российское население, в том числе из далеких окраин, новых домов строить не успевали, то коллективизация, то искоренение троцкизма, то строительство метро, то Дом Советов, то Промпартия, ... Во время войны пушки всего Советского Союза заряжали порохом отсталой Российской империи, ездили только по ее железным дорогам, новых железных дорог до Хрущева не было построено ни одной, и шоссежных тоже... К слову, вы не видели кварталы домов с малогабаритными квартирами для рабочих, в окрестности метро Выборгская, Лесная, и вдоль Кондратьевского проспекта? Это все было построено тогда, при проклятом прошлом, я в них бывал, они даже лучше "хрущевки". К слову о тех батонах, из-за которых был пущен миф, что в России хлеба не стало, в 63-м году я покупал эти батоны, в них добавляли горох, я помню даже их вкус, и тоже возмущался – но хлеба хватало, и никто не голодал! Виктор Петрович (мой старый товарищ, который хотя и недоволен был тем, что Сталин не успел всех расстрелять, но меня любил!) обвинял Хрущева в гибели социализма, потому что Хрущев *де расстреливать перестал*, разрешил жить писателям и художникам, даже с Эрнстом Неизвестным ругался и его не посадил, да и некогда было сажать, то ракеты надо было строить, то дома, то дороги, то заводы, но, правда, и кукурузу сажали – но тот промышленный рывок, который был сделан в СССР, именно в его годы и был сделан, и та гигантская военная промышленность была создана именно при нем, но скоро заржавеют последние ракеты того времени, посмотрим, какими ракетами вы начнете обороняться не от внутренних, а от внешних врагов. Отменили ли вы Решения Двадцатого съезда коммунистической партии? Нет. И вся ваша пропаганда сталинизма – не только дьявольские козни против поднимавшейся, но не успевшей подняться России, но и война против «социализма с человеческим лицом», против законной коммунистической партии, а нынешняя КПРФ – это самозванец, с портретом Сталина на лбу. Но разве не очевидно, что именно не советская, а олигархическая капиталистическая власть и создала эту партию? Впрочем, что мне было бы до коммунистических проблем, если бы я не видел, что с отстранением Хрущева и воцарением снова сталинских соколов и началась новая деградация России – но и я в этом отчасти повинен, я сторонился комсомольского движения, не хотел участвовать в нем, а в школе за мною бегали, и в университете, и вот Петю Р. я проворонил, он же ко мне набивался в друзья, и Володя В., и я мог оказать на них влияние, и не

стали бы они помогать Зюганову – да и Зюганов не пропащий человек, все же докторскую стал писать именно по «России и Европе» Данилевского, которую после ста лет забвения именно я издал и ему подарил (жизнь меня к ним как-то приталкивала, а я сторонился, и вот досторонился, три у меня читательницы и один читатель, и ни на кого повлиять уже не могу)...

Но ладно, речь не о том, что вы мыслите не так, как я, или я не так, как вы, но дело в том, что я хочу понять, как вам удастся одновременно жить и по *социалистическим таблицам логарифмов* (по Глазенапу), и по *христианским* (по Флоровскому), и по олигархическим (служа верой и правдой современному олигархическому режиму)? Но, возможно, даже и не в этом дело...

Лето я провожу в деревне, тамошние старожилы иногда просят у меня взаймы опохмелиться, я им даю и никогда не укоряю: если бы мне хоть на мгновение показалось, что я чем-то еще смогу на них повлиять, я бы им стал произносить пространные речи, или, может быть, стал бы их трясти за грудки, но я знаю, что все тщетно, поэтому молчу. Разговариваю я серьезно только с детьми, лет до 13-ти, пока им со мной интересно, потом они начинают от меня отдаляться. Влияю ли я на детей? Вряд ли... (Кстати, мне всегда казалось, что Солженицын какой-то, скорее, писатель кабинетный, смутно понимающий окрестных людей, женщин и мужчин, не говоря о детях – как бы он мог на них повлиять? А я и костыми и кожей ощущал с малых лет окружающий мир, но и то никакого влияния на человека в этом мире я не оказывал. Ну, может быть, когда влюблялся... чуть-чуть...)

Я теперь понял, что исправлять ошибки в сочинениях школьников, в решениях задач – бесполезно, так их ничему научить нельзя. Надо просто правильно преподавать историю, геометрию, грамматику, из общего они увидят свои неверные частности – но в школу меня уже не пускают, надо уже писать «Учебник философических умозрений».

И что многие одновременно поклоняются противостоящим учениям, это я давно знаю, и что многие из нас веруют то в социализм, то в христианство, то сразу и в то и в другое, и даже одновременно исповедуют и эволюционную теорию Дарвина и библейское сотворение человека из праха – ну, вот, так же как у некоторых есть и жена и любовница и они обеих любят, вот так же любит человек сразу Сталина и Христа, социализм и капитализм, Интернационал и Россию (без русских) – ну что им сказать? Не верю я современной интеллигенции ни в чем, один из выступавших на нашем междусобойчике так и сказал: **у нас у всех каша в голове!!!**

Патриотизм по-советски – это *Россия без русских* – а только к этому делу и идет! Это Россия как сырьевая колония Запада (она уже сегодня колония, но еще более к этому идет!) Это Уганда с ядерной бомбой, но без ученых – они уже все свалили «туда». Неловко произносить заплеванное всеми, особенно марксистами и христианами слово **национализм**, и поэтому я называю себя **народником** – но в отличие от всех, я **добро-желательно** отношусь и к евреям и к татарам, и к полякам и к цыганам (эти меня даже обещают от русских в случае чего защитить), и к *хохлам* и к *москалям*... споткнулся только на янки... Но скажите честно, русские интеллигенты, **дорожите ли вы Россией более ваших давно уже ветхих идолов? Или Россия для вас – не главное?**

20 февраля 19, 10-37. Во мне за последние два дня произошел переворот. Я вдруг понял, что и я и возможные читатели, даже те, которые пытаются меня читать, не понимаем друг друга, что вам, мои несостоявшиеся читатели, невдомек, что я вам пытаюсь сказать, в чем разубеждаю и в чем убеждаю.

Существует **Реальность**, это мир вещей, людей, **смутных образов**, воспоминаний и явлений. Сегодня, несмотря на февраль, всю ночь шел дождь, он идет и сейчас, и я боюсь, не будет ли поэтому холодным апрель и затяжная зимняя весна. Сегодня в шесть утра, как обычно, началась аритмия, я раздумывал, вставать ли на зарядку и потом садиться к компьютеру, но все же подышал глубоко и в конце концов заснул, встал, правда, поздно, утро бестолковое... Во мне идет **переворот**, может быть, я начну писать что-то новое, но я одновременно не знаю, не надо ли уже искать место...

Но существует и **Действительность**, о которой я не могу точно сказать, что она такое, отчасти это мир идей, категорий и понятий, образов и представлений, **мир сил и движений**, физических и ноуменальных.

Объясню на примере. Представим себе, что я журналист и с читателями выпиваю в землянке, с старшиной и машинисткой. Вдруг что-то в воздухе противное засвистело (мина, флегматично заметил старшина), ударило, чуть ли не в стену (о, как фуйдакнуло! – несколько встревоженно сказал старшина), из верхнего угла посыпалась земля, пустой стакан из-под водки подскочил и упал со стола (хорошо, что мы уже выпили! – удовлетворенно добавила Уля, переводя дух). Это – заурядное событие той жизни, ее частный феномен (явление). Но оно хотя и живописно, мало что объясняет. Надо добавить, что на дворе осень 42 года, мы отступаем к Волге, идет уже затяжная война (это лучше чем блицкриг 41 года), впереди отчаянные бои, разрушенный Сталинград (который так пока и не стал вновь Царицыным), Курская дуга и долгие месяцы наступления... – все это **Действительность**, частными случаями и следствиями которой и являются землянка, старшина, Уля и мина, чуть не похоронившая даже меня.

К *действительности* относится пространство и время (ибо явления и вещи без них не возможны), Война, СССР, Германия, две противостоящие армии, просчеты командования и по-прежнему невероятные потери после катастрофы 41 года. Вереница тех боев и окружений, прорывов и отступлений – это *цепь явлений, частных событий*, – но внезапность удара, потеря большей части армии, почти всей техники – это *действительность*. Можно даже сказать, что она – это то **общее**, в чем всё происходит, и она – это **целостность происходящего**, как Революция, Война, Целина, Коллективизация, Застой, Регресс и Возрождение... а вещи и явления – частности и части (как детали автомобиля, как автомобили в колонне, как колонны в армии...)

Оценки тоже принадлежат действительности.

Но этого примера недостаточно, приведу еще один.

Скрипнуло окно, стукнула дверь, зашумела береза под окном – дует сильный ветер, порыв его тронул дом и деревья. Скрип, стук, и шум – это следствия, ветер – причина, такая же, как перемещение теплых воздушных масс из Атлантики над территорией Европы, которые и вызвали резкое потепление в европейской части России. Вот почему сегодня идет дождь.

Представим себе, что я написал статью о советской власти, сначала я ее ругаю, один ее читатель говорит соседу: помнишь, с нами парился вчера один хмырь, читаю, что он пишет, что хуже советской власти только антисоветская – не знаю, как его понять, но я то ведь жил при коммунистах, ну да, они были в основном идиоты, сами работать не хотели, только других призывали, но у нас была зато работа и зарплата, после смены я в соседнем ларьке с друзьями выпивал стопку, запивал кружкой жигулевского, закусывал бутербродом с килькой, дома ждал меня борщ и по телевизору хоккей. А сегодня? Работы в основном нет, а та, что есть, не только не по специальности, но и вообще ни по чему, вот, скалываю у ларька лед. Пиво плохое, как технический спирт, зря мы ругали советское пиво, у тех то, оказывается, все синтетика, и бабы такие же, и их свобода, которая и им по сути на-хрен не нужна.

Но в продолжение статьи я советскую власть слегка похвалил, и мой старый товарищ, только что вернувшийся с Бермуд или с Канар или из Катара, швыряет раздраженно газету: Советскую власть, вишь, вспомнил. А что мы при ней видели? Я вот теперь объездил весь мир, ходил даже по Великой Китайской стене, сын мой учится в Кембридже, внучка замужем за американским бельгийцем. А тогда? Накопил за три года как-то я на путевку в Париж, из Аэрофлота мы полетели, прилетели, сразу в гостиницу для туристов, правда, душ, потом обед, потом шли по улице, сбоку стена, за стеной Эйфелева башня, потом повезли в автобусе, окна зашторены, ничего не видно, привезли в Версаль, ходили по двору, впечатляет. Правда, один из наших, где-то хлебнув, прислонился к стене, она и упала. А за ней наши Химки! Остальное то всё нарисовано! Вот и слетал я в Париж. А этот, мало его по психушкам мотали, советскую власть вспомнил!

Итак, все справедливо. Человек имеет дело не с действительностью, и даже не с ее частными проявлениями, он имеет дело с образами, словно бы с видами из окна на улицу. Он помнит свою жизнь, смутно то, чему его учили в школе, обрывки книг и кинофильмов, обрывки исторических сведений, которые и тогда еще просеивались сквозь сито, а теперь просеивает их еще и память. А я ему говорю о **социализме**, цитируя Платона, Савонаролу, Кампанеллу, альбигойских монахов, о которых он никогда не слышал. Да отвязись ты от меня с Кампанеллой, вот при Сталине мы войну выиграли, Берлин взяли (*это образы* из ушедшей действительности, своего рода точки экстремума, оторванные от порождавшей их функции, а значит абсолютно пустые, которые ему навязаны извне)... Я ему говорю о Христе, плохо или хорошо, а он кроме как из «Мастера и Маргариты» больше о Христе ничего не знает, и ему невдомек, что даже в храме в службе, которую проводит священник, Христос – герой спектакля, который поставлен *по мотивам Нового Завета*, но даже священники не знают, что такое христианство, как не знали и преподаватели научного атеизма, как не знали и преподаватели диалектического материализма, что такое марксизм, диалектика, социализм и квадратура круга.

Что никто ничего не знает (знают евреи, и я понимаю, насколько невежествен в сравнении с ними, это перед русскими я выставляю себя *образованием*), это теперь я с прискорбием **узнаю**, поэтому я со своими

статьями, обращенными к **действительности**, несу пургу, которая никому не понятна и потому не интересна – и это я уже понял – но это не всё.

Зато я понял, что надо жить и писать иначе, или писать про Маргариту и Иешуа, которые друг к другу никак не привязаны, эта в своем мире, тот в своем, никогда не встречались и никогда не интересовали друг друга, тем более, что Маргарита ведьма, ... при чем тут Христос? – или писать частные письма в Германию и Англию Ньютону и Лейбницу – но я не знаю латыни. Но мой читатель больше о них ничего не читал, а *при Сталине, о котором он вспоминает крестьян и с любовью*, он не читал даже этого. Можно писать Маргарите, что я и делаю. Но поелику я все же писатель-философ, хотя и безграмотный (как и Христос, не любивший книжников, хотя я, правда, книжников люблю; как и Сократ, который и знал то всего лишь то, что ничего не знает – но я зато знаю еще и Сократа) – то мой переворот привел меня к следующей мысли: хватит писать критики и комментарии, злые и незлые статьи, достаточно для себя писать письма, а для общества написать *Новую книгу*, которую, может быть, никто не будет читать, зато я никого не обижу.

Но пока, раз уж я взялся за это письмо, продолжу, тут как раз уместно написать про Сталина. В 1952 году, еще при его жизни, когда мне было десять лет, я прочитал его десятитомник, напечатанный на хорошей и толстой бумаге, довольно крупным шрифтом. Написал он, как оказалось, не так много, у меня уже 16 томов, притом потолще и помельче. В одном из его томов английский журналист, в 32 году, его спрашивает: Советская Россия, как известно, испытывает трудности с продовольствием, в том числе и с сахаром. Британия получает сахар из колоний, и немало. Почему же вы продаете сахар Британии по ценам ниже колониальных, у нас полагают, что это *демпинговые цены*, и вы терпите при этом убытки?

Сталин отвечает: Мы продаем сахар не английской буржуазии, а английским рабочим, русские рабочие готовы отдать даже последнее своим товарищам по классу (цитирую по памяти).

В советское время бытовал анекдот: «мы говорим *партия*, подразумеваем *Ленин*, говорим *Ленин*, подразумеваем *партия*, и так уже 70 лет: говорим одно, подразумеваем другое». Сталинский ответ журналисту – типичный пример лжи и подмены, лицемерия, когда говорится одно, подразумевается другое – но это и раньше началось, и до сих пор продолжается.

Однако, глядяываясь в новую русскую историю, в ее явления (в ее *реальность*), и в ее действительность, то есть в причины ее событий, я пришел к одному важному выводу, который эту историю объясняет исчерпывающе.

В 17-м году к власти пришли недоучившиеся гимназисты, местечковые озлобленные революционеры, солдаты и матросы, разложившиеся сначала на фронте, затем уже до конца растлившись в Петрограде – с одной стороны, и оторванные от жизни романтики, и революционные, и пацифистские – с другой стороны, ну и для того чтобы «Суп из топора был наваристой», еще компании из рабочих – и вот этот Топор пришел к власти, не умеющий не только срубить дерево, но и расколоть дрова. Он умел рубить только головы.

История Гражданской войны показала, что они не умели воевать, и взяли только числом и террором, тотальными расстрелами всех, кто не согласен, заградительными отрядами Троцкого, расстрелами в Петрограде заложников, расстрелами крестьян и «мешочников», расстрелами офицеров и кадетов, их дочерей и сестер. Они победили благодаря ужасу, тифу, вшам и голоду (читаетесь воспоминания вырвавшихся из Петрограда – только Блокада еще хуже!) – но народ начал уже уставать. Тогда они отступили, к тому же разразился голод в Поволжье и еще в 32 губерниях, о чем предпочитают умалчивать (и о том, что голод этот спровоцирован большевиками во главе с Лениным, как и Гражданская война – об этом пишется в его записках в Совнарком и в «Политбюро») – тогда они ввели НЭП. Сталин его отменил в 28-м году, тех, кто его вводил, позже он расстрелял, и в 32 году начался голод на Украине, *тогда он продал «лишний сахар» британским рабочим.*

Кто-то скажет, что нужна была индустриализация – но где были большевики с 17-го по 32-й? Гитлер пришел к власти в 33-м – как же он смог *провести индустриализацию за пять лет, не обрекая свой народ на тотальный голод?* В 38-м началась Мировая война, и Германия уже была к ней готова!

Так что же является сущностью русской истории последнего столетия, когда у власти была «лучшая, передовая часть народа»? Сущностью является неумение руководить страной, неумение работать и воевать, и то, что мы существуем, и страна не рухнула окончательно и бесповоротно, объясняется просто, надо только взглянуть на цену, которую мы платили и за успехи и за поражения, даже за выживание. Мы теряли художественные ценности, теряли народ, теряли талантливых и образованных, мы кормили весь мир нашим лесом (несколько поколений эков пилили сибирскую тайгу ручной пилой), каменным углем, полезными ископаемыми, полили нефтью, обогревали газом. Наша экономика и наша жизнь была **растратной**, мы выживали только за счет того, что проматывали наследие отцов и матерей, закапывали в землю наших сыновей. Дело не только в том, что эта война оказалась для нас такой трагической и непосильной, но само существование народа оплачивается его собственной кровью: по качеству жизни мы далеки от цивилизованных стран, у нас слабая медицина, не лучшее образование, плохие дороги и на них высокая смертность, низкая продолжительность жизни, отравленный воздух и вода. Народ вырождается и вымирает. Он уже не поет своих песен, не украшает жилищ, уничтожает целые кварталы старинных домов, целые города для временных новостроек. Нас становится все меньше, и мы все хуже. Вот поэтому мы пьем и самозабвенно кричим о нашей победе – 75 лет мы хвастаемся только ею, не похоронив еще всех своих павших. Стучит ли "пепел" Клааса в чьем либо сердце? Иногда мне кажется, что он стучит только в одном сердце, в моем. А когда мое собственное сердце замолкнет, когда умрут не только те, кто воевал, но и их дети? Но столичный интеллигент ничего знать не хочет, он не видит жизни страны, не знает о задыхающемся Челябинске, о свалках мусора в Подмосковье, из-за которых задыхаются дети, о *строительстве ядерного могильника под Красноярском*, о десятках городов, в которых старикам выселяют из домов, а молодежь не может найти работу. Интернет изнемогает от стонов, тревожат ли они русских патриотов?

Но это я пишу о *реальности*, а надо вернуться к *действительности*. Картина, быть может, является причиной для своих частностей, но она не причина для себя. А я нарисовал картину нашей жизни, но я пока не знаю, как ее изменить. Именно эта картина, эти люди и этот город, и эта страна сами по себе неизменны, они имеют предысторию, **силы и движения**, происходящие во времени. *Довлеет дневи злоба его*, говорится в евангелии, но если этот день будет жить только собою и для себя, он себя не изменит. Поэтому я и пытаюсь понять действительность или хотя бы представить контур ее. В нашей реальности нет ни Платона ни Аристотеля, ни Кампанеллы, ни альбигойцев, ни Маркса, ни Сталина, и даже если их книги и стоят на чьей либо полке, но книги эти в качестве книг почти не существенны. Не существен и Сталин в той мере, в какой он является только *образом*, возможно символом, как символом является и кровь в причастии, которой мы причащаемся. Что же существенно? Отчасти существенно знание истории. Существенна и Теория прибавочной стоимости, которую уже все позабыли – а мы воздвигли на ней мировоззрение, потом Революцию, Террор, Здание нового общества. Мы пользовались ею как солью жизни, а она оказалась не соленой, ибо *теория эта не верна* – на что же опиралось Здание нового общества? Мы строили справедливое общество, в котором прибавочная стоимость не отдавалась капиталистам, а только трудящимся – а при этом производительность труда оказывалась ниже, чем в буржуазных европейских странах, следовательно Труд оказывался неэффективным. Но именно Сталин возглавлял тоталитарную систему, воздвигнутую в пространстве марксистской «Теории прибавочной стоимости» – если же она не истинна, то *как может быть истинным он сам* (независимо даже от машины террора)?

И так во всех сферах нашей жизни, так и в литературе, даже критическая статья об авторе, существующем только в границах современности, ничего в нем не объяснит. А мы пытаемся жить, словно после наших имен отсутствуют отчества и фамилии, то есть словно до нас ничего не было.

Продолжаю. Прежде, чем спорить о Сталине, надо его прочитать. Отдельный том из его сочинений занимают выступления в годы войны, посвященные самой войне. И оратор и писатель он был посредственный, и запомнил поэтому я немного, в одной из своих речей он пространно говорил о том, что немцы надеялись, что они победят и в награду получают *пирог и пышки*, а получили они вместо этого *синяки и шишки* (смех, аплодисменты). Ничего более существенного в этих речах не было. Было ли что-то существенное в его личности, кроме *воли к власти*, в которой он был гением? Нет.

Но чтобы понять русский социализм, надо прочитать сочинения и других его вождей, Ленина, Троцкого, Бухарина. Читаем письма Бухарина и его статьи в Известиях в месяцы перед арестом, он путешествовал по Средней Азии – по крайней мере после его писем мне его уже не было жалко: ничтожный человек, взнесенный на вершину истории. А Ленин? Пусть скажут наши философы, чего стоит его претенциозный «Материализм и эмпириокритицизм» – а мы в университете им хотя давились, но ели. (Не таким ли и актером был Нерон, сжегший Рим?)

Спорить надо об идеях, а не о смутных образах героев, так же ничтожных, как и их книги. Но сначала их надо прочитать, Потом мы поговорим...

Но вернемся к Хрущеву. Герои Трагедии советской власти были слишком просты, у них была примитивная родословная, один родился в Варшавском гетто, другой в будке старьевщика, третий в сапожной мастерской, Джугашвили отдан был в семинарию из жалкой лачуги прачки, выше он не поднялся, он был зол на весь мир, и злость свою выместил на неповинных прохожих. Вся большевистская шайка была такою же, Троцкий чуть-чуть возвышался над ними, он написал несколько литературно-критических статей, даже выше среднего уровня – но разве этого должно быть достаточно, чтобы заправлять судьбами великой страны? Допустим, что Сталин еще выше – но что тогда он делает в этом курятнике посредственных якобы-птиц, не умеющих даже летать? И летела ли ввысь хотя бы одна фраза из тусклых речей и псевдонаучных статей, вышедших из-под его пера? Вот ключ к философии социализма в советской России. Дважды Сталин пытался направлять ход военных действий, в первый раз мы дошли до Москвы, во второй – до Волги. В третий он не рискнул управлять военной машиной, не хватило бы солдатских ресурсов даже у великой страны.

Но вернемся к Хрущеву. Перед Сталиным он плясал гопака, пил, не пьянея, на Украине его руки были тоже по локоть в крови, когда у всех наших руководителей в крови были и ноги. И перестанем хотя бы на полчаса считать количество расстрелянных и упрекать историков в ошибках счета. Важно только то, что все они в крови, все они разбойники и палачи, а вы защищаете то одного то другого нелепыми словами о том, что нет, этот выпил крови на тысячу литров меньше. Вам не стыдно подсчитывать объем крови? Вон у Раскольникова на совести было только две бабы, и то ему все мерещилось, что где-то на сюртуке осталась капелька крови – а у этих сколько капелек крови на их френчах и галифе, на их сапогах? Берия выбил зубы маршалу Мерецкову, Сталин с ним пил грузинский коньяк. Вы думаете, что где-то в мире нашлась бы Сонечка, которая замолила бы их зло? Или они спасли Россию, два палача? Или вы допускаете, что Христос осмелился бы им сказать, что сегодня же вечером они будут одесную его сидеть у престола Отца небесного? Сколько же выпил крови тот разбойник, которого он помиловал? Да рядовой следователь НКВД крови выпил больше его. И нужна ли мне та Россия, которую спасают безжалостные инквизиторы ЦК КПСС?

Но нет, вас ничто не проймет. Поэтому вернемся к Хрущеву.

Казалось бы, он один из них. Но или что-то в нем ёкнуло, или он и был не совсем как те, но придя к власти в 53-м году, сразу после смерти Сталина (а именно он стал «главным в партии, хотя и не идущим по капиталистическому пути»), он отменил массовые расстрелы, тотальные посадки, и начал выпускать заключенных – миллионами. Сначала евреев (по «делу врачей»), потом и остальных. Возможно, большевики сообразили, что лагерный труд менее эффективен, и охранять их надо, и мруг больше, и изнашиваются быстрее.) Был расстрел в Новочеркасске, но нет сведений об ответственности за него руководителей государства, может быть. Хрущев и не при чем.

Но самое главное, стал отступать тотальный, всеобщий страх за личную безопасность, за безопасность родных.

Снова появились песни о любви, о житейских событиях, напечатали Есенина (57г.), Достоевского (58г.), появились русские писатели (Тендряков, Тропольский, Виктор Некрасов, Александр Яшин) множество людей вдруг начало сочинять стихи (не только о партии и Сталине, но и о любви).

Вдруг осмелели настолько, что стали высказывать недовольство: то жизнью, то правительством. Единомыслие в России в одночасье исчезло. Недовольство Хрущевым в среде современных мыслителей связано как раз с отменой единомыслия, русский человек требует (если он верит в истину), чтобы в эту истину верили все остальные. В первый раз распустились в декабре 1825 года, подвергли сомнению незыблемость Крепостного права и императорского самодержавия (а общество уже начало подтаивать, многие этим декабристам сочувствовали, включая сначала Достоевского, потом и Льва Толстого). Второй раз в 1848 году, несколько кружков инакомыслящих были разгромлены, Достоевский, Костомаров, Шевченко отправились на каторгу, Герцен и Бакунин бежали, но крестьян пришлось освободить. С шестидесятых годов началось брожение, которое закончилось сначала 1905 годом – оказывается, не закончилось -- потом 1917 – но вместо весны и таяния наступили затяжные рождественские холода, родилась новая религия, еще более единомышленная, чем христианство, русский человек удовлетворенно вмерз в государственное оледенение – а тут неожиданно вместо Берии Хрущев: в меру хитрый, в меру недалекий, в меру не жестокий – и что он вам сделал, что Российская интеллигенция никак не может ему простить, что перестал сажать? Церковь зажимал, но священников не закапывал живьем в землю, как большевики. Его отставили в 1964 году, антикоммунистическая революция началась в 1989, через 45 лет – а меня ругают друзья-сталинисты, что это Хрущев виноват в падении коммунизма, потом Солженицын, потом и Виктор Астафьев с Распутиным и Беловым, и косвенно даже я, хотя я даже Оводом не был, а так, комариком махоньким жужжал против советской власти, это же ваши Чубайсы и ваши члены Политбюро с Горбачевым и Ельциным ее свергали!

В поздней советской власти стало появляться что-то народническое, а **русское народничество** – антипод сталинизма и большевизма, мы в крайнем случае от Разина и Пугачева, от Ермака и декабристов, от социалистов-революционеров, но уж никак не от *эсдеков* с тяготящим библейским и гегелевским марксизмом.

Но надо попытаться ухватить что-то главное в скрепах духовно-физического бытия, что показывало бы даже на фоне житейского шума их важнейшие различия, их несоединимость, как лицемерия и открытости, как добродушия и жестокости, как подозрительности и доверия.

Поэтому от духовного опущусь я к биологическому, от воли к инстинкту.

Одна из скреп мироздания – космического, природного, народного, личного – это **притяжение**: всемирное тяготение физических частиц, половое притяжение индивидуумов, уже и растений, и птиц, и млеко-

питающих, точно так же и человека. С эстетической точки зрения при усложнении видов ничего особенного не меняется, опыление насекомыми или ветром растений, пожалуй, образец красоты, а поведение некоторых видов рыб при походе на нерест даже нам, людям, показывает образец героизма. Птицы умирают при разлучении, пчелы свиваются в рой в удивительной гармонии (не менее прекрасной, чем деревенские танцы), даже планеты в эклиптике соединяются в стройном семейном сообществе, да можно и о Луне грезить как о влюбленной девчонке, бегающей вокруг суровой Земли.

25 февраля 19, 15-00. Любовь, естественно, бывает и романтической, и трагической, и страстной, и чувственной, и целомудренной до отрицания (в 13 – 15 лет) – но любовь не ущемляет эстетическое чувство, хотя в основе ее природный инстинкт, а цветы ее даже часто *надприродны*. Бывшие комсомолки, ставшие христианками, как и бывшие блудницы, покающиеся в природном влечении, хотели бы заменить ее *духовной любовью*, так чтобы выжечь, как в пустыне выжжена земля, всё природное. Однако, хватит споров, они никого ни в чем не убеждают, но как я думаю, и почему, об этом писать стоит. К тому же я обещал (LL), что сегодня начну писать новую книгу: «Философия русского народничества».

Естественно, что я начну с оснований, то есть с фундамента того здания, которое буду строить.

Даже цветы вырастают из земли, корни их в почве, среди других корней, частично и стебель, да почвенное проникает до лепестков, а природное (среди него и воздух и вода, и почвенная, и та, что в дожде, и та, что в воздухе) проникает все растение в целом. Но в отличие от материалистов, я имею и слух и зрение, и вкус, и обоняние и осязание, и не настолько сумасшедший, чтобы вздумать, что и мысли и чувства, и впечатления, и само чувство прекрасного – это только видоизменение почвы или воды или воздуха. Но и наоборот, я понимаю, что цветок вырастает из почвы, а не из моих мыслей и моих ощущений, они принадлежат разным природам, вещественной, чувственной, сознательной, даже трансцендентной. Видимо, источник у них один, как у живописной картины, которая состоит из холста, красок, рамы, замысла живописца и его мысленно-чувственно-зрительного представления, но мы понимаем, что рама и краски и холст не состоят из этого представления, а оно, в свою очередь, не состоит из них.

Вот так и та Идея-Чувство, которая является одним из оснований бытия, то есть **Любовь**, не состоит из воды или почвы или цветов, но тем не менее она триедина, то есть природная, метафизическая, трансцендентная. Как метафизическая, она обнимает собою культуру или входит в нее и в быт; как природная, она в еще большей степени входит в жизнь, но не меньше метафизической входит и в культуру; и наконец, как трансцендентная – входит в философию и в богословие, но все же и в некоторой степени присутствует во всем: как вода входит во все на земле, она даже есть в минералах.

Вторая Идея-Чувство – это **Долг** или чувство долга.

И третья – национальное **чувство**, т.е. **чувство народности**, при-

надлежности к народу, патриотизм, любовь к родине, «любовь к отеческим гробам, к родному пепелищу».

Итак, три основных идеи-чувства: **любви, долга, народности** – лежат в основании и *мироощущения*, и самой жизни, входя в жизнь как три разрозненные реки соединяются в одну большую и становятся единой рекой. У этих трех чувств есть еще более исходные основания, общие для всего живого, сама **природность** и ее собственные регуляторы, побуждения, заменяющие волю, предшествующие ей, называемые *инстинктами*: *инстинкт пола, инстинкт долга, инстинкт принадлежности к роду и виду*. Поскольку все они являются **притяжениями**, то они словно бы разновидности **любви**, но все же их надо разделять, половой инстинкт подобен жажде, и только у женщины он порождает потребность в рождении ребенка, потребность его защищать и лелеять, то есть становится особенным материнским чувством, *материнской любовью*; половой инстинкт мужчины существенно отличается от того же инстинкта женщины, он – инстинкт хищника, потребителя, завоевателя, чаще всего он подобен жажде, напившись, мужчина уже не жаждет и не притягивается, то есть не испытывает любви.

И все же, так или иначе, пусть не всегда, пусть не в полной мере, пусть не так легко, как горит дерево, но горит в конце концов и тот камень, из которого создан мужчина, хотя бы как исключение (а, как известно, исключение тоже является правилом, оно по своему тоже принадлежит всеобщему).

Половая любовь, долг, любовь к своему народу и к своим соплеменникам (*любовь к ближнему*, как ее назвал Ветхий Завет, потому что соплеменники, *сородичи*, в крайнем случае *семейные* – это самые ближние у человека, помимо друзей) – это все разновидности общего чувства любви, хотя, разумеется, их нельзя отождествлять, мужчина и женщина ведь тоже разновидности человека, однако в любви мужчины к женщине или женщины к своему ребенку проявляется все же не любовь человека к самому себе, и так же любовь к народу ничего не имеет от любви к женщине. (Поводы вспомнить христианство появляются часто, и в данном случае тоже: ну почему "враги человеку домашние его"? Почему "лучше человеку **не** прикасаться к женщине? Такие утверждения-призывы Христа, и вражда к женщине, культивируемая в эпохи усиления религиозного христианского чувства вызывают во мне в лучшем случае удивление, как и множество других удивительных призывов, если не сказать "безумных" – и жить во гробе и презирать мир, и полагать, что дьявол – князь мира сего, и жить для будущего века – так и у коммунистов для будущего – и возлюбить врагов, и неведомых *ближних*, но в то же время не единоплеменников, и любить своих господ и рабовладельцев, по велению сердца, и быть кротким, смиренным, покорным, держа постоянно очи долу – а как же тогда сражаться с захватчиками?! – более всего меня удивляет, что несмотря на все эти призывы, которые никак не приспособить к подлинной жизни, для которых ну нет подходящих людей кроме монахов, которые не женятся и не заводят детей, – так много тех, кто прикипает сердцем к этому учению. К чему же именно они прикипают? Если это не тайна, почему бы им не рассказать и нам о причинах своей любви к Христу и христианству?!)

Итак, **любовь, долг и чувство народности** – вот основания жизни!

Но как же вера? Входит ли **вера** – не доверие к чьим-то словам и поступкам, не доверие к человеку, не вера в свой народ, в близких, в друзей и родных, а *религиозное чувство веры в Бога* – входит ли оно в необходимое основание бытия? Не менее необходимое, чем любовь между мужчиной и женщиной и любовь к детям и родителям, вырастающие из полового инстинкта, то есть родовая любовь, тот самый первородный грех, который и послужил причиной падения мира и человека?

Входит ли вера в бога в необходимое основание бытия?

Ответить на этот вопрос не легко, потому что надо объяснить, что такое бог, что такое вера, нужны ли бытию некие основания кроме него самого – а многие предпочитают ничего не объяснять: или потому что думают, что и так все понятно, или потому что не умеют, или даже не знают, о чем идет речь.

Даже если речь идет о боге, то ведь еще не ясно, о каком именно боге идет речь, о Будде, Аллахе, Зороастре, Христе? Иисус из Назарета, родившийся от девы Марии, был обрезан в восьмой день в синагоге и в двенадцать лет сбежал от родителей в Иерусалиме, чтобы именно в ней разговаривать с священниками (по-видимому, о вере в Бога), ее он назвал «домом отца моего», и был он и по рождению и по вере евреем, и отцом его, как он сказал, был именно тот Бог евреев, любовь к которому была главной заповедью Ветхого завета и которую он повторил, следовательно и он поклонялся, любил и верил в того бога, что и все (вторую заповедь иудаизма: *любовь к соплеменникам*, он отверг, переиначил, превратил в любовь ко всем без различия – хотя это не совсем ясно, как и многое – да, кажется, что именно так, но сказано как-то двусмысленно, не определено, вот и ближний – все, кроме домашних? Кроме грешников или, наоборот, кроме праведников, потому что сам он пришел спасать грешников? Но оставим эти двусмысленности, это форма его проповеди. Многим и до сего дни не до конца ясно, умер он при распятии или нет, воскрес ли (сам апостол Павел как будто в сем сомневается), пришел ли спасать свой народ или всех кроме своего, только ли по вере, или по делам? Отверг ли добродетели как устаревший хлам, призвав разбойника одесную отца своего? Призывал ли быть добродетельным, или веру противопоставил всем добродетелям? И так далее... Да и главное: надо ли было стремиться стать добродетельным человеком, хотя бы просто хорошим? Или вера в бога и любовь к ближнему (в этих двух заповедях, сказал Христос, весь Закон и Пророки!) – уже достаточны? И ведь трудно назвать добрыми доминиканских монахов и римских пап, опутавших Европу сетью инквизиции, трудно назвать добродетельными судей, судивших Жанну Д*Арк и сожегших ее на костре!

Надо быть великодушным, хотя бы не жестоким, способным к милосердию, состраданию, надо «жить не по лжи», говорит Солженицын – и именно **сострадание**, а не любовь к ближним или к богу или повиновение власти – **главный закон жизни!** Его трудно регламентировать, нет таблицы мер и весов, в которой бы рассчитывалось, где, когда и сколько – да ведь и в кого влюбиться, тоже не рассчитывается и не предписывается, а «как звезды сойдутся или как обстоятельства сложатся». Но сострадание **не** отменяет ни

долг ни любовь, ни страх смерти, ни свободу ни необходимость. Вообще кажется, что как только то или иное превращается в правило, так оно засыхает.

Но о вере и о боге мы не договорили. Будем говорить о христианах. Христос верил в общего для всех иудеев бога, христиане верят в своего бога, в Христа, то есть в Спасителя, который одновременно и Сын Божий, пришедший на землю для нашего спасения (миф о его пришествии именно о нем и его миссии и говорит, и Бог в этом мифе – это Бог-Отец, пославший Сына, восклицавшего на Голгофе: да будет воля Твоя, а не моя! – в пространстве Новозаветного мифа сын божий еще не бог, или не совсем бог, он повинуется воле Отца и не тождествен отцу во всех частностях, он испытывает страх, сомневается, он даже умирает, хотя и на время – богословы конечно, начнут антимионию, что мол это умерло тело, а дух не умер – так в таком случае надо ли нам верит в наше воскресение по его образу и подобию? Мы то разве не совсем умираем?

Итак, *страдающий и распятый Бог, умирающий и воскресающий* – это при всем триединстве и тождественности ипостасей и при все единости сына отцу не отменяет ведь *неслиянность* (я напоминаю вам Символ веры)?! И это умирает и воскресает Сын Божий, но не Бог-Отец!

Центральное чувство, которое соединяет весь сюжет Нового Завета в единое целое, которое является осью его и сердцевиной, как любовь в повести о Ромео и Джульетте – это вера! Христос призывает верить, порицает маловеров, устыжает их, говоря, что если бы они *верили хотя бы с горчичное зерно*, то уже, быть может, и миссия его бы осуществилась! Эта вера – вовсе не доверие, и не любовь, это присоединение к магии, эта вера является источником чуда и силой, которое его производит, это способ преображения мира. По вере дается все, что необходимо – не по трудам, не по праведности, но по вере – и даже сомнение исчезает, и воскресение наступит – только по вере и только для тех, кто верит. Есть ли Бог? Бог есть только для верующих. От неверующих он скрыт, верующим он является, словно бы «становится быть». Есть бог или нет его? В пространстве неверия его нет, в пространстве веры он есть, и есть только в этом пространстве. Правда, при конце света сомнительно, чтобы неверующие продолжали жить как ни в чем не бывало, следовательно, конец света наступит для всех – но тогда, возможно, и бог явится всем. Но все же эта религия обладает странной особенностью – то, о чем она повествует, не только становится видимо только для верующих, но и становится существующим только для них. Правда, это так во многих случаях: Бетховен великий композитор, и Пушкин и Лермонтов великие поэты, но лишь для тех, кто слышит и внимает музыку и слово. И математика нема для не понимающих ее письма, и красота не видима слепым. Да, какая-то неразрешимая квадратура круга! Но и правда, надо возвышаться, надо подниматься по лестнице культуры и образования, ходить в филармонию и концертный зал, в драму и оперу, чтобы уже по движениям музыкантов слышать музыку, по взлетающим над клавишами пальцам Полины видеть, как из кончиков их истекают звуки, и одновременно соединяться в некое целое и с концертным залом и с музыкантами, и с инструментами. Для тех, кто

яростно порочит чувственную любовь – разве не все основания и флюиды плоти содержатся в музыкальной гармонии? А вы пытаетесь выделить из целостности некую *духовность* и противопоставить ее живому человеку! Когда и сама плоть духовна, духовны и звуки, и краски, и движения! (Вот так слышал музыку глухой Бетховен, глядя на ноты, он ее слышал внутренним слухом, да, несомненно, даже то движение тела, предплечья, руки, кисти и пальца, которое заканчивалось звуком, уже заменяло звук!)

Вера в Бога, о которой говорил Христос, уже внутри христианского мифа была только отчасти верой и любовью к ветхозаветному богу-отцу, преимущественно же она превратилась в веру в Христа (в Бога иудеи и так уже верили), поэтому и Христос стал Богом. «Спаси меня, Господи, и помилуй!» – к кому обращается верующий? Несомненно, что он обращается к единому Богу, которым для него стал Христос. И посему иудеи его распяли не только за то, что он вообразил себя богом и назвал себя им – но что он стал богом своих последователей и учеников, собою он заменил Бога иудеев.

Но входит ли **вера**, *религиозное чувство веры в Бога* – в необходимое основание бытия? Не менее необходимое, чем любовь?

Повторяя этот вопрос, мы уже должны его переиначить – *необходимы ли Бог и вера в него для полноты бытия, для ощущения его прочности, духовной наполненности?* Тожественна ли вера в Иисуса Христа вере в Бога? Что человеку дает эта вера?

Те, кто ходит в концертный зал, в театр и в оперу, кто много читает, счастливы, когда слушают музыку, когда ее предвкушают, они испытывают опустошенность, когда музыку долго не слышат, но даже мне не так легко объяснить человеку, далекому от музыки, что она мне дает. Возможно, так же наполняется человек духом святым в храме, он испытывает блаженство, подобное тому, которое испытывает юноша при свидании с возлюбленной, или даже еще большее блаженство, и связь с церковью, посещение богослужений – не связаны с тем, воскреснет ли он, ждет ли он воскресения, он просто на время утешается общением с высшими небесными сущностями, подобными музыке сфер, о которых говорю я, пьянеющий при звуках музыки. Но мы говорим пока языком, описывающим награды, радости и наслаждения, испытываемые нами в тех или иных обстоятельствах. На этом языке мы не различим посещение ресторана, стадиона, карнавала, храма и филармонии. Лучше сосредоточиться на двух подобных ипостасях духовного общения: классическая культура (происходящая из эллинской, почему она и называется классической), и вера в Бога. Жизнь внутри Культуры, с нею и для нее – и жизнь в церкви, в Боге, с Богом и для Бога.

Жизнь в пространстве культуры не противостоит жизни мирской, жизни личности, с ее собственными целями и задачами, побуждениями, с ее собственным содержанием, не противостоит жизни народной; а жизнь религиозная требует от человека отделения от мирской жизни. Но, правда, так называемый религиозный человек (например, христианин), живет почти тою же жизнью, что и я, то есть и в мире и в культуре, и религия для него – некое дополнение к культуре, он ведь не уходит в монастырь и не отвергает театр, книги,

филармонию, но как другие собирают марки, так он ходит в церковь. Тогда что нас разделяет и о чем мы спорим? А спорим мы о том, что разделяет двух человек, когда идет война, и один уходит воевать (хотя, быть может, берет с собой томик стихов Есенина или скрипку), а другой воевать не уходит. Один подвергает себя риску смерти, а другой спасается в церкви.

Спорим мы о смысле жизни, а не о кратковременных ощущениях радости или наслаждения, и спорим о содержании жизни. Есть два противостоящих и разделенных между собой мировоззрения: одно отношение к миру, один взгляд на мир определяется тем, что человек высшей ценностью бытия и важнейшим критерием добра, красоты, правды, справедливости считает Бога, другое отношение к миру обусловлено ценностью самого мира, ценностью каждой отдельной человеческой жизни – опираясь на идею Протагора, считаем ли мы, что человек – *мера всех вещей*, или *мера всех вещей* – независимая от человека сущность, стоящая над ним как господин стоит над рабом? Мир, в котором мы живем, Антропоцентричен или Теоцентричен? В первом случае высшие ценности и смысл жизни сосредоточены в человеке, семье, народе, любви, культуре, труде, долге перед человеком и народом, даже и перед миром в целом; во втором случае «из праха мы и во прах обратимся», и прекрасные творения Фидия на улицах Афин – это идола (глазами пустынножителя апостола Павла, да и самого Христа), и даже самая очаровательная женщина – последнее создание и вместилище порока.

«Да мы ведь так не думаем!» – вскричат мне современные христиане – только потому, что они уже отреклись от христианства, оно для них – род развлечения – но такой же род развлечения для них и собственный народ и культура и семья. Россия и русский народ в опасности, **идет война** – пусть за русские ценности воюют другие, у нас свои ценности, более высокие, гордо заявляют они. Но готовы ли они в случае необходимости жертвовать жизнью за христианские ценности? Правда, есть худшие, те, кто ведет войну против **народа**, против личности и гуманизма, кто **народное начало** дискредитирует, пытается опорочить, унижить, смешать с нацизмом, расизмом, проповедью превосходства. Верьте в своих богов, отвечаю я им, поклоняйтесь им, я их у вас не отнимаю, но не ваши боги полили эту землю своею кровью, а наши отцы и деды, и поэтому не презирайте и не предавайте поруганию все то, что выросло на этой земле, выросло из плоти и определяется чувствами и идеями, заложенными в основании живого, что природно по корням, но трансцендентно по цветам и плодам, что физика и биология по природным притяжениям, и метафизика в пространстве культуры. Спор наш пора закончить. Мы **язычники**, ибо исходим из *народа и языка*. Мы **почвенники**, мы сберегаем и ценим **природу**, но направление нашего развития определяется *энтелехией и телеологией* и той божественной силой, которая проникает и наполняет духом весь Космос. В нас нет неприязни, только грусть, ибо мы видим нашу задачу в **преображении Русской земли** и готовы подать руку помощи каждому, кто любит Россию. *Ваш бог – отделенная от мира частность, наш Бог – созидательная сила, наполняющая мир.*

Ольга Мальцева

На фотографии старой, потёртой,
В кепке на вырост с большим козырьком,
Мальчик серьёзный, в коротеньких шортах.
– Кто ты, малыш? – ты же мне незнаком...

Это мой папа... Со взором недетским.
Сколько ему? – лет, наверное, шесть.
Смотрит сквозь годы и робко, и дерзко –
Видно, характер у мальчика есть.

Будто предвидит судьбы испытанье,
Детства беспечного быстрый полёт, –
Веет войны ледяное дыханье.
Год сорок первый на фронт призовет...

Не оторваться от жёлтого снимка,
Чувствую сердцем живое родство.
В тёплых руках поддержку, как в обнимку,
По-матерински согрею его.

Руки отца

Отец был ранен в локоть под Берлином,
Но руку не позволил удалить...
Он так желал труда на поле мирном,
И Бог решил: руке здоровой быть!

Вот так и жил: рассветною зарёю
Брал инструмент, лопату и топор.
А мне тогда казалась жизнь игрою,
В глазах отца – улыбка и задор.

Учитель математики, а руки –
С мозолями тяжёлого труда,
Не знавшие ни лени, ни скуки,
С бездельем не водились никогда.

Я не могла смотреть на них без боли:
На них судьба ясней, чем на лице –
С ладоней не сходящие мозоли
Сильнее слов сказали об отце.

Октябрь 2018

Российские Мадонны

Были вы юные, милые, чистые,
Как полевые цветы по весне, –
Грянули беды с войною фашистскою,
Ужас весь век будет сниться во сне.

И не забудутся вальсы прощальные,
Как провожали мальчишек на фронт,
И переписки, и песни вокзальные, –
Многих обратно война не вернёт...

Ноша в тылу – испытанье жестокое:
Ночь – за станками, и в зной – на полях,
Верили, ждали победу далёкую,
От похоронок – подушки в слезах.

Были солдатками вовсе не робкими,
Рвались девчонки служить в медсанбат,
Сметь побеждали военными тропами,
Подвиг сестёр помнит каждый солдат.

Были вы юные, стройные, милые,
Очень хотелось красивыми быть,
В платьицах скромных – душою счастливые,
Главное – Родине верно служить.

И поднимая страну разорённую,
В светлых глазах огонёк сберегли.
Всё вы успели за юность бессонную:
Время бежало – и дети росли.

Неисчислимы заботы бесменные,
Взрослые внуки с любовью глядят:
Мамы и бабушки наши бесценные,
Пусть же сердца ваши долгие горят!

Свет серебряной луны

Осенняя Женщина

В.Д.

Не сетуй, что голова седея,
Что возраст, дескать,
Не стоит на месте.
Не сетуй.

Я люблю их седину,
В них свет серебряной луны,
В них мужество,
Отвага и решимость,
В них сила жизни,
Нежность и любовь,
Всё то, что было до сих пор.

Не сетуй, что голова седея,
Что возраст, дескать,
Не стоит на месте,
Не сетуй.
Я люблю их седину,
В них свет серебряной луны.

**ДОРОГИЕ ВНУЧКИ, ДОЧКИ, СЕСТРЫ, ПЛЕМЯННИЦЫ, МАМЫ,
БАБУШКИ... А ТАКЖЕ ПРА.. ВНУЧКИ И ПРА.. БАБУШКИ!
А ТАКЖЕ ВСЕ ЗНАКОМЫЕ И НЕЗНАКОМЫЕ ЛИЦА ЖЕНСКОГО
ПОЛА НЕЗЯВИСИМО ОТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ!!!**

**РЕДАКЦИЯ И АВТОРЫ И СЕКЦИЯ КРИПТИКИ И СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ И ВСЯ ПОЛОВИНА РОДА ЛЮДСКОГО ПОЗДРАВЛЯЮТ
ВАС С УЗАКОНЕННЫМ ДНЕМ ПОВИНОВЕНИЯ МУЖЧИН
ЖЕНЩИНАМ!!!!**

**ЕСТЕСТВЕННО, И ЭТОТ ДЕНЬ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ДНИ ГОДА
И НАШЕЙ ЖИЗНИ ТАКЖЕ ПОСВЯЩЕНЫ ЛЮБВИ, ТОЛЬКО
ЛЮБВИ... И НЕМНОГО ЕЩЕ ЧЕМУ-НИБУДЬ КРОМЕ ЛЮБВИ**

**ПРЕПОДНОСИМ ВАМ ЭТИ СКРОМНЫЕ ЦВЕТЫ, СОЗДАННЫЕ
РУКАМИ ДВУХ СЕСТЕР – МАРИИ И ЗИНАИДЫ ЛАНСЕРЕ**

МУЖЧИНЫ

Альбом был подарен мне Зинаидой Серебряковой в 1966 году (посмертно) – это было подлинное чудо – и я вправе рисунки из него дарить лучшей половине нашего рода. Редактор

На обложке рисунок Е. Лансере (дяде сестер)

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики

(для всех, кто любит отечество)

на правах рукописи

№ 12

Подписано в печать 7 марта 2019

Формат 60x90 1/16 14,5 п.л. = 232

Печать по требованию

Редакция не несет ответственности за мнения авторов

Почта редакции
Email: mvnch@mail.ru

СПб
2019